

НЕВИДИМЫЙ МИСТЕР ГРИН

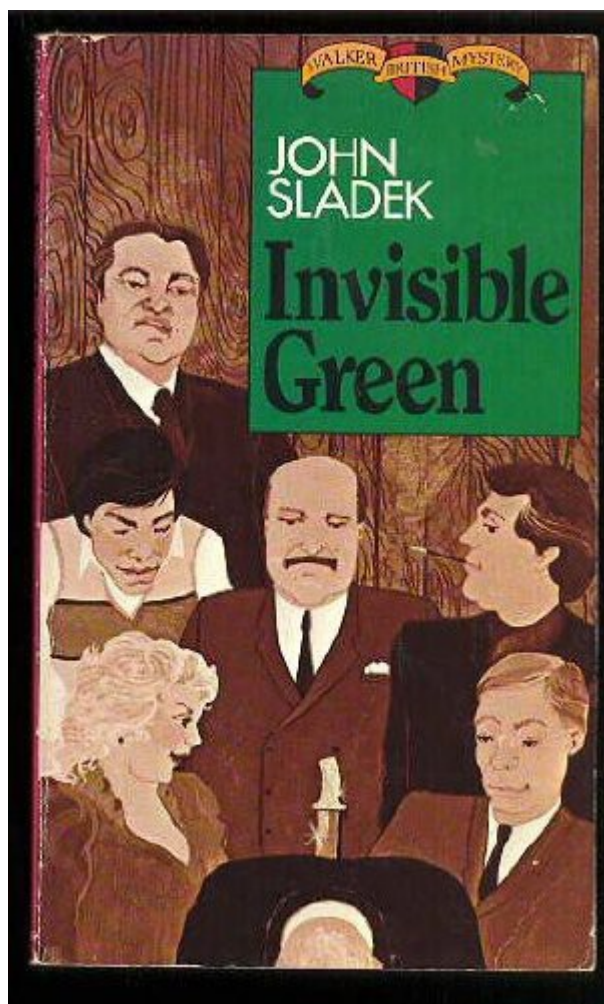
Джон Слейдек

Invisible Green by John Sladek

Copyright © 1977 by John Sladek

First published Walker Publishing Company, Inc., USA, 1979

Перевод на русский Валентина Макарова, 2018

АННОТАЦИЯ

Невидимый мистер Грин

Низко надвинув шляпу, фотограф поспешил выйти под дождь. Пока он добирался до автобусной остановки, лица Семерки Разгадчиков начали стираться в его памяти. Он думал о старом сэре Тони с бутфорским кинжалом в спине, думал о лицах тех, кто был шокирован увиденным, и тех, кому розыгрыш откровенно не понравился...

Однако на одном лице, он помнил точно, промелькнуло выражение, которое немец назвал бы *Schadenfreude*, но фотографу пришлось довольствоваться «дьявольской усмешкой». Один из Семерки втайне торжествовал над «телом» сэра Энтони Фитча. Но кто именно?

У фотографа была плохая память на лица.

*Ужасный мистер Грин
Для всех всегда незрим.
Случись где злодеянье,
Растает как дыханье.
На месте преступления
Он вроде привиденья.
Где смерть — там носит грим
Ужасный мистер Грин.*

ПРОЛОГ

Вечер с Семеркой Разгадчиков

Осень, 1939

— Пожалуйста, все смотрим на меня и улыбаемся, — сказал фотограф. — Замерли. — За двадцать лет съемок невест и новорожденных он сделался равнодушным к выражениям человеческих лиц, улыбались те или нет. Ему нужна была всего лишь правильная композиция. Семь розовых капелек хорошо различались на матовом стекле его камеры. Он нырнул под накидку.

Одна из капелек вела себя неподобающе. Она перевернулась, показав лысый затылок. Остальные шестеро смотрели прямо.

— Очень хорошо. Пожалуйста, замерли... — Что-то было не так. Фотограф вынырнул из-под накидки и взглянул еще раз.

Один из Семерки Разгадчиков — старикашка с седыми усами — сгорбился на стуле и опустил голову: между лопатками торчала деревянная рукоятка разделочного ножа.

— Господи! — прошептал фотограф.

Никто не двигался. На секунду все оторопели. Затем один из них протянул руку и мягко потрепал старика за плечо.

— Довольно, сэр Тони. Мы хотим побыстрее закончить с этим.

Старик выпрямился, потянулся через плечо и достал до рукоятки бутафорского ножа. Мило улыбаясь, он сказал:

— Я подумал, было бы не плохо сфотографироваться с жертвой. Мы ведь как-никак клуб расследования убийств.

Женщина среди собравшихся пыталась подавить смех, а двое юношей стонали и гримасничали. Каким-то образом фотографу все же удалось призвать их к порядку.

— Замерли, — повторил он. Клуб расследования убийств, говорите? Время от времени фотограф воображал себя в хорошем двойном убийстве топором в *The News of the World*¹, но вряд ли думал, что окажется в клубе, где будут запросто обсуждать подобные вещи.

Всему есть место под луной, не так ли? Вот этим, регулярно собирающимся в частных апартаментах ресторана «Альберто», тоже. Если они настолько увлечены кровавыми, шокирующими убийствами, зачем сидят и рассуждают об этом, хлебая дорогой алкоголь? Чтобы на них пялились официанты? С таким же успехом можно поехать в *Gaumont*² и посмотреть кинохронику — там этого добра навалом: Испания, Абиссиния, а теперь еще и Чехословакия. Разбомбленные синагоги и длинная безликая вереница спасающихся беженцев.

Сейчас, присмотревшись, он находил в этих лицах нечто странное. Они не гармонировали друг с другом. Семерка Разгадчиков могла состоять из беженцев разных мастей, которых объединяло только совместное бегство от военной катастрофы. Было еще что-то в их лицах, что-то мрачное, чего он не мог разобрать.

— Замерли. — Он взглянул отдельно в каждое лицо и попытался представить напротив него имя, указанное в его книге заказов. Старый джентльмен, сэр Тони — это сэр Энтони Фитч. Двое юношей, должно быть, Латимер и Портман. Кто-то сказал, что один из

1. Британский таблоид, издавался с 1843 по 2011 год.

2. Кинотеатр в Килбёрне на северо-западе Лондона.

них клерк-стажер в адвокатской конторе, другой — студент-химик в Лондонском университете.

Девушка? Обыкновенная блондинка (в этом платье особенно), как бы экзотично ни звучало ее имя: Доротея Фараон. Мужчина средних лет с армейскими усами, наверное, майор Стоукс. А этот амбал, подозрительно косящийся на камеру, словно гангстер, должно быть, мистер Дэнби, полицейский констебль. Наконец, полноватый женственный молодой человек с длинными волосами. Он настоял на том, чтобы позировать в профиль, размахивая своим портсигаром. Его звали Хайд.

— Все молодцы, всем спасибо.

Сэр Тони предложил фотографу выпить. Тот попросил «Басс»³, получил его и быстро выпил, натягивая макинтош. К нему подрулил Джервейс Хайд и попытался отвлечь на минутку беседой об искусстве фотографии.

— ...сам художник, знаете ли. Поэтому некоторым образом могу авторитетно заявить, что фотография разрушила старую структуру эго, жесткий «практицизм» искусства и оставила живопись свободной для исследования пластических форм id⁴ мира.

— Id мира?

— Мир подсознательных видений, царство темных фантазий и глубоко укоренившихся комплексов. Где ненависть, страх и желание лишь маски...

Рыгнув, фотограф подхватил футляр с фотокамерой и взвалил на плечи штатив.

— Я прошу прощения... Успеть бы на автобус...

— Конечно. — Хайд повернулся к мисс Фараон: — Я как раз объяснял нашему другу...

Внизу светился теплый и желтый ресторан. Скрипач играл последним клиентам, молодой паре, которая, видимо, хотела, чтобы он ушел. В глубине древний эспрессо-автомат... шипел и икал. Думая о дожде на улице, фотограф решил задержаться и выпить кофе.

Скрипач посмотрел на свои наручные часы, а официант шагнул вперед, чтобы придержать дверь.

— Доброй ночи, синьор!

— Доброй ночи. — Низко надвинув шляпу, фотограф поспешил выйти под дождь. Пока он добирался до автобусной остановки, лица Семерки Разгадчиков начали стираться в его памяти. Он думал о старом сэре Тони с бутафорским кинжалом в спине, думал о лицах тех, кто был шокирован увиденным, и тех, кому розыгрыш откровенно не понравился...

Однако на одном лице, он помнил точно, промелькнуло выражение, которое немец назвал бы Schadenfreude⁵, но фотографу пришлось довольствоваться «дьявольской усмешкой». Один из Семерки втайне торжествовал над «телом» сэра Энтони Фитча. Но кто именно?

У фотографа была плохая память на лица.

Доротея Фараон затеяла лекцию «Холмс и дедукция». Пока молодые люди расставляли стулья, майор составил компанию сэру Тони у камина.

— Удивительная вещь — убийство, — сказал сэр Тони.

— А? Что?

3. Знаменитое британское пиво.

4. Оно (*лат.*) — бессознательное в психике.

5. Злорадство (*нем.*)

— Я имею в виду то, что объединило всех нас. Я заметил, как фотограф разглядывал нашу группу, должно быть, думая, что попал в общество ненормальных.

Майор Стоукс бросил через всю комнату взгляд на Джервейса Хайда.

— Некоторые, — заметил он, — перецеголяли остальных в плане ненормальности. Этот парень в бархатной куртке — уж точно.

— Да, но разве не все мы немного... того? Где еще, майор, можно встретить лондонского бобби, адвокатского клерка, баронета, отставного военного, дочь зеленщика и... божественного эксцентрика, не говоря уже о студенте-химике — собравшихся в одном месте за обсуждением одного предмета?

Но майор не слушал. Он снова, по обыкновению, что-то строчил в своей записной книжке. Сэр Тони протянул тонкие кисти к огню, развлекая себя мыслями о воображаемых убийствах.

Семерка Разгадчиков, вынужден был признать он, как наспех собранная дорожная сумка, напоминала классический набор подозреваемых в убийстве. Они происходили из разных слоев общества, отличались воспитанием, деньгами, возрастом. Включая пол, добавил он, глядя на Доротею. Лакомый кусочек, бездарно растрачивающая себя на этих неряшливых молодчиков. Эх, сбросить бы ему сейчас лет сорок... Но всех их объединяло убийство. Великий уравниватель, подумал он. Демократия смерти.

Конечно, свело их не реальное, а вымышленное. Убийство для Семерки Разгадчиков означало «запертую комнату» или деревенский дом, отрезанный снегом. Оно означало секретные шифры, переодевание, яды, не оставляющие следов, и шелковое пенджабское лассо. Оно означало Огюста Дюпена (пенковая трубка и размышления), Шерлока Холмса (наркотики и дедукция), патера Брауна (благочестие и пронизательность). Оно означало подозреваемых с ложными алиби, должным образом уводящие в сторону улики, откровения в зале судебных заседаний. Оно означало проблему переписанного завещания; проблему головы с вмятиной от каминной решетки; и проблему того критического момента, когда подозреваемые собираются вместе, и гаснет свет...

Убийство означало игру с правилами.

Игру, подумал сэр Тони. Конечно. Вот почему мы воспринимаем ее так серьезно. Каждый по-своему, но все ее воспринимают на самом деле очень серьезно.

Сквозь полузакрытые веки он смотрел на лица своих товарищей по псевдопреступлениям.

Майор Эдгар Стоукс в свои сорок выглядел как типичный отставной офицер. Спортивными в этом напыщенном индюке были только коротко подстриженные усы да отрывистая манера речи. В редких случаях он баловал себя двойным виски, превращаясь в высокомерного крикуна с типично казарменной нетерпимостью. Но помимо странной скрытности в его характере присутствовали откровенно не милитаристские черты. Например, его записная книжка. Окружив себя секретностью, он все время что-то заносил в нее и записывал, отрицая, что это дневник или наброски рассказа, а на любые просьбы ознакомиться с ее содержанием, уводил разговор в сторону.

Многое можно было бы списать на его интерес к шифрам и шпионским романам, он по своей натуре мог быть просто скрытным человеком, но теперь сэр Тони знал другое.

Недавно баронету посчастливилось заглянуть в записную книжку через плечо майора Стоукса. И он увидел бессмысленную череду букв и символов.

— Интересный способ ведения записей, — сказал он. — Что-то вроде шифра, да?

Записная книжка тут же захлопнулась со звуком ружейного выстрела.

— Никто не давал вам права подсматривать.

— Ну что вы, майор, в самом деле. Все мы знаем о вашей всепоглощающей страсти к шпионам, секретным кодам и романам Эрика Эмблера.

— Это не имеет никакого отношения к беллетристике. — Майор огляделся по сторонам в поисках лишних ушей. — Это делается в интересах государства.

— Серьезно? Почему же вы не хотите посвятить меня в это?

— Можете улыбаться сколько угодно, но вышло так, что я работаю над списком потенциальных иностранных агентов в Лондоне. Красных агентов. Выходцев из Восточной Европы. Так называемых «беженцев».

— Боюсь, я не улавливаю. Вы связаны с Секретной Службой? МИ13⁶ или как они там называются?

— Нет, я работаю один. Пока. Но когда Британия одумается и объединит силы с Германией, мои услуги будут весьма востребованы.

— Объединит силы с... Чушь!

Но несмотря на все протесты майор продолжал излагать свои бредовые фантазии по поводу устройства новой англо-германской Европы. Сам он не был нацистам, но только потому, что считал эту философию слишком «иностранной». Любое иностранное было подозрительным, особенно коммунистическое, считал майор.

— Если я слышу в ресторане, что человек заказывает бефстроганов, я прошу официанта узнать его фамилию. И если фамилия иностранная, — не удивляйтесь, в большинстве случаев так и получается, — она в моей записной книжке. Для дальнейшего использования.

— Но наверняка...

— Не только иностранцы, конечно. Художники. Люди *богемного* образа мыслей, как наш друг Хайд. Красные, большей частью. Эти делают все возможное, чтобы подорвать наши моральные устои, нашу твердость. Они в моей записной книжке. Для дальнейшего использования.

Сэр Тони с немалым удивлением обнаружил за трезвой и респектабельной наружностью опасного сумасшедшего. Возможно, еще не совсем опасного, ибо безумие пока ограничивалось только записной книжкой. *Но да поможет нам Господь*, подумал сэр Тони, *если такие, как майор Стоукс, когда-нибудь дорвутся до власти. Мы все, вероятно, у него под колпаком. Не пропустит ни одной случайной фразы. Поди, возомнил себя шпионом в логове врага.*

Фрэнк Дэнби, полная противоположность, вероятно, считает, что находится в кругу друзей, но это далеко не так. Молодой, грубый, вспыльчивый полицейский, которому место скорее у клетки с буйными пьяницами, нежели в клубе логиков.

Сэр Тони посмотрел на него. Даже здесь Дэнби не мог расслабиться, словно готовился к условному захвату. Одна тяжелая рука крепко обхватила стакан, другая, согнутая в локте, сжалась в кулак. Казалось, в уголке его рта навсегда застряла «Вудбайн»⁷, от дыма которой он шурился, что делало его похожим на ищейку, рыскающую по комнате в поисках жертвы.

Интерес Дэнби к убийству был столь же отталкивающим. Его восхищали сообщения об убийствах из дробовика. В который раз он рассказывал членам клуба одну и ту же историю о самоубийстве в Лаймхаусе, о том, как он видел повешенного, который был китайцем и профессиональным карточным игроком. Дэнби смаковал каждую деталь в описании тела. Из детективов он читал только «крутые», американские, с морем крови и насилия. У нынешнего его фаворита, правда, британского разлива, «Нет орхидей для мисс Блэндиш» сэр Тони насчитал двадцать одно убийство, двадцать четыре избиения и одно изнасилование.

6. Вымышленная британская разведка из комиксов.

7. Марка британских сигарет.

Дэнби попал в Разгадчики лишь потому, что считался опытным полицейским-детективом. Теперь, конечно, все знали, что он соврал — он был обычным, как говорят американцы, «тупым копом» или «тяжелым клиентом». Он изо всех сил старался не угодить членам клубами, особенно сэру Тони. Его поведение заставило баронета почти уверовать в то, что классовые барьеры не так уж плохи. В итоге сэр Тони спросил его, не собирается ли он покинуть клуб, на что услышал ответ:

— Только после вас.

— Что вы имеете в виду?

— Вы же великий сыщик в кресле. Придумайте что-нибудь.

Нет, Дэнби это пустой номер, и сэр Тони отказался от него. Его настоящие чаяния о будущем клуба были связаны с молодыми членами, хотя они, должно быть, считали его замшелой окаменелостью. Особенно Дерек Портман.

Портман был тощим, прыщавым клерком-стажером в адвокатской фирме, проще говоря, находился на подхвате. Помимо оттачивания своего и без того острого интеллекта на юридических коллизиях в романах о Перри Мейсоне, он с наслаждением упражнялся во вскрытии правовой подоплеки в других детективных романах об убийствах. Ему нравилось разбирать «идеальные» преступления, когда бдительная защита опровергает доводы обвинения, дабы убийца мог избежать наказания.

Во всем остальном, с сожалением констатировал сэр Тони, Портман был не просто ослом, а чертовски упрямым ослом. Зная о том, что сэр Тони богат, он пытался втереться в доверие к нему, даже ухаживал за его дочерью, Памелой. Поскольку Памела была его наследницей, сэр Тони ревностно ограждал ее от подобных нездоровых связей. Мужской разговор, казалось, сделал свое дело, и больше к этому вопросу не возвращались. Даже удивительно, что Портман так быстро сдался.

Доротейя начала свою лекцию. Сэр Тони не следил за тем, что она говорила, и хотя на слух слова он воспринимал, смысл их очевидным образом ускользал от него. Велосипеды и дедукция — что-то вроде этого. Эти молодые люди были далеки от него, особенно милая Доротейя. Слишком далеко, со всей ее логической чепухой. Вот к чему приводит воспитание женщины вне ее класса. Отец зеленщик; самонадеянный мелкий лавочник возжелал, чтобы его дочь получила диплом Оксфорда. Позор, конечно. Сэр Тони был бы не против заняться такой умной штучкой, которая прислуживала в магазине своего отца. Светлые вьющиеся волосы, аппетитные формы...

Когда она закончила лекцию, он подозвал ее.

— Объясните еще раз, моя дорогая. Боюсь, чахлые мозги старика уже не так быстры, и я пропустил половину. — Он похлопал по подлокотнику своего кресла. — Садитесь сюда и повторите всю историю.

Она посмотрела на стакан в его руке.

— Какое место вас интересует, сэр Тони?

Дерзкая ты вонючка, подумал он.

— Расскажите мне о велосипедных зажимах.

— Не зажимы, — она подтащила еще один стул, — а *следы*. В рассказе «Случай в интернате» Шерлок Холмс по следам велосипедных шин в грязи определяет, в какую именно сторону двигалось транспортное средство. Он «заметил», что след заднего колеса перекрывает след переднего. Вы понимаете?

— Я понимаю только, что у вас красивые глаза.

Лицо ее перекосило от отвращения.

— Дело в том, что это неправильный вывод. С таким же успехом велосипед мог двигаться в противоположном направлении. Сэр Тони, вы меня слушаете?

Комната начала медленно вращаться. Он скорее почувствовал, чем увидел, что она

встала и ушла. Он услышал, как она жаловалась Хайду: «...снова напился...»

Предположим, напился, подумал он, и это мой седьмой бренди с содовой. Ну и что? Он потянулся к стакану и осушил его. Комната снова закружилась, и он увидел ухмыляющегося молодого Латимера, довольного зрелищем.

Леонард Латимер, студент-химик. Если бы прыщи измерялись годами, Латимер, пожалуй, выглядел бы старцем по сравнению с Портманом, хотя и был моложе его по возрасту. Латимер на самом деле просто светился угревой сыпью, даже когда краснел. Кроме этого, он сильно заикался. Сэр Тони подозревал, что оба недостатка проистекают от неводержанности в пагубных привычках. Однажды, будучи, к сожалению, в подпитии и оттого не в меру болтливым, он так и сказал Латимеру. По сути это был крик души:

— Невоздержанность, неумеренность в пагубных привычках, говорю я! Остановитесь сейчас, мой мальчик, пока вы не погубили свой разум.

Бедный дуралей покраснел и попытался, заикаясь, что-то возразить, но сэр Тони напустился на него:

— Вы должны научиться держать себя в руках!

— В том-то и дело, — заметил на это Хайд, — что не должен. — И поскольку остальные рассмеялись, сэр Тони нажил себе врага.

Он сожалел об этом, потому как Латимер обладал великолепными умственными способностями. В скором времени он, вероятно, станет судебным химиком; казалось, все основные труды по этому предмету были им прочитаны, как и рассказы Р. О. Фримена, что почти одно и то же. Истории, в которых убийцу отправляет на виселицу горстка праха.

Прах к праху, подумал сэр Тони. После чего: Кажется, я становлюсь чувствительным. Слишком много благословенного бренди. Надо быть осторожным в моем возрасте. В противном случае, прах к праху — к гадалке не ходи. Полагаю, все были счастливы, если бы я ушел. Ушел в запой. Напился до беспамьятства.

— Дрогнуть, клюкнуть, накатить, — пробормотал он вслух.

— Что вы сказали? — Обернулся Хайд.

— Ха! Как глаголят латиняне: «Многус брендис...»

Сэр Энтони Фитч обмяк в кресле и захрапел.

— Пьян, как баронет⁸, — резюмировал Хайд. — Интересно, с чего бы это?

Доротея выглядела удивленной.

— Мне казалось, глубокие психологические мотивации всегда были твоим коньком, Джервейс.

— Как ни странно, но я только что подумал о мотивах, — сказал он. — У каждого здесь нашлось бы по хорошей причине прихлопнуть сэра Тони. Ваша компания в этом отношении — находка для полиции.

— Ты, как я заметила, вычеркнул себя из списка подозреваемых.

Хайд приподнял бровь.

— Я? У меня нет мотива. Мне весьма симпатичен старый чудак. Довольно милый, глуповатый, нечто вроде старого дядюшки. Мой собственный родитель был... впрочем, это не относится к делу. В общем, у любого из вас мог быть мотив. Только у меня нет причин желать его смерти.

— Но это делает тебя главным подозреваемым, не так ли?

8. Интерпретация англ. идиомы *as drunk as lord* — пьян, как лорд, то есть пьян в стельку.

— Действительно. Если когда-нибудь я совершу убийство — это будет убийство без мотива. И потому оно сойдет мне с рук.

— Идеальное преступление? Но зачем это тебе?

Он вставил сигарету в мундштук из слоновой кости.

— Из-за денег. Например, ты платишь мне, и я делаю это для тебя. Знаешь, мы, художники, готовы почти на все ради щедрого покровителя.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я начинаю думать, что ты не шутишь.

Он рассмеялся, отводя взгляд, и попытался остроумно вывернуться:

— Если говорить серьезно, моя дорогая, это то преступление, которое я никогда не совершу.

За их спинами майор сделал пометку в своей записной книжке.

Глава первая

Мисс Фараон закончила подписывать конверты.

— Вот. Я не переставала думать об этом, с тех пор как у меня появилась идея. Теперь, по крайней мере, я сделала шаг вперед. — Она повернулась в своем вращающемся кресле к Шейле, которая, стоя на четвереньках, натирала участок пола возле двери. — Тебе не кажется, что в идее с воссоединением положительно что-то есть?

Шейла глянула вверх.

— Мне просто интересно, что скажет мистер Хьюз?

— Мартин? А что он может сказать? В конце концов, могу я в своем доме и на свои деньги хоть раз немного расслабиться? Ничего, проглотит. Ты не видела марочницу? Я не могу найти ее.

Девушка что-то ответила, но в этот момент комната затряслась от рева пронесшегося реактивного самолета.

— Пардон?

— Говорю, может, Миа взяла ее?

Мисс Фараон со скрипом повернулась в кресле обратно.

— Серьезно, Шейла, я хочу, чтобы ты *нашла какой-нибудь способ* держать ребенка подальше от моих вещей. Лазает, лазает, лазает — я совершенно не знаю, что где лежит.

Шейла вздохнула.

— Извините, мисс Фараон.

— Словно я живу в каком-то проходном дворе, а не на собственной территории. Миа ведь не должна соваться в мою часть дома, как ты считаешь?

— Нет, мисс Фараон.

Доротей Фараон собиралась попросить ее пойти и поискать марки, но что-то во внешности девушки заставило ее передумать. Полные, округлые плечи Шейлы Тавернер ссутулились, голова низко склонилась над отполированным полом, как у свирепого быка. Никакого сладу с этими молодыми толстухами — дуются от малейшего замечания. Мисс Фараон пообещала себе, что следующая домработница у нее будет постарше и потощее, из тех ирландок, кому работа в радость.

— Пойду-ка я лучше сама поищу марочницу.

— Миа спит.

— Я знаю. Я тихонько. — Мисс Фараон прошла мимо Шейлы в холл и поднялась наверх, под крышу дома. Там Мартин выгородил аккуратную квартирку, размеров которой как раз хватало, чтобы поселить Шейлу с ребенком. Она открыла шиферную дверь и заглянула внутрь. Стремление к порядку, ясное дело, в Шейлу никто не заложил. Гостиная пребывала в жутком состоянии: игрушки, обувь, нижнее белье, пластинки, женские журналы — жилище подростка. У нее сложилось впечатление, что у Шейлы никогда не было детства. Беременная и незамужняя в семнадцать лет — плохое начало пути во взрослую жизнь. А тут еще ее неудачные отношения с законом...

Марочница валялась под диваном, перевернутая и пустая. Мисс Фараон искала марки на кухне и в ванной, затем осторожно, на цыпочках вошла в спальню. С плаката на стене на нее смотрел певец Билли Пейдж (*u The Footnotes*). Там стояли две кровати — одна была завалена грязной одеждой, на другой спала девочка. Глядя на ее золотистые волосы и ресницы, мисс Фараон удивлялась, как могло такое маленькое и бесхитростное существо как Миа поставить весь дом на голову.

Пухлая ручка Мии лежала поверх одеяла, сжимая купонную книжку¹⁰. Она мягко вынула ее из руки ребенка и открыла. Внутри были аккуратно наклеены ее почтовые марки на общую сумму пятнадцать фунтов.

Мартин пришел осмотреть одну из дверных коробок, которая, как ему казалось, страдала сухой гнилью. Она рассказала ему о марках.

— Тетя Доротея, что вы хотите? Сколько раз я говорил вам: закрывайте стол, а еще лучше дверь кабинета. — Его худое, красивое лицо приняло философское выражение. — Я могу организовать вам хороший сейф со скидкой, через фирму.

— Сейф! Дорогой мой, это обычные почтовые марки, а не те, за которыми охотятся филателисты. В конце концов, проблема не только в марках. Я прихожу к выводу, что, имея прислугу, я тружусь больше, чем если бы я жила одна. Может, это мое старческое ворчание, но...

— Старческое? Да вам нет еще и шестидесяти! — Мартин провел широкой ладонью вниз по косяку, затем увидел на полу булавку и подобрал ее.

— Ну, я чувствую себя старой — слишком старой, чтобы потворствовать всем этим детским выходкам. На прошлой неделе этот чертенок разгромил мою спальню, полдня прятался в шкафу под лестницей, мучил кота и разрисовал все обои наверху. А теперь это!

Он отвернул лацкан и пристегнул булавку.

— Вы хозяйка. Увольте ее, коли наняли, и все дела, — сказал он.

— Я не могу этого сделать, и ты знаешь, почему. Шейлу с ребенком никто не возьмет, тем более с ее криминальным прошлым. Я просто хочу, чтобы ты поговорил с ней о ребенке.

Он ухмыльнулся.

— Вы это говорите потому, что я бизнесмен и умею жестко разговаривать с подчиненными, не так ли? Хорошо, не переживайте. — Он похлопал ее по руке и заодно посмотрел на свои часы. — Нужно еще заглянуть в сад перед уходом... Ах, да.

Через мгновение она услышала, как он кричит на кухне:

9. Билли Пейдж (англ. William E. Page II) — американский музыкант, композитор и продюсер. *The Footnotes* — американское рок-н-ролл и рокабилли трио.

10. Специальные талоны, соответствующие определенному проценту от суммы покупок, которые покупатели потом могут обменять на товар или деньги.

— Миа и так должна была пойти в школу в этом году. Шейла, отдашь ее на *следующий* год, а пока *следи* за ребенком. Все понятно? Если нет...

Ответы Шейлы были невнятными; возможно, она расстроилась. Мисс Фараон почувствовала укол совести, — она уже жалела, что поручила Мартину эту миссию. *Постарался для меня*, подумала она, *а ведь я хотела совсем другого*.

Конечно, время от времени ему приходилось кричать на своих рабочих, но это было «на работе»; дома же Мартин совсем не напоминал тирана: чуткий, заботливый, даже, — она подобрала расхожее определение, — сострадательный.

Она устремила взгляд на каминную полку, где шеренга фотографий в серебряных рамках оживила в ее памяти то, что она и так знала наизусть: маленький Мартин с Фредом и ее сестрой Алисой, гордость родителей. Мартин в школьной форме, один в парке Баттерси, совсем один, каким скоро окажется в жизни. Затем Мартин-скаут и Доротея — оба жмурятся на солнце и прижимаются друг к другу. Дальше серия фотографий Мартина шла по возрастающей: с бородой в университете, без бороды в рабочей одежде, наконец, преуспевающий молодой предприниматель с Доротеей, опирающейся на его руку.

Она понимала, что опиралась на него слишком эгоистично, но он никогда не жаловался. Несмотря на занятость, — собственная квартира, бизнес, девушка, на которой он собирался жениться и которая нуждалась в ухаживаниях, — Мартин всегда находил время, чтобы помочь ей с домом. Всякий раз, когда нужно было что-то по столярному делу или покрасить, он приходил и взваливал на себя эти заботы. Он следил за садом; как школьник, бегал с необычными поручениями, даже помогал Доротее периодически наводить порядок в ее счетах. Когда она захотела машину, именно Мартин выхлопотал ей со скидкой маленький разумный мини¹¹.

Его внимание не исчерпывалось только его тетей. Как минимум, один день в месяц он работал бесплатно, на общественных началах, посвящая себя заботе о нуждающихся и одиноких. Для нее было загадкой, как он успевал еще при этом заниматься основной работой, но он успевал. С той же энергией и жизнерадостной самоотдачей, с которыми он менял пробки в электрощитке, вскапывал грядки или навещал больных, он руководил собственной небольшой строительной компанией «Martin Hughes and Company, Builders», и руководил блестяще.

Она по-новой принялась изучать фотографии, словно пыталась найти разгадку этого генератора жертвенности в его облике. Но что можно было рассмотреть в этом высоком, довольно нескладном молодом человеке с длинным подбородком? Коротко стриженные темные волосы, глубоко посаженные бесцветные глаза придавали ему воинской строгости, которую разрушала юношеская улыбка. Трудно было поверить, что ему тридцать лет.

Какой безумно любящей тетушкой я стала, подумала она. *Должно быть, впадаю в старческий маразм*. И ее мысли соскользнули в игру слов, обыгрывая ненавистное прозвище: Дот, старость Дот, многоточие — старая дева с приданным на старости лет решила удариться в арифметику: сложить, вычесть, перенести в следующий разряд¹²...

Поймав себя на том, что держит фотографию так, что смотрит не на нее, а на собственное отражение в стекле, она вернула ее на каминную полку. Почему она не может любить его до безумия? Мартин был почти идеальным племянником, о котором старушка могла только мечтать, если бы...

11. Мини — с 1956 по 2000 г. марка британских малолитражных автомобилей.

12. Непереводаемая игра слов. Обыгрываются различные производные англ. Dot (Дот, уменьшительное имя от *Doroteu*): *dot* — многоточие, *dotage* — старческий маразм, *Dot's age* — старость Дот, *dot and carry one* — тот, кто делает подсчеты, вычисления, а также перенос в следующий разряд (при сложении). Слово «dotage» и словосочетание «Dot's age» в английском языке на слух воспринимаются одинаково. Мисс Фараон, иронизируя над собой, ставит между ними знак равенства: *старость Дот это маразм*.

Если бы не его пуританская жилка. Физический труд и бережливость по-своему восхитительны, но работа без выходных и крохоборство это извращение. Мартин временами напоминал ей собственного отца, проработавшего всю жизнь, который не уставал приговаривать: «Кто попусту не тратит, тому всегда хватит» или «Подлатаем — будем жить». В детстве Доротеи это проявлялось в пятнистых помидорах во время чаепития, попорченных фруктах, капусте, изъеденной гусеницами. Все, что не пошло в продажу, отправлялось на стол; младшие дети донашивали одежду после старших и так далее.

Она ненавидела это раньше в отце, ненавидела и сейчас в Мартине: «Конечно, это ваши деньги, тетя Доротея, но к чему такое безрассудство? Малогабаритный автомобиль столь же удобен, как и большой...»

Вся эта рачительность ее бесила. Правда, благодаря ей она не нуждалась ни в поваре, ни в горничной, ни в садовнике. Шейла, как и мини, являлась компромиссом между мечтами Доротеи об экстравагантности и невыносимой правильностью Мартина.

Но *воссоединение* — это то, что должно стать ее триумфом: роскошный банкет будут обслуживать профессионалы, и за ценой она не постоит! Она устраивала все это втихую, не собираясь выслушать его очередную резкую проповедь о миллионах голодающих в странах третьего мира. Она *тоже* изголодалась — по веселью и азарту.

Он никогда этого не поймет. В его представлении веселиться — это работать на износ, считая каждое пенни. Он и университет-то бросил потому, что не мог терпеть пустоты, вынужденного безделья и клубного легкомыслия. Она предположила, что это проистекало от бедности или чего-то такого, что было в генах Фараонов, и все же Алиса поступила неразумно...

Его быстрые шаги в коридоре заставили ее инстинктивно потянуться за чем-то таким, что могло прикрыть стопку конвертов. Но он вошел, оставившись на свои часы, и ничего не видел вокруг.

— Значит, так. — Он опустил на стул, потирая подбородок. — Думаю, с Шейлой у вас больше проблем не будет. Обещала мне отвести ребенка в школу. Сейчас она отпаривает ваши марки.

Он снова посмотрел на часы, и она тоже посмотрела: дешевый никелированный корпус с пластмассовым ремешком. Не к лицу ему носить такие.

— Я обещал забрать Бренду после работы.

— Тогда беги, дорогой. И спасибо тебе. Ты всегда меня выручаешь.

— Зачем вам столько марок, тетя Доротея? Не кажется ли вам, что пятнадцать фунтов это довольно крупная...

— Для старушки, которой некому писать? — резко спросила она.

— Я не это хотел сказать.

— Извини, вырвалось. Но на самом деле у меня огромное количество корреспондентов. Во-первых, мои шахматы по почте. Сейчас я играю одновременно семнадцать партий с разными людьми по всему миру.

Он моргнул.

— Бешеных денег, наверное, стоит. Почему бы не отправить почту из моего офиса? Франкировальную машину¹³ я мог бы отнести на внутренние расходы.

— Но...

13. Автоматическое или полуавтоматическое устройство, предназначенное для нанесения франкотипов и сопутствующих штампов на почтовую корреспонденцию, что позволяет избавиться от трудоёмкого ручного труда при наклеивании почтовых марок на конверты и облегчает расчёты с почтовым ведомством.

— Ни слова больше, я беру это на себя. — Он встал, взял стопку приглашений и быстро просмотрел их. — Но это... почти все адреса лондонские. Не проще было позвонить?

Мисс Фараон почувствовала, что пришло время открыть тайну.

— Ты помнишь, я говорила тебе о клубе расследования убийств, который был у нас до войны?

— Клуб расследования убийств? Да, что-то припоминается.

— Семерка Разгадчиков, так мы себя называли. Мы встречались раз в месяц и разбирали последние детективные убийства — Дороти Сейерс, Агата Кристи, Эллери Квин. Боже, я должна тебе обо всем рассказать. Так я познакомилась с Леонардом Латимером.

— Отцом Бренды? Он никогда не упоминал об этом. Я всегда думал, что вы познакомились в университете. Ага, вот и он. — Мартин положил один из конвертов себе в карман. — Этот нет смысла посылать по почте. Передам через Бренду. Вот, сказал «Бренда» и вспомнил, что уже опаздываю.

— Было кое-что еще...

Он поднял широкую, квадратную ладонь.

— Извини, но Бренда ждет. Завтра я приеду посмотреть сад, а потом ты расскажешь мне все о своем клубе расследования убийств.

Мисс Фараон ликовала, но не показывала виду, пока Мартин не сел в машину и не уехал. Она хотела сказать ему, во всяком случае, пыталась, но теперь приглашения будут разосланы.

Звуки ее смеха выплыли из комнаты и прокатились по старому дому так звонко, что Миа на лестнице от неожиданности выпустила кошачий хвост.

Секретарша Дерек Портмана принесла ему приглашение.

— Я не знаю, как с этим поступить, — сказала она извиняющимся тоном. — Что это такое, собственно?

Он взял карточку и прочитал:

*Имеем честь пригласить вас участвовать
в торжественном собрании по случаю
воссоединения клуба Семерки Разгадчиков,
которое состоится в доме мисс Доротеи Фараон*

Прием
Ужин
Встреча участников
Вечеринка

— Будь я проклят! — Он сделал жест с намерением отправить карточку в мусорную корзину, но затем передумал. — Хотя, возможно, я пойду.

— Да, мистер Портман?

— Да, сделайте пометку в моей записной книжке. Я продиктую ответ позже. — Он и не подозревал, что его гладкое загорелое лицо расплылось в детской улыбке. Он снова прочитал приглашение.

— Было бы здорово увидеть старую банду. Зануды они, конечно, еще те, но все же... По крайней мере, я мог бы рассказать им несколько интересных историй.

— Да, сэр. — Женщина не слушала, только ждала, чтобы ее отпустили.

— Интересно, сколько лет прошло? Тридцать, тридцать пять? Бьюсь об заклад, *им*

есть что вспомнить. Большинство из них заработало язву в старом добром мутном мире бизнеса, и теперь они снова могут мило скоротать вечерок за распутыванием убийства. Славно! Жаль, сэра Тони не будет там, он так любил это дело.

Теперь секретарша услышала.

— Ваш тесть, сэр?

— Да, он был одним из нас. Вот кто, полагаю, с радостью выслушал бы историю о том, как я консультировал защиту в нескольких делах о убийстве. В частности...

— Что-нибудь еще, сэр? — поторопила она.

— А? Нет-нет, на сегодня все, мисс Эмерсон.

— М-м?

Леонард Латимер отложил свою вечернюю газету и поднял глаза. Кто-то поцеловал его лысину, и ему на колени приземлился невесть откуда взявшийся конверт.

— Любовное письмо, — сказала Бренда. — От незамужней тети Мартина. Он попросил меня передать его. Маме лучше не показывать.

— А? Что там? — Он взвесил конверт на ладони.

— Вскрой и посмотри. — Она села на диван, стоящий напротив, и вытянула длинные ноги.

— Мисс Фараон, говоришь?

— Пап, ну скорее же! Я сгораю от любопытства.

Он медленно вскрыл его, прочитал, перевернул карточку, чтобы посмотреть, есть ли что-нибудь на обороте, затем снова прочитал то, что было написано на лицевой стороне.

— Приглашение, — наконец выдал он. — Я не думаю, что смогу пойти. Кажется, Брюссельская конвенция приглашает на уик-энд.

Она вырвала карточку и прочитала сама.

— Нет, это не то, это на следующей неделе. Пап, почему ты не хочешь пойти? Это же ваш старый добрый клуб по расследованию убийств, вспомните старые добрые времена, поболтаете о том о сем.

Он снял очки для чтения и протер их.

— Да ну, глупая затея. Пустая трата времени. Твоя мать померла бы со скуки...

— Мама не приглашена. Только Секретная Семерка, судя по написанному.

— Не «Секретная Семерка», ты же знаешь, а...

— Знаю, знаю. Просто пошутила. Ну так как насчет приглашения, папа? Ты же хочешь пойти.

— Хм. Я бы не стал торопиться, — проворчал он. — Мне нужно подумать. — Но мысли его уже неслись вперед, рисуя сцену: семеро собираются снова, чтобы... *Шестеро*, — поправился он; сэра Тони нет уже много лет. Умер? Или бесследно исчез? Одним словом, умер. Правильно сделал, иначе на воссоединении произошло бы убийство. Доведись Латимеру снова столкнуться лицом к лицу со старым ублюдком...

— Интересно, что об этом думает Доротейя? — произнес он вслух. — В общем, идея неплохая.

Бренда сняла фотографию с камина и, склонившись, рассматривала мелкие, кислые физиономии, будто унюхавшие зловоние.

— Все вышли великолепно, прямо как подозреваемые в старом загородном доме, где произошло убийство.

— Большое тебе спасибо.

— О, ты в этом не виноват. Жуткая одежда, у большинства. Ты был таким худым, папа.

— Полагаю, намекаешь, что теперь я толстый? Это совершенно не соответствует действительности.

— Бьюсь об заклад, ты не влезешь в этот старый смокинг.

— Я выбросил его несколько лет назад. — Он посмотрел вниз на свое брюшко. — Если не брать в расчет Доротею, могу смело заявить, что выгляжу моложе и здоровее остальных.

Она ухмыльнулась.

— Но ведь ты же сто лет никого не видел, кроме тети Доротеи, верно?

— Верно. — Он похлопал себя по животу и слабо улыбнулся. — Что поделаешь, такова цена успеха. В конце концов я директор по исследованиям в «Monoflake». И когда мы сольемся с этой немецкой фирмой... кто знает?

Моложе и здоровее. Он надеялся, что у него хватит молодости и здоровья, чтобы пережить слияние. Немецкий директор по исследованиям оказался вдвое моложе и амбициознее. Он надеялся, что Бренда выйдет замуж и съедет к Мартину до того, как наступят тяжелые времена. Этим она избавит себя от горькой участи подбирать крохи с тощего стола Латимеров после его увольнения.

— Подожди, а как же вечеринка, которую мы хотели устроить для вас с Мартином в те же выходные? Доротея что-то задумала, интересно — что?

— Пап, послушай. Вечеринка — ерунда. Мы с Мартином все равно хотели отложить ее.

— Просто твоя мать любит, чтобы все было правильно.

Она протянула ему групповую фотографию.

— Ну что ты переживаешь? Ничего не случится, если мы это «правильно» перенесем на какой-нибудь другой вечер. Хорошо?

Однако тревожные мысли мучили его весь вечер. Сохранит ли он свое кресло? Действительно ли он способен разрешить денежный вопрос с Брендой, как того хотел? А что с Верой? В последнее время она ведет себя очень странно... Ревновала ли она к тому, что Бренда обручена, сказывался ли возраст... или у Веры снова началось *это*?

И пока он лежал без сна рядом со своей спящей женой, беспокойство росло и множилось. Что будет с фирмой, если цены на арабскую нефть взлетят? Что будет с его работой? Насколько нестабильно положение фунта в Европе? Что у него с сердцем: действительно ли это только боли в животе или это?..

Джервейс Хайд сидел на кухне за полированным сосновым столом, уставившись в чашку с кофе.

— Вечеринка, похоже, была адской. Во рту так погано, словно кто-то всю ночь справлял в нем черную мессу.

Девушка, имя которой он не помнил, ничего не ответила. Она что-то протирала через блендер, и резкий звук, казалось, глубоко раздирал все пазухи его тела.

— Дорогая, нельзя ли прекратить эту пытку? Моя голова хочет немного отдохнуть.

— Там тебе письмо, — был ответ. Блендер снова заработал.

— Я не хочу писем. Я хочу ванну. Кто это так надолго заперся в ванной?

— Твой албанский поэт. Он спит там.

— Но почему?

— Потому что Питер и Джейн заняли диван. Ты уговорил их остаться на ночь.

— Я? *Кого* уговорил?

— Пантомима с лошастью, вспоминай. Они сели на твой табурет перед фортепиано и сломали его.

Она вылила молочно-зеленую смесь и поставила перед ним.

— Лекарство от похмелья. Травяное. Самое то для тебя.

Он продегустировал микстуру, скривил лицо, и утер зеленоватую пенку с усов.

— Господи! Почему все полезное, такое отвратительное на вкус. — Он взял зеркало из руки девушки и посмотрелся в него. — Господи! Еще и это.

Он увидел расплывшееся существо, которое выглядело не на шестьдесят лет, а на все сто. Выющиеся седые волосы, безжизненные в утреннем свете, лоснящаяся, как у рептилии, кожа.оди

— Я спал с тобой этой ночью?

— Спал, да.

— Ох. — Он отложил зеркало в сторону. Осколки вечера медленно складывались в голове. Девушка — Джули? Джилли? — татуировала знаки зодиака на чьем-то колене. Албанский поэт, не говорящий по-английски, декламировал свои вирши, когда достопочтенная Эвелина Бирон свалилась с лестницы. Затем кто-то пытался задушить безвредного молодого человека из Совета по искусствам только за то, что он осмелился назвать Дали способным рисовальщиком. А кто же говорил, что побывал у Говарда Хьюза¹⁴ на закрытом просмотре порнографического фильма Эйзенштейна?

— Все это так утомительно, — пробормотал он. — Мне нужно уходить.

— Ты это о чем?

— Мне нужно уходить от всех этих псевдонимов. Я чувствую, что мои лучшие работы впереди. Если бы я только мог начать сначала — взглянуть по-новому, упростить. Мне нужно найти новую художественную форму, какой-то *прямой* путь.

Он вскрыл конверт и прочитал карточку.

Фрэнку Дэнби приглашение пришло с утренней почтой. Он наступил на конверт, когда выводил Шебу на прогулку, и, не распечатав, бросил на каминную полку. Через час он забыл о его существовании.

Майор Стоукс отирался возле небольшого газетного киоска, делая вид, что изучает открытки в витрине, пока внутри не было покупателей. Затем он осторожно открыл дверь, обернулся и, убедившись, что сзади никого нет, вошел внутрь.

— Коробку пирожных Понтефракта, пожалуйста.

Он расплатился с продавщицей за сладости, но оставил их лежать на прилавке.

— Что-нибудь еще, мистер Стоукс?

— Э-э... писем для меня не было?

14. Говард Робард Хьюз-младший (1905 — 1976) — американский предприниматель, инженер, пионер авиации, режиссёр, продюсер.

— Минутку, я посмотрю. — Она ушла в подсобку. Молодой негр зашел в киоск и стал за его спиной, якобы в очередь. Майор Стоукс заметил, что парень перекрыл ему единственный выход. А если добавить женщину у задней двери, то он находился в ловушке.

Женщина вернулась, держа конверт.

— Вот, это вам.

— Спасибо. — Он взял письмо и, не глядя на юношу, начал продвигаться мимо него к двери. *Все будет хорошо*, подумал он.

Женщина окликнула его.

— Мистер Стоукс, подождите! — Его сердце в этот момент отчего-то сжалось. Он вцепился в дверь и оглянулся.

Она держала коробку с пирожными Понтефракта.

— Я пробила их. Можете тоже забрать.

— Я... Благодарю. — Он сунул пирожные в карман пальто и поспешил к выходу. Возвращаясь домой обычным маршрутом, — через переулок, — он клял себя на чем свет стоит. Теперь *они* знали, что он покупает пирожные в определенном месте. Он не придавал значения своим привычным действиям, а *они* все это время наблюдали. Как легко было бы для них подsunуть ему коробку пирожных Понтефракта, отравленных медленно действующим ядом... устроить наезд, организовав «несчастный случай» по дороге домой.

Они преследовали его годами, но до сих пор он оставался неуязвимым для них. Из дома он устроил крепость со специальными замками, заколоченными окнами и средствами для обнаружения злоумышленников. Поэтому теперь они — Грин и его банда — пытались избавиться от него в открытом месте. Попадись он им на улице, они прихлопнут его, как муху, — и кто заметит исчезновение еще одного старика?

Майор Стоукс отпер парадную дверь, осторожно открыл ее и посмотрел на пол. Рассыпанный тальк остался нетронутым. Конечно, это могло ничего не значить. Они были достаточно умны, чтобы замести следы и заново рассыпать порошок, не так ли? В любом случае ждать детских ошибок от организации с миллионной армией агентов по всему миру было бы глупо. НКВД, при необходимости, мог выслеживать и ждать годами, пока не предоставится хорошая возможность убрать его.

Он обыскал все комнаты, проверил замки и только после этого мог сосредоточиться на письме.

Это просто бессмысленно. Какое еще воссоединение? Почему Семерка Разгадчиков воссоединяется именно сейчас, после стольких лет? Это либо вражеская провокация, либо секретное послание военной разведки.

Он отнес пригласительную карточку на кухню и протестировал ее на наличие симпатических чернил, подержав над газом. Затем, наклонив к свету, он начал искать на ней микроточки¹⁵. Ничего. И все же это не могло быть простым приглашением.

Он сидел некоторое время, уставившись на карточку невидящим взглядом. Семерка Разгадчиков. Возможная связь с Грином и другими русскими головорезами не прослеживается. Возможная связь не прослеживается... или так они хотят заманить его?

Или это очередное предупреждение? Старый клуб расследования убийств — намек на убийство? Или они просто пытаются давить на психику, выводя из равновесия? *Не поддавайся*, приказал он себе. Отставить панику и метания. Это может закончиться катастрофой. Лучше вести свою игру, заняв выжидательную позицию.

15. Микроточка — изображение, уменьшенное до такой степени, что неосведомлённый наблюдатель не сможет его ни прочесть, ни даже обнаружить; используются в стеганографии (тайнописи, когда человек не понимает самого факта передачи информации).

Может быть, шифр в самом послании, а? Стоит попробовать. Может, послание от *наших*. Доротея наверняка была одной из наших. Она могла предупредить его...

Он еще раз взглянул на приглашение. Двадцать шесть слов. Двадцать шесть букв в алфавите¹⁶. Ну конечно! Если взять за отправные пункты его собственные инициалы, то в действительности послание звучало так: *Е* выпадало на *участвовать*, а *S* на *мисс*¹⁷.

Участвовать / Мисс. Не участвуй в воссоединении! Пропусти его¹⁸! Осторожно, ловушка! Милая старая Доротея таким образом предупреждала его.

Он достал чистый лист бумаги и начал сочинять ответ. Если Доротея знала, что знал он, вместе они могли бы...

В дверь позвонили. Почти машинально он потянулся к бутылочке с сердечными пилюлями. Это могло означать Грина с его очередным ультиматумом. Или... *Спокойно*. Могло ничего не означать.

Он на цыпочках прошел в переднюю комнату и заглянул в щель между шторами. Отсюда он ясно различал крыльцо. И мог бы видеть того, кто там стоял.

Но там никого не было.

Глава вторая

Одышливый голос был незнаком.

— Мисс Фараон? Мисс Доротея Фараон?

— Говорите.

— Это... Это *E. S.*

После некоторой паузы она продолжила:

— Майор Стоукс? Как я рада услышать вас снова.

— Тише. Это может быть *открытая линия*.

— Что? — Не дождавшись ответа, она спросила: — Вы ведь получили мое приглашение? Надеюсь, мы можем рассчитывать на вас.

— Не уверен. Видите ли, я не часто выхожу из дома. — Она мысленно прикинула, что старику сейчас, должно быть, около семидесяти пяти лет. Его адрес в Харлсдене¹⁹ вполне мог принадлежать дому престарелых; она не подумала об этом.

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

— Как обычно. Как обычно. Дело не в этом.

— Может, проблема в транспорте? Я могла бы привезти вас...

— Нет! Я... Можем мы поговорить? Это личный телефон? Без параллельных?

Она моргнула.

— Да.

— Он ведь не прослушивается?

16. В английском алфавите двадцать шесть букв.

17. E и S — начальные буквы в имени *Edgar Stokes* (Эдгар Стоукс).

18. Игра слов. В оригинале фраза звучит как *Miss it*. То есть Стоукс понимает слово «мисс» в значении *пропустить, избежать, не ходить* и т. д.

19. Район на северо-западе Лондона.

Она с трудом подавила смех:

— Сомневаюсь. В чем дело, майор?

— Я думал, вы знаете, — после длинной паузы ответил он. — Вы были самой лучшей. Вы всегда быстро соображали. И заслуживали доверия. Э-э... это вы послали мне приглашение, я не ошибся?

— Да.

— Хорошо. Полагаю, Дэнби собирается быть? И Хайд?

— Я надеюсь на это, — сказала она, — Вы приедете?

— Шансов немного, — ответил он и странно рассмеялся. — *Они* думают, знаете ли, что это ловушка.

— Кто? Дэнби с Хайдом?

— Я не называю имен, — сказал он. Доротея не нашлась, что ответить, поэтому возникла еще одна неловкая пауза.

— Майор, вы все еще там?

— Грин, — произнес он. — Фамилия Грин что-нибудь говорит вам?

— Как Грэм Грин²⁰? Не особенно.

— Ловко, не правда ли? Назвать себя Грином. Маскировка под свою противоположность, понимаете? Зеленый²¹ эквивалент красного. Я вижу его насквозь. Вот почему они охотятся на меня.

Ох, милый, подумала она. Бедный старый майор.

— Охотятся?

— Я много знаю. Слишком много. И должен быть *ликвидирован*.

— Майор, хм, почему бы вам не приехать и не встретиться со мной? Мы могли бы поговорить об этом в приватной обстановке и...

— Нет-нет, это очень опасно. Они следят за мной круглосуточно. Уже давно. Я знаю, какими условными знаками они пользуются. Кашель в кинозале — старый прием. Шифровки в кроссвордах *Таймс*. Особые рукопожатия. Распространение информации через разветвленную сеть агентов... Я все это видел собственными глазами. Но теперь они хотят устранить меня, понимаете?..

— Каким образом?

— Кто знает? Яд, не оставляющий следов. Случайное «дорожное происшествие». В общем, ждите на днях некролога. На днях. — Внезапно голос его очистился от свистящих звуков, дыхание немного выравнялось, — старик почти успокоился. — Звучит так, словно я сошел с ума, верно?

— Если только чуть-чуть, — солгала она.

— Они пытаются довести меня до сумасшествия, это такая игра. Уничтожить меня в глазах окружающих всевозможными уловками. Они крадут у меня молоко с крыльца. Звонят в дверь, и когда я отвечаю, со стороны может показаться, что я разговариваю с пустой дверью.

— Но это, наверное, дети, — не выдержала она.

20. Грин, Генри Грэм (1904 — 1991), английский писатель, сотрудничал с британской разведкой.

21. Игра слов. Английская фамилия Green (Грин) — зеленый.

— Так говорит полиция. Они пытались списать все на мелкую шпану, и при этом чуть ли не смеялись, словно сами нахулиганили. Но будут ли дети приходить в мой дом и ломать вещи? Станут ли они убивать Бисквита?

— Кого?

— Убивать Бисквита, моего кота. Я вчера похоронил его. Способны ли дети на такое? Нет, за всем этим стоит персона Грина.

— Что за персона этот Грин?

— Звонил мне дважды. Первый раз предложил денег, чтобы я на длительное время исчез в какой-нибудь райской дыре. Предложить *мне* денег! Я отказался, конечно.

— Но зачем кому-то предлагать вам такие деньги?

— Когда я отказался, Грин завел разговор о несчастных случаях. Как старый человек, живущий один, может однажды поскользнуться и упасть в собственной ванной. Как он может отвернуть газ и оставить его включенным.

— Переходил ли он к прямым угрозам? — спросила она.

— Да, но я ничего не смогу доказать. «Как ваш котик, мистер Стоукс? Что-то я не видел его сегодня».

Она уже не была столь скептической.

— Майор, позвольте дать вам совет. Возможно, пришло время обратиться в полицию...

— Не-ет. Слишком далеко все зашло. Если они начнут копать, вся чертова конспирация, считайте, насмарку. Это станет сигналом для сети, и их свора *залажет на дно*. Я не могу так рисковать. Обещайте мне, что ничего не расскажете полиции.

— Обещаю, — сказала она нехотя. Вот что будет, если сидеть только на шпионской литературе. — Но чем тогда я могу помочь?

— У вас есть мой адрес. Встретимся у входа завтра утром ровно в девять. У меня для вас будет письмо.

— Письмо?

— Доставьте его прямо в Министерство обороны. Понятно? Не говорите никому об этом, никому из наших так называемых друзей. Я мог бы рассказать вам кое-что о них!

В этот момент, как это часто бывает на лондонских линиях, в телефоне раздался характерный щелчок.

— Нам крышка! — крикнул он. — Они выследили нас.

— Чепуха, майор. Это просто...

— *Красный прилив поднимается, поднимается, чтобы поглотить всех нас!* Прощайте и точно следуйте моим инструкциям.

Действительно, прощайте, подумала мисс Фараон, уставившись на телефон. Слишком много Эрика Эмблера²², вот в чем проблема. Однако...

Внезапно на глаза ей попался другой номер, и она набрала его.

— Мистер Фин? Это Доротей Фараон. Вы, наверное, не помните меня... Ах, помните? Ну, я подумала... Не могли бы вы сегодня прийти ко мне на чай? Есть одна проблема, мне кажется, она может вас заинтересовать.

22. Эрик Эмблер (1909 — 1998), английский писатель, автор шпионских романов.

Теккерей Фин скрестил длинные ноги, расстегнул пиджак белоснежного костюма и поискал глазами место, куда бы он мог пристроить свой *sola topi*²³. Поиски закончились тем, что он просто положил его на паркетный пол рядом с креслом, в котором сидел.

— Молодой человек, — спросила мисс Фараон, — вы всегда так одеваетесь? Или вы приехали со съемочной площадки фильма о джунглях из 30-х годов?

Он засмотрелся в окно на пышный сад, но, услышав вопрос, вздрогнул и обернулся:

— Просто схватил первое, что попало под руку. Так или иначе вы, англичане, должны быть более терпимыми к чудачкам, не так ли?

Она разлила чай.

— В отдельных случаях. Но, конечно, я сама эксцентрична. У меня есть одна странная привычка — задавать прямые вопросы.

— Будете спрашивать о моих странных привычках? — Фин положил свой зеленой зонтик рядом со шлемом. — Но тогда мы, сыщики-любители, не добивались бы результатов, не задавая прямых вопросов. Так расскажите мне, что означает ваша тайна.

— Я так рада, что вы сказали *тайна*. В любом случае в этом слове есть что-то завораживающее. Но, боюсь, мистер Фин, для вас это звучит довольно мерзко и пафосно. — Она перешла к истории майора Стоукса, изложив ее полностью, — от первого появления его в клубе до сегодняшнего телефонного звонка.

Он изучал ее, пока она рассказывала. Мисс Доротея Фараон была маленькой женщиной с коренастой фигурой и растрепанными седыми волосами. Ее внешность оставляла общее впечатление небрежности: никакой дух тщеславия не позволил бы ей надеть коричневый трикотажный костюм и черные замшевые туфли-лодочки. Следствие педагогики и тупости.

С ее лицом все было по-другому. Совершенный интеллект смягчали морщинки от смеха вокруг глаз. Он мог наблюдать, как морщинки эти разбегаются, когда она, скользя от суги к игре слов, очаровательно улыбалась, показывая верху золотой клык.

Он знал мисс Фараон только по переписке. Пока он преподавал в американском университете, они начали играть в заочные шахматы. Позже произошел обмен логическими задачками и головоломками. Когда Фин переехал в Лондон, она написала ему, чтобы он заглянул «как-нибудь» на чай. И вот, три года спустя, он заглянул.

Она закончила свой рассказ.

— Я сразу подумала о вас, — пояснила она. — Конечно, я сама в некоторой степени сыщик-любитель, но вы, я полагаю, оставляете свое кресло и выходите на раскрытие реальных дел.

— Я не уверен, что смогу раскрыть *это*, — заметил он. — Оно меня заинтриговало, конечно. И все же...

— Шпионская тема звучит фальшиво?

— Да. Может ли этот наш майор по-настоящему быть замешанным в деле со шпионами? Высока вероятность, что нет. Часто ли русские агенты угрожают семидесятипятилетним старикам-пенсионерам?

— То есть вы бессильны помочь?

— Нет, просто я думаю, что за этим кроется нечто более прозаическое. Например, винклинг лендлорда²⁴.

23. Солнцезащитный головной убор, индийский тропический шлем.

24. Здесь — домовладелец (англ.)

— Что, простите?

— Это ваше словечко, не мое. Вы, должно быть, слышали, что винклинг — это процесс выковыривания береговичков²⁵ из раковин. Как я понимаю, в Лондоне существует изрядное количество лендлордов, то есть домовладельцев, которые делают то же самое со своими арендаторами. Как правило, это люди пенсионного возраста, которые платят мизерную арендную плату, установленную законом. И по закону домовладельцы не могут от них избавиться. Поэтому жильцов запугивают, подкупают, угрожают и принуждают. Газеты пишут о таких случаях почти каждую неделю, разве вы не знаете?

— Я не в курсе, — медленно произнесла она. — Отвратительно! И вы считаете, все дело в этом?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, снимает майор Стоукс этот дом или он его собственный. Мы должны сначала выяснить.

— Но времени так мало, — заметила она. — Это его письмо... меня мучает дилемма.

Фин сделал предупредительный жест, чуть не опрокинув свою чашку с чаем.

— Попробую угадать вашу дилемму, — сказал он. — Если письмо имеет под собой реальную основу, то мистер Грин будет представлять огромную проблему; если нет — полиция может созвать медицинский консилиум и определить майора в соответствующее заведение.

— Совершенно верно. Поэтому я хочу увидеть это письмо, что бы оно ни содержало. А там будет видно — передавать его полиции или нет.

Фин приподнялся:

— Ну, тогда у вас не должно быть проблем. Просто получите письмо, как вы договаривались. Вам я больше не нужен.

— Подождите. Вы мне нужны, чтобы выяснить, *что* за всем этим стоит. Я хочу, чтобы вы нашли этого Грина, — кто он, чем занимается и почему угрожает майору.

Фин сел обратно и осклабился.

— Я надеялся, что вы скажете об этом.

— И вот я говорю, мистер Фин. Вы знаете, что я не могу устоять перед тайной, какого бы свойства она ни была. Знаю, и вы тоже: именно поэтому я решила нанять вас.

— Нанять меня? И разрушить мой любительский статус? Нет, вы можете оплатить мои расходы, но не более. Таким образом я смогу выйти из дела, если оно мне надоест. Первым делом я должен узнать, где он живет. Дайте мне адрес и покажите телефон.

— Значит, вы заинтересовались? — Старая черная мужская шляпа, подобранная маленькой седовласой дамой, взмыла в воздух и осела на ее голове. — О, мистер Фин! Вы непременно должны стать членом Семерки Разгадчиков!

— Благодарю.

— У меня предчувствие, что это будет увлекательно! *Жутко!*

Финн пожал плечами.

— Однако вы знаете, что я всегда говорю о предчувствиях. Что за шляпа?

— Эта? — Она сняла ее и окинула взглядом. — Обычная старая поношенная шляпа. Мартин купил ее мне для работ в саду. Размер подходящий. Правда, я не часто занимаюсь садом — обо всем заботится Мартин. Но вы что-то сказали о предчувствиях? Вы полагаете, им не место в раскрытии преступлений?

25. Береговая улитка, литорина.

— Полагаю, да. Предчувствие, моя дорогая леди, это все равно что надрывать спину перетаскиванием огромной кучи дерь... бесполезной информации.

Она завывала от смеха, возможно, отчасти из-за его изощренного эвфемизма.

Когда некоторое время спустя Фен вернулся от телефона, он уже не улыбался.

— Человек из Скотланд-Ярда, которого я знаю, проверил адрес, — сообщил он. — Майор там не живет. — Он наклонился и поднял свой *sola topi*.

— Я не понимаю.

— Это адрес проживания. В местный киоск, торгующий газетами и табаком, приходят письма на имя людей, которые там не живут. Разве он не сказал вам, где живет на самом деле?

— Нет. Возможно, он имел в виду, что встретится со мной у этого киоска.

— М-м. Тогда увидимся там, ровно в девять. Сейчас я еду домой, займусь пока чем-нибудь другим. Между тем помните, что сказал майор. Никому ни слова, особенно участникам старого клуба.

— Мистер Фин, скажите, вы что-то утаиваете от меня?

Он посмотрел смущенно.

— Нет. Я ничего не знаю. Совсем ничего.

Он поспешил уйти и вернулся к себе в Кенсингтон. Он переоделся в темное и сидел, лениво пролистывая египетскую грамматику, когда зазвонил телефон.

— Фин? Это Гейлорд.

— Да. Вы установили?

Сначала была пауза, затем вздох.

— Все в порядке. Адрес: Дом №44, Теннисон-авеню, Северо-Запад, 10. Дом арендуется. Ясно изложил?

— Да, спасибо, инспектор.

— Фин, поскольку передача таких сведений противозаконна, будет правильно, если вы объясните мне, что происходит. Вы полагаете, жизни этого старика угрожает реальная опасность или что? Если вы что-то знаете, ваш долг...

— Все, что я знаю, я вам уже сообщил. Пока майор Стоукс тянет на классического параноика, не более того. Тем не менее он упоминает слишком много подлинных деталей — невозможно поверить, что весь его рассказ выдумка. Поэтому я очень хочу увидеть это письмо. А чтобы увидеть его, мне придется усиленно проследить за тем, чтобы он его написал. Сегодня ночью я собираюсь устроить дозор у его дома. Если только полиция сама не организует наблюдение.

— Еще чего. И не мечтайте.

— Я на это и не рассчитывал. До свидания, инспектор.

— Старший инспектор, на всякий случай.

— До свидания, старший инспектор.

Фин проехал во взятом напрокат автомобиле индустриальный район будущего: мировые бренды светились пятидесятифутовыми буквами на огромных нержавеющей конструкциях, вмонтированных в прекрасно ухоженные газоны. Консервированные бобы, печенье, коробки, матрасные пружины и средства от бурсита большого пальца ноги — почти все «необходимое» для цивилизации производство, казалось, было сконцентрировано здесь, в этих циклопических сооружениях без окон.

Он проехал по мосту через канал и железную дорогу, и картина изменилась. Как будто он вернулся назад во времени. Улицы были вымощены брусчаткой того же цвета, что и

террасы приземистых кирпичных жилищ, которые их окружали: цвета старого кирпича, угольного дыма и бедности. Вдоль каждой улицы тянулись разбитые тротуары и выбоины, причудливые маленькие чугунные уличные фонари, установленные прямо в эпоху газового освещения, теперь косились под невообразимыми углами, бросая вокруг себя тусклый электрический свет. Многие вообще не горели; их светильники были разбиты, возможно, ордами детей, играющими в футбол на булыжниках.

Сумеречная зона, подумал он. И это не беспросветная бедность шахтерских городков викторианских времен, это Лондон эпохи сверхзвуковых авиалайнеров и цветного телевидения. Хуже того, только человек, обладавший тонким чувством иронии, мог назвать здешние улицы в честь поэтов. Фин проделал путь от Китс-роуд до Кольридж-авеню, от Байрон-стрит до Вордсворт Кресент через поэтические уголки Элизиума.

Он припарковался на Теннисон-авеню и начал свое бдение. 44-й дом выглядел чуть более заброшенным, чем остальные дома. Из окна первого этажа по краям потрепанных занавесок просачивался тусклый желтый свет. Впереди, в сгущающихся сумерках, черно-белая кошка пыталась поддеть головой плохо закрывающуюся крышку мусорного бака. Крышка наконец-то брякнулась о землю. В то же мгновение свет в окне погас.

Через минуту он включился повторно — светомаскировку поправили.

Перед тем, как совсем стемнело, входная дверь дома № 44 открылась. Фин впервые увидел обитателя — лысого, тощего человечка в полосатой рубашке и подтяжках. Мужчина посмотрел по сторонам, быстро поставил пустую молочную бутылку и убрался внутрь. Некоторое время после этого Фин слышал скрежет задвигаемых запоров и лязг цепей.

Сейчас на улице было тихо. У майора Стоукса погас свет. С железной дороги до Фина долетали стук и скрежет подвижного состава на товарной станции. На другом конце улицы звучали ритмы регги. В десять часов у дома №52 остановилась машина, выпустив молодую девушку, и помчалась дальше, трубя в клаксон мелодию «Марша полковника Боги». Сразу после одиннадцати улица пробудилась на несколько минут, — машины проезжали либо быстро и беспорядочно, либо с подозрительной медлительностью, сигнализируя на всем пути о возвращении толп из пабов домой. К половине двенадцатого тишину нарушала только парочка пешеходов, спотыкающаяся о разбитые тротуары и распеваящая «От тебя я шалею»²⁶.

Фину ничего не оставалось делать, как коротать ночь за своей египетской грамматикой, подсвечивая себе умирающим электрическим фонариком. Когда батарейка окончательно села, он обратился к своему карманному калькулятору. Начал он с попытки разобраться в своих счетах и закончил тем, что число 57718 вверх ногами можно было прочесть как BILLS²⁷.

Всенощное бдение под окнами никак не вписывалось в представление Теккерера Фина о работе детектива. Настоящий детектив, часто напоминал он себе, не должен следить за подозреваемым и пресмыкаться перед полицией. Настоящий детектив должен сидеть дома и блестяще находить правильные ответы, не покидая кресла. Шерлок Холмс ни за что не стал бы тратить время на бессмысленную ночную авантюру. Патер Браун появился бы на сцене в девять утра, хорошенько выспавшись, и на свежую голову выдал бы готовое решение. К восходу солнца Фин выдохся и жалел себя.

Рассвет ознаменовался хором воробьев, неспешным, заунывным продвижением молочника, первыми признаками оживления в домах. Кашляющие заводские рабочие уже отъезжали в своих кашляющих автомобилях, а жилец дома №44 еще не выходил за своим молоком. В восемь часов прошел почтальон. К восьми сорока пяти женщины начали выкатывать детские стулья и коляски из своих узких дверей в направлении торговых кварталов. К девяти пятнадцати проснулись все дома. Кроме сорок четвертого.

26. Песня Фрэнка Синатры «I get a kick out of you» (перевод русского названия и текста Алены Велицкой).

27. Счета (англ.)

Фин медленно подошел к двери, пытаясь избавиться от ощущения, что он всю ночь наблюдал не за тем домом. Он позвонил, затем постучал; он перепробовал все способы разом и по отдельности. Стук молотка эхом разносился по пустой улице.

Он заглянул в щель почтового ящика и позвал.

— Майор Стоукс? Алло!

Он снова заглянул в нее, ощущая прилив тревоги. В прихожей было сумрачно, но когда его глаза привыкли к полумраку, в глубине он увидел какой-то слабое свечение. Вероятно, свет горел в холле, оставленный на всю ночь. Ему удалось разглядеть полуоткрытую дверь и тень внизу. Через несколько секунд тень приобрела четкие очертания домашней туфли, надетой на узкую ступню.

— Хорошо, сэр, оставайтесь здесь, но отойдите подальше. — Полицейский разбежался и ударил в дверь всей тяжестью своего тела.

— Господи! — Он отскочил, потирая плечо. — Даже не сдвинулась. В этом месте, должно быть, проходит брус. — Он снова отошел назад, разбежался и пнул ногой в середину двери. Дерево треснуло, и дверь отлетела назад.

Фин не остался на улице и прошел за полицейским в дом. Он наблюдал, как ноги констебля пересекают тонкий слой белого порошка на истертом линолеуме, оставляя единственную цепочку следов в тесном холле. Заплесневелые обои, треснувший столбик перил и полуоткрытая дверь. Полицейский распахнул ее шире, и они заглянули внутрь.

Старик на самом деле не лежал, поскольку там не хватало достаточного пространства, чтобы лежать. Комната была туалетом. Худоба позволила старику сидеть на полу, прижавшись к унитазу. Жуткие на вид полоски пижамы подчеркивали положение его конечностей: одна нога была подтянута и согнута в колене, другая, вытянутая вперед, не давала двери закрыться; руки прижались к груди, но ладонями, как ни странно, были обращены наружу, словно пытались кого-то или что-то оттолкнуть. Лысая голова крепко уперлась в стену, глаза раскрылись, а на лице застыло выражение, которое заставило полицейского снова сказать: «Господи!» Сердце колотилось, но перед ним был давно остывший труп.

Фин знал, что его могут прогнать в любую секунду, поэтому быстро осмотрелся. На теле следов вроде бы не было, но кончики пальцев выглядели подозрительно: сломанные ногти и засохшая кровь под ними. Дверь запиралась на простой крючок, который теперь свободно болтался. Краска на стенах шелушилась от старости, отслоившиеся кусочки усыпали тело. Окон в туалете не было, кроме небольшого вентиляционного отверстия.

— Пожалуйста, вам нельзя здесь находиться.

Фин вышел на улицу. В ярком утреннем свете улица и дома казались почти чистыми. Несколько мальчишек оккупировали мостовую, успевая пинать мяч и следить за полицейской машиной. Фин сокрушался.

— Хорошо быть живым, — бормотал он. — Даже трясущийся от страха старик будет рад такому утру, выйдя за молоком. Лучше быть живым, старым и трясущимся от страха, чем таким вот куском мертвечины, который лежит там. Боже!

— Вы что-то сказали, сэр? — спросил полицейский у него за спиной.

Фин замолчал, но не мог сдержать своих мыслей: *Бедный старик, в конце концов ты оказался прав.*

Глава третья

— Убийство? — Старший инспектор Гейлорд пытался изобразить улыбку на лице, но не получилось. Легкое колебание орлиного носа, небольшая складка возле губ — вот и все изменения на этой гранитной поверхности. — Вы, любители, не перестаете меня радовать.

Неприменно убийство, что же еще?

— Не непременно, — сказал Фин. — Но на этот раз...

— В тысячный раз. Не такая уж редкость для человека за семьдесят откинуться с сердечным приступом. Из года в год мы сталкиваемся с несколькими сотнями подобных случаев. И сколько стариков умирают каждый год в результате убийства? Меньше дюжины.

— В этом году можете спокойно рассчитывать на чертову дюжину. Есть что-то ненормальное в убийстве майора Стоукса. И никакие статистические машины полиции не сделают его нормальным.

Гейлорд повернулся и дернул за шнурок жалюзи. Слитки полуденного солнца упали на его стол, легли полосками на дело Стоукса, Э. У.

— Статистика может быть полезной, Фин.

— Пока мы не поклоняемся ей. Стоукс не может быть полезным числом, будучи сам по себе. А он *был* сам по себе, это факт.

— Я не улавливаю.

Фин откинулся, прикрыв глаза от света.

— Я имею в виду, он был одиноким, напуганным стариком. Он думал, что кто-то хотел убить его, и обратился за помощью. И помощь пришла — *только слишком поздно*. Это заставляет меня задуматься о содержимом его письма.

— О, мы видели это письмо. В нем нет ничего ценного, уверяю вас. Конечно, мы перешлем его в МО²⁸, но только сумасшедший мог написать такое. Фин, никто не хотел убивать старика, как вы не можете этого понять? Он банально сошел с ума и банально умер. Почему вы не хотите оставить его в покое?

— Потому что я не удовлетворен в отличие от вас. Кажется, вы успокоились, найдя бутылку дигиталиса²⁹?

Гейлорд подпрыгнул, словно ужаленный.

— Как вы узнали?

— Дедукция. Вы упомянули, что у него был сердечный приступ, однако отчет патологоанатома еще не готов, поэтому единственное, на чем основано ваше доказательство, это предположение полицейского врача, подкрепленное чем-то более существенным — бутылочкой лекарства.

Очевидно, не правда ли? И меня беспокоит, что эту очевидность мог разглядеть возможный убийца. По словам Стоукса кто-то недавно проник в его дом. Грабителю, скажем, попадает на глаза бутылка с сердечными каплями, и это подает ему мысль о способе убийства.

Гейлорд снова попытался улыбнуться:

— Вы полагаете, что это один из тех странных и неопределимых ядов, которыми изобилуют детективные истории?

— Нет, никаких шприцов с воздухом, и на том спасибо. Я имел в виду, что легко убить пациента со слабым сердцем и сделать так, чтобы его смерть выглядела естественной. Например, сильно напугать. Убийца проникает в дом и...

— Остановитесь прямо здесь. Вчера вечером никто не заходил в дом. Мы тщательно осмотрели его, и я не прочь проинформировать вас, что он был герметически заперт.

28. Министерство обороны.

29. Дигиталис, или наперстянка — лекарственное растение, применяется для лечения хронической сердечной недостаточности; при передозировках является опасным ядом.

Парадную дверь и дверь черного хода мы обнаружили запертыми на ключ и поставленными на цепочку. Все окна забиты десятипенсовыми костылями. Коридоры посыпаны тальком, чтобы выявить следы. На ступеньках лестницы натянуты струны. Старый параноик превратил свой дом в крепость, не оставив ни единого шанса на проникновение.

— А вы брали в расчет то маленькое вентиляционное отверстие? Оно была открыто.

Гейлорд покачал головой.

— Четыре на пять дюймов? Голова не пролезет.

— Однако вы могли бы просунуть руку. Дотянуться рукой с подушкой и задушить.

— Забудьте. Вам бы понадобилась рука длиной восемь футов. И даже тогда Стоукс мог бы вывернуться и спокойно выйти из комнаты.

Фин на мгновение задумался.

— Полагаю, вы правы. И все же... Как мне кажется, там происходила своего рода борьба. Со стен осыпалось много сухой краски, а ногти Стоукса были сломаны и в крови.

— Тому есть простое объяснение. У старика случился приступ. Он недолго боролся и в предсмертной агонии царапал стены. В этом нет ничего необычного. Несомненно, патологоанатом обнаружит кусочки старой краски у него под ногтями. Еще вопросы?

— Время смерти? — спросил Фин.

— Не позднее двух часов ночи, насколько мы можем судить. Почему вы спрашиваете? Вы вдруг вспомнили, что слышали крик о помощи?

— Нет, крика я не слышал. И не думаю, что услышал бы его, поскольку туалет находится в задней части дома, а я был спереди. Но именно это навело меня на мысль об удушьи. — Он достал большую лупу и начал разглядывать пылинки, танцующие в потоке солнечного света. — Что он вообще делал в туалете в это время?

— Верите, нет, но мы знаем ответ даже на это. Кроме проблем с сердцем у него было что-то еще с мочевым пузырем. Я поговорил с его врачом, и он сказал мне, что вставать два-три раза за ночь для него было нормой. Особенно, когда он нервничал и плохо спал.

Фин вздохнул.

— Пожалуй, что так. Хм... Полагаю, вы не нашли никого, кто был бы заинтересован в его смерти?

— Нет. Из живых родственников у него никого не осталось, да и денег тоже не было. Соседи его почти не знали. Касаясь вашего международного коммунистического заговора, какова вероятность, что шпионы будут охотиться на одинокого пенсионера-параноика? Ни врагов, ни друзей во всем свете.

— Интересно... Могу я узнать, у кого он снимал дом?

Гейлорд испуганно воззрился на него.

— У кого он снимал дом? Фин, это ерунда, при чем здесь его домовладелец?

— Не знаю. Если бы он оказался человеком по фамилии Грин, по крайней мере, я мог бы продвинуться немного вперед.

— Это значит, что сейчас у вас ничего нет — ни малейшей улики, указывающей на убийство. Фин, будьте благоразумны и признайте поражение. Грин — большая фантазия старика, и вы знаете это. Или вы всерьез допускаете, что домовладелец мог убить своего жильца?

— Нет, но я допускаю, что он мог третировать его, пытаясь выжить. И, возможно, тактика давления зашла слишком далеко, не знаю... надо бы увидеться с домовладельцем.

Полицейский фыркнул.

— Вы выдохлись, Фин. Простите то, что я вам сейчас скажу, но и вся идея сыщика-

любителя тоже изрядно выдохлась. Однако раз уж вам не терпится, держите соломинку. — Он открыл папку и пошуршал страницами. — Вот, владелец — *The Dartleford Estate Agency*. Офис в Кенсингтоне.

— Спасибо. — Фин встал и протянул руку.

Голос Гейлорда окрасился недвусмысленной иронией.

— О, не стоит благодарностей. Пустяки. И *удачной охоты*.

В голосе мисс Фараон звучала досада.

— Но наверняка полиция должна понимать, какое это невероятное совпадение.

— Похоже, они не намерены копать глубже. Вопрос в том, должен ли я?

— Конечно, мистер Фин. Надеюсь, *вы* не думаете, что это безнадежно?

— Я не хочу бросать это дело, по крайней мере, до начала дознания. Если они найдут естественные причины, возможно, мы могли бы вернуться к рассмотрению еще раз. Просто сейчас я собираюсь встретиться с домовладельцем майора. Потом я хотел бы поговорить с членами вашего маленького клуба.

— Мне созвать встречу?

Он обдумал эту мысль.

— Пока рано. Я хотел бы подойти к каждому из них опосредованно. Меня тревожит еще одно совпадение: если смерть майора — убийство, это идеальное преступление, достойное любого члена клуба расследования убийств.

Наступила долгая пауза, во время которой линия жужжала и стрекотала. Где-то в системе произошло неправильное подключение, и призрачный голос выдал: «...стала выглядеть лучше с тех пор, как прибрала голову...»

— Одного из Семерки Разгадчиков? — спросила мисс Фараон. — Весь день я только и думаю об этом, начиная с самого утра, когда сидела в такси у газетного киоска в ожидании новостей, что вполне естественно. Я вспоминала, как все мы презирали беднягу. Что, если один из нас ненавидел его настолько сильно, что... В десять часов я *поняла*, что произошло нечто ужасное. И когда молодой полицейский подошел и сказал, что меня ждут в морге, — это было похоже на настоящий кошмар. О, мистер Фин, мы должны что-то сделать!

— Потому что он был вашим старым товарищем?

— Совсем нет. — В ее голосе был странный восторг. — Потому что это безумно увлекательная *головоломка*.

Агентство недвижимости «Dartleford» либо только что образовалось, либо произвело свежие косметические изменения. Офисное здание, затесавшись среди маленьких невзрачных магазинчиков, сияло, как бриллиант в куче пепла. Над широким витражом из синего стекла хромированные буквы высотой в четыре фута провозгласили его новое имя — «Dart Estate». Интерьер составляли толстые ковры, белые столы, телефоны абрикосового цвета и, конечно же, музыкальный проигрыватель. Персонал был молодым и вышколенным: симпатичная блондинка-администратор передала Фина флегматичному, хорошо одетому молодому человеку, мистеру Моку.

— Вас интересует один из наших объектов в Харлсдене, мистер Фин?

— Верно. Теннисон-авеню, дом № 44.

Получая очевидное удовольствие от профессиональных действий, молодой человек поднял абрикосовую трубку и вызвал стол в нескольких ярдах от себя.

— Мисс Форбс, пожалуйста, приготовьте для меня досье на 44-й номер по Теннисон-авеню.

Фин наблюдал, как та встала, подошла к большой крутящейся стойке регистрации и извлекла документ.

— Увы! — сказал мистер Мок, просматривая его. — Выявилась проблема. Кажется, у нас по этому адресу *защищенный арендатор*³⁰. Так что мы не можем выставить объект на продажу.

— Жилец вчера умер, — внес ясность Фин. — Мне посчастливилось узнать об этом, и поэтому я решил поинтересоваться насчет продажи?

— В таком случае мы можем рассмотреть вопрос о продаже, мистер Фин. Хм, пожалуй, вам будет лучше обратиться к нашему мистеру Баньяну. Он более компетентный специалист в этой области.

После некоторых формальностей Фин поднялся на ступень выше (два телефона) и подошел к столу мистера Баньяна, который был не только старше по должности, но и развязнее.

— Кресло, мистер Фин. Должен заметить, что вы ранняя пташка. Насколько я понимаю, вы узнали, что старый мистер Стокер скончался, и направились прямо к нам, так? Очень правильное решение. С таким бумом на рынке недвижимости как сейчас нельзя торопиться.

— Кажется, его звали Стоукс.

— Стоукс, Стокер, какая разница. Важно то, что он уже вне нашей ответственности. Вы хоть представляете себе, сколько денег мы теряем на защищенных арендаторах? Это преступление, мистер Фин. *Преступление*. С наших плеч упал груз, не будем лукавить. — Баньян, должно быть, что-то заметил на лице Фина, поэтому тут же добавил: — Хотя, конечно, нехорошо так говорить об усопших. Надеюсь, не ваш родственник?

— Я никогда не встречал джентльмена. — Фин отвернулся от блеска золотых запонок мистера Баньяна. — Полагаю, что среди защищенных арендаторов попадаются довольно неприятные.

— Неприятные? Вы, должно быть, шутите. Это сплошные убытки. Мы просто повисли в воздухе — ни поднять арендную плату, ни выселить. — Мистер Баньян обратил внимание на папку. — Скажите, вас интересует только один объект?

— Я пока не решил.

— Хорошо. Прямо сейчас мы готовы предложить небольшой симпатичный пакет из восьми домов в районе Харлсдена, включая этот, скажем, за двести пятьдесят тысяч. Или, скажем, сорок за штуку. Разбейте, как вам нравится.

— Кажется, немного крутовато. В конце концов, я видел этот дом, и...

— Подождите, это еще не все. Мы планируем разделить каждый дом на две квартиры до завершения сделки. И вы получаете гарантированный годовой доход в двадцать тысяч. Как вам такое?

Фин сделал вид, что все обдумал, поторговался для важности и, наконец, вынес решение, что посоветуется со своим банкиром. Здесь, в этом офисе мощного «кручу-верчу», безусловно, просматривался неплохой мотив. Бриллиант трудно соотносился с рушащимся убожеством Теннисон-авеню, но один факт говорил сам за себя: смерть одинокого нищего старика могла принести «Dartleford» четверть миллиона фунтов.

На прощание пожав руку, Фин сказал:

— Кстати, прежде чем уйти, я хотел бы здесь еще кое с кем пообщаться. По другому маленькому вопросу.

30. В оригинале *sitting tenant* — букв. право владельца (англ.) — лицо, занимающее конкретную недвижимую собственность в Англии и законодательно защищенное от выселения из нее.

— Прекрасно. Офис в вашем распоряжении, мистер Фин.

— Я хотел бы встретиться с мистером Грином.

Баньян был неутешительно спокоен.

— У нас нет мистера Грина. Вы уверены, что правильно назвали фамилию?

— Грин. Точно Грин. Приятель сказал мне, что он может предложить очень выгодную сделку.

Очевидно, это был ложный шаг. Баньян холодно отреагировал:

— Я не знаю, кто ваш приятель, и, если на то пошло, я не знаю, кто вы, но у нас никогда не было мистера Грина, работающего здесь.

Фин подошел к двери, чувствуя, что мистер Баньян следит за каждым его шагом. Обернувшись, он понял, что предчувствие обмануло его. Мистер Баньян, повернувшись в другую сторону, всего лишь точил карандаш, сбрасывая стружку в мусорную корзину.

Глава четвертая

Секретарша стояла насмерть.

— Прошу прощения, мистер Фин, но мистер Портман никого не принимает без предварительной записи. И, боюсь, до конца дня он будет занят. Честно говоря, я не вижу возможности принять вас раньше вторника следующей недели. Так вас устроит?

— Не устроит. Дело безотлагательное. Если я не увижу его сегодня утром, встреча вообще теряет всякий смысл.

Выражение на лице секретарши не изменилось.

— Ну, если это так срочно, советую обратиться к другому адвокату. Общество юристов может предоставить вам список, либо обратитесь напрямую в юридический центр. Принимают там в любое время, консультации бесплатные. В порядке живой очереди. — Глаза ее выдали мысль, что ему не повредит стояние в очередях. Ждать своей очереди — именно так нужно учить нетерпеливых американцев цивилизованному поведению в присутственных местах.

— Мне нужно увидеться с мистером Портманом, — надавил он.

— *Сожалею.*

— Тогда, может быть, мне лучше объяснить вам. — Фин склонился над столом, надеясь, что выглядит как зловещий мафиози. — Послушайте. Я пришел по поручению одного клиента, — сказал он мягко. Поставив тяжелый портфель на стол, он погладил его. — Там пленки. Вы понимаете?

— Нет, я не понимаю, — ответила она. — Возможно, вам лучше назвать имя этого клиента и характер вашего бизнеса.

— Угу. Нет, у меня собственные правила, мисс. Я сам представляю свои интересы и никто другой. — Он склонился еще ниже. — Не заставляйте меня делать то, о чем все мы можем пожалеть.

— Это угроза?

— Нисколько. Но если я уйду отсюда, никто никогда не услышит эти пленки. Я говорю, это срочно.

Через несколько минут его препроводили в отделанный панелями кабинет мистера Портмана. Общее впечатление изысканности портило окно с большим квадратным куском картона вместо стекла в нижней части.

— Прошу садиться, мистер Фин. Одну минуту. — У Портмана было широкое, круглое

лицо, в свои пятьдесят он пребывал в отличной форме. Темные волосы, поседевшие на висках, были зачесаны над ушами назад в аккуратными волны. Строгий элегантный костюм завершал образ типичного адвоката: читателя «Таймс», гольфиста, члена клуба консерваторов, жителя пригорода, заседающего в местном совете. Однако его лицо было слишком неофициальным, слишком подвижным для лица адвоката и слишком крупным. Это было лицо конферансье. Фин уже однажды встречал такое лицо, которое весело смотрело из-под соломенной шляпы с лихо заломленными полями и принадлежало мяснику. Мясник этот снискал себе большую популярность скабрёзными шутками, заставляя домохозяек тряситься от смеха над сосисками.

Портман сделал несколько пометок серебряным карандашом, затем откинулся в кресле.

— Полагаю, вы пришли поговорить об этих таинственных пленках, — сказал он. — Вы определенно взбудоражили мисс Эмерсон.

— Верно, а как еще я мог добиться встречи с вами.

— Встречи с какой целью?

Фин прочистил горло.

— Вопрос частного характера. Кажется, вы являетесь членом клуба, основатели которого называют себя *Семерка Разгадчиков*?

Портман посмотрел слегка удивленно, но ничего не сказал.

— Я хотел бы немного поговорить с вами об этом клубе. Как давно вы контактировали с другими членами?

— Что вам надо, мистер Фин? Кто вы такой?

— Я частный сыщик. В настоящий момент я не могу раскрыть вам имя моего клиента, но...

— В таком случае ничем не могу помочь. Всего хорошего.

— В таком случае мой клиент — мисс Доротея Фараон.

— Дьявол! Зачем Доротее нанимать кого-то, чтобы выйти на меня?

Фин вздохнул.

— Думаю, будет лучше, если я заговорю первым, а потом посмотрим, что вы захотите добавить. Вы, конечно, знаете о предстоящем воссоединении. Кстати, вы собираетесь быть?

— Возможно. Дальше.

— Хорошо. Майор Стоукс не сможет прийти. Вчера ночью он скоростижно скончался.

— Серьезно? Бедный старый шельмец. — Спустя мгновение Портман добавил: — Вы сказали «скоростижно»?

— Так говорит полиция. Очевидно, ему угрожали.

— Понятно. Подозревается убийство?

Фин пожал плечами.

— Я всего лишь навожу справки. Что вы можете рассказать мне о майоре?

— Почему я должен вам что-то рассказывать? Ну, хорошо, хорошо. Вернемся немного назад. Когда я первый раз увидел его в Разгадчиках, ему было лет сорок, отставной офицер, бакалавр. Слишком отставной, если вы понимаете, о чем я. Чопорный, лишенный чувства юмора, абсолютно ничем не интересующийся, кроме войны и шпионов. Любимые темы: тайные альянсы, теории заговоров, торговля оружием — что-то вокруг этого. Был настроен пронацистски, если хотите. Всегда говорил, что во второй мировой войне мы заняли не ту сторону. Он был ярым антикоммунистом, искал повсюду красных агентов.

Полагаю, на самом деле он был безвредным. Каким-то образом он примирил свои взгляды со взглядами своего короля и нации в достаточной степени, чтобы возобновить свою деятельность. Как бы то ни было, мы распустили клуб в 1940, и я больше никогда его не видел.

Зажужжал интерком, и электронная версия секретаря напомнила Портману, что через десять минут у него назначена встреча.

— Спасибо, мисс Эмерсон. Я помню. — Он достал карманные часы, открыл их и положил на стол. — На чем я остановился?

— На войне.

— Да. Стоукса я с тех пор не видел. Но однажды мне довелось услышать о нем.

— В армии?

— Да, вы догадливы. Я пошел в армию; служил, естественно, по юридической части. Там я пересекся с человеком, который защищал Стоукса в военном трибунале. Подзащитный обвинялся в том, что выдавал себя за бригадира, нацепив кучу наград, носить которые не имел права. Жаль, что не могу вспомнить всю историю, она довольно интересная. Очевидно... — Портман придвинулся в своем кресле поближе и стал похож на давнего мясника-балагура. — Очевидно, Стоукс хотел защищаться на том основании, что служил в военной разведке, — каким он был, вы знаете.

— Не знаю. Должно быть, в то время он был важной персоной.

— Полноте. Он только числился майором, в действительности же для ответственных заданий он был непригоден. Некоторое время работал шифровальщиком: расшифровывал простые сообщения наравне с сержантами и младшими капралами. Но затем в один прекрасный день майор начал сам *получать* шифровки. Чушь несусветная. Они перевели его на менее ответственный участок, но стало только хуже. Потом он самовольно оставил часть. Засекли его в Шропшире, видимо, там он и стал самозванцем. В свою защиту он заявил, что шифровки ему посылал Бог, он же повышал его в звании и так далее. Он пытался выдвинуть эти аргументы на военном трибунале.

Естественно, его признали невменяемым. Он был госпитализирован и выпущен со справкой — так мне сказали. Это было примерно в 1943 году.

— Я заметил, — вставил Фин, — что он жил в крайней нищете. Вы знали об этом?

— Откуда? С момента роспуска клуба я его не видел. О, я понимаю, к чему вы клоните — что случилось с его военной пенсией? Как ни странно, мне кажется, я кое-что знаю об этом. Со слов моего коллеги это был замечательный юридический момент. Вот, вспомнил: был запущен механизм по лишению его звания майора и разжалования в рядовые до того, как он чокнулся. Поэтому демобилизовался он рядовым. Образно говоря, его пенсия — пинок под зад.

«Пять минут, мистер Портман», — прожужжал интерком.

— Да, спасибо. Что ж, мистер Фин, думаю, на этом все.

Фин переместился в кресле, но не покинул его.

— Может, вы расскажете мне коротко о Семерке Разгадчиков, и как Стоукс вписался в нее?

— Хорошо. — Портман, вздохнув, откинулся назад. — Ответ будет простым: никак не вписался. Он всех достал. Во-первых, он таскал с собой маленькую записную книжку, куда — у всех сложилось одинаковое впечатление — собирал информацию о нас. Мы заметили, что книжка возникала в тот момент, когда кто-то, например, говорил что-то хорошее о русских. Однажды, ради красного словца, я заявил, что хороший адвокат, — и привел в пример себя, — может запросто оправдать убийцу, пусть и виновного. Я сказал, что надеюсь однажды доказать это, чтобы не быть голословным. Конечно, все это было напыщенной брехней, но он записал ее.

Кроме того, он не вписался еще и потому, что остальные предпочитали расследовать убийства, а не шпионские интриги. Целью наших маленьких посиделок было распутывание классических убийств. Хотя, конечно, у каждого из нас был свой уклон.

Например Дэнби, наш клубный полицейский. Он обожал американские крутые детективы, где лихие парни в равной мере успевают заниматься сексом и мордобоем. Полагаю, вам будет интересно знать, что он думал о старом Стоуксе? Думаю, он его ненавидел. Трудно объяснить, но Дэнби, кажется, был обижен на всех. Но Стоукса он ненавидел, скорее всего, потому, что тот был офицером и джентльменом. Это может показаться тривиальной причиной, но тогда Дэнби был простым парнем, вечно попадающим в небольшие передраги по поводу надуманных оскорблений. *Мачизм*, полагаю, так теперь это называется. А раньше просто — нарываться на неприятности.

— Кто-нибудь еще ненавидел Стоукса?

— Большинство из нас смотрело на него просто как на назойливого зануду. Но у Хайда было достаточно причин ненавидеть его. Джервейс Хайд — клубный эстет. Большую часть времени бездельничал, позируя и пытаясь штамповать эпиграммы. Прямо как в какой-нибудь *Желтой книге*³¹ — реликвии исчезнувшего века. Всегда рассуждал о так называемом искусстве убийства. Думаю, под этим он подразумевал настоящие зверские преступления без мотива: тела, распиленные или растворенные в кислоте, невесты в ваннах, трупы в багажниках. Он постоянно говорил о «психологическом уклоне», хотя я сомневаюсь, что в психологии он разбирался лучше остальных. Реальные преступления, казалось, интересовали его больше, чем вымышленные. Думаю, когда он наталкивался на нераскрытое убийство, он в наполовину надеялся, что оно останется нераскрытым. Но о чем я только что говорил?

Ах да, Хайд и Стоукс. Неприязнь с самого начала. От любой манерности у майора вставала шерсть дыбом, а намек на гомосексуальность вообще выводил из себя. Хайд был манерным педиком, а, может, просто притворялся, но Стоукс едва ли мог вытерпеть минуту, находясь с ним в одной комнате. И если кто-то адски тебя ненавидит, ты обязан ответить взаимностью. Не раз встречи заканчивались криками: «Коммунист!» и «Нацист!», летевшими с обеих сторон. Остальные пытались притворяться, что это было сказано в шутку, но это была настоящая война.

— А другие? Как они воспринимали майора Стоукса?

— Латимер, я бы сказал, был слишком погружен в свои пробирки и реторты, чтобы обращать на него внимание. А сэр Тони был слишком воспитан, чтобы кого-то задеть.

— Сэр Тони — это сэр Энтони Фитч, не так ли?

— Да, мой покойный тесть. Он погиб во время бомбежки, так что его мнение в любом случае сейчас не актуально. И остается Доротейя. Она — нормально. Всегда относилась к Стоуксу как к ребенку, каковым он и был на самом деле. Она действительно ладила со всеми, несмотря... Но, я вижу, наше время вышло.

— Несмотря на *что*?

— Ни на что, серьезно. Она была довольно-таки холодной стервой, но, думаю, годы смягчили ее. Во всяком случае, она уж точно никогда не была убийцей — думаю, я достаточно насмотрелся, чтобы судить. Теперь наше время *действительно* истекло.

Интерком прожужжал дважды. Фин поднялся на ноги.

— Последний вопрос. Фамилия Грин что-нибудь говорит вам? Можете ли вы назвать какого-нибудь Грина, связанного с Разгадчиками?

31. «Жёлтая книга» (англ. *The Yellow Book*) — английский литературный ежеквартальный журнал, издававшийся в 1894—1897 годах и давший название «жёлтые девяностые» последнему десятилетию XIX века.

— Нет, я знаю, по меньшей мере, дюжину Гринов, но ни одного по линии убийства. Однако что же вы не спрашиваете меня, где я был во время преступления?

Фин улыбнулся.

— Я бы не посмел спрашивать адвоката о его алиби. Простите, что отнял у вас так много времени, но мне показалось, что это срочно.

— Вполне вас понимаю. Увы, сегодня у меня трудный день. Хочешь-не хочешь, а придется освободить кабинет, пока стекольщик будет чинить окно. Вчера ночью какой-то меткий малолетний вандал засадил в него апельсином. Небольшая загадка может дать пищу для ума.

Фин, похоже, уже включился в процесс.

— Апельсином? Давайте рассуждать. Ваш офис находится рядом с Друри-Лейн. Может, призрак Нелл Гвин³²?

Портман рассмеялся. Он похлопал Фина по спине и так же вежливо подтолкнул его на выход.

Глава пятая

Фин никогда раньше не видел бунгало Латимера, но знал о нем все. Он мог остановиться посреди улицы, закрыть глаза и нарисовать в памяти крутую крышу с двойным дымоходом, круглое окно в парадной двери, пару высоких тополей на заднем плане, устремившихся вершинам в скопление кучевых облаков. Он даже видел черно-белого кота, катающегося в траве.

Стоило ему вспомнить о нем, как сцена обзавелась еще двумя фигурами: мальчиком в кепи и шортах, катящем обруч, и девочкой с короткими волосами, прыгающей через скакалку. Внизу картины твердыми печатными буквами появились три предложения: «Джек играет. Джилл играет. Мафф играет тоже».

Стряхнув с себя ностальгию, Фин шагнул вверх по тропинке (умопомрачительного мощения, какого же еще — кончай, Фин!) и постучал.

Открыла высокая молодая женщина. У нее были соломенного цвета волосы, веснушки и та свежесть, которая преимущественно отличает красавиц северных стран.

— Мистер Фин, не так ли? Я Бренда Латимер. Проходите... Упс! — Черно-белый кот попыталась проскочить в открытую дверь. Отработанным движением ноги она перехватила его, подцепила и швырнула назад в траву. — Заходите быстрее, пока Мэгвич вынашивает новую попытку.

Бренда Латимер провела его в небольшую гостиную, где усталого вида толстяк в розовой рубашке сидел, приглаживая волосы на голове.

— Пап, это мистер Теккерей Фин.

— А?

— *Частный сыщик.*

Он поднялся, чтобы пожать руку.

— Здравствуй, мистер Фин. Доротея звонила сегодня утром и сказала, что вы собираетесь навестить нас. Она сообщила мне ужасную новость о старом Стоуксе.

32. *Друри-Лейн* — лондонский театр. *Нелл Гвин* — актриса и фаворитка короля Карла II, поначалу работала в нем разносчицей апельсинов, запомнившись клиентам веселым нравом.

Пухлые щеки Леонарда Латимера были покрыты рубцами от старых прыщей, теперь почти невидимыми на расплывшемся лице. Прежде чем пожать Фину руку, он вытер собственную о свою рубашку из быстросохнущей ткани, но рукопожатие все равно получилось влажным. Он выглядел ошеломленным. После рукопожатия он, казалось, не мог решить, куда деть свои руки, и, наконец, убрал их за спину.

Его дочь, наоборот, была хладнокровна и уравновешенна, внешним видом напоминая секретаршу: простая блуза и юбка с двумя оттенками делового синего; никаких украшений; легкий макияж; светлые волосы — ни чувственно длинные, ни своенравно короткие; и, конечно, руку она протянула с ухоженными, покрытыми бесцветным лаком, ногтями.

Все трое были скованы неловкостью момента, пока Бренда не сказала:

— Господи, папа, ты какой-то совсем невежливый. Мистер Фин, пожалуйста, присаживайтесь.

Латимер, казалось, вышел из транса.

— Ох, простите... да, конечно, присаживайтесь. Жenuшка как раз сварила кофе, хотите?

— Спасибо. — Фин сел в миниатюрное кресло и увидел, что его колени уперлись в крошечный кофейный столик.

Бренда свернулась на одном конце дивана и открыла книгу. Ее отец устроился на другом и, казалось, снова впал в транс.

— Извините, что ворвался к вам вот так.

— Нет-нет, все в порядке. Мы просто... пили кофе.

Бренда взглянула поверх книги.

— Папа!

Фин прочистил горло.

— Первое, что я должен спросить, где вы были вчера вечером, мистер Латимер? Не обижайтесь, но я действительно уверен, что должен спросить всех, кто знал майора Стоукса.

— Страшное дело. Доротея сказала, что это убийство. — Латимер снова провел рукой по своим редющим волосам. — Скажите, вы же не думаете, что это сделал я? Нет, однозначно нет. Вчера вечером я был... где же я был? В среду, значит? Я был...

— Папа, ты был в Гамбурге.

— Да, конечно. Совсем потерял счет времени. Мы с жenuшкой летали в Гамбург на вторник-среду, я имею в виду... и вернулись сегодня утром.

— Прекрасно. Следующее, что я хотел спросить...

Мистер Латимер не слушал. Начав говорить о Гамбурге, он, казалось, не мог остановиться.

— Ужасное место. Не мог сомкнуть глаз в их так называемом четырехзвездочном отеле. Одна из причин, почему я так устал сегодня — день у меня перепутался с ночью. Спать могу только в своей постели. К сожалению, придется много разъезжать, если я получу это повышение. Иногда я жалею, что не остался простым химиком-исследователем, с девяти до пяти. Староват я для такого рваного графика. И цены там на все — ужасные! Я был рад вернуться, скажу вам честно. Мы приземлились в Хитроу в половине шестого утра, но лучше бы нам было вернуться вчера вечером. Вернулся с радостью, хотя, нет, не так, если поразмыслить. Мы долго добирались до дома, но тогда наши проблемы только начинались. Как вы думаете, что мы обнаружили?

— Опять начинаешь? — вставила Бренда.

— Мы обнаружили, что дом взломан, а Бренда все это время спокойно спала в своей комнате и даже ухом не повела. Она могла бы проспаться воздушный налет, эта девушка.

Фин чуть не опрокинул кофейный столик.

— Взломан? Прошлой ночью?

— Она могла бы проспать воздушный налет, — продолжал Латимер, — если бы они все еще были, конечно. Но их нет, следовательно эту гипотезу можно не проверять.

— Что было украдено?

— Ничего. Нет, черт возьми, ничего. Кто бы это ни был, он вскрыл замок задней двери, проник сюда, прошелся по моему столу, ничего не нашел и оставил после себя полный беспорядок.

Фин оглядел комнату.

— Сейчас, кажется, все в прибрано.

— Конечно. Я не мог удержать женушку от уборки. Она сразу кинулась к Бренде, думая, что ее могли изнасиловать или убить, а потом сюда — и пошла. Даже шляпку не сняла. Я пытался остановить ее.

— В чем именно выражался беспорядок? Что-нибудь было разбито?

— Нет, но мебель была опрокинута, подушки разбросаны, пепельницы высыпаны, журналы разорваны и разбросаны тоже.

— Полицию вызывали?

— Сразу же. Я помнил о правиле «Ни к чему не прикасаться», но посчитал, что по домашнему телефону позвонить будет безопаснее. В любом случае я не чувствовал себя способным нестись рысью до киоска на углу, чтобы набрать пресловутый 999, понимаете?

Ну, к тому времени, когда приехали мальчики в синем, женушка почти все прибрала. Думаю, они и наполовину не поверили, что у нас было ограбление. Я показал им Желтые Страницы, разорванные на части и разбросанные по всем углам, да толку-то. Они заинтересовались только, когда увидели кухонную дверь и вот эту страницу. Она была пришпилена к двери ножом.

Он запустил руку в мусорное ведро и передал Фину страницу с ножевым проколом посередине. Страница была озаглавлена «Адвокаты». Глаза Фина автоматически начали искать фамилию «Портман», но список заканчивался на «Дс».

— Это что-нибудь для вас означает, мистер Латимер?

— Нет. Думаете, это как-то связано с... со Стоуксом?

— Возможно. Как вы думаете, что искал грабитель?

Латимер снова начал куда-то уплывать.

— Время от времени я держал у себя в столе некоторые корпоративные секретные документы, пробормотал он, Может, их, может... Я даже не знаю.

После минутной паузы, Фин спросил:

— В таком случае, можете ли вы рассказать мне что-нибудь о майоре Стоуксе? Когда в последний раз вы видели его?

— Дайте подумать... Сразу после того, как мы вступили в войну. Он восстановился по службе и появился на нашей последней встрече в форме. Мы все были рады его отъезду, рады, что отделались от него. Видите ли, он ни с кем не ладил. В клубе предполагалось интеллектуальное расследование убийств, но ему это занятие так и не далось. По сравнению с этим его вечные коды и шифры — детские игрушки. Еще шпионские романы. Кроме них он больше ничего не читал; на этой почве, если хотите знать мое мнение, он и свихнулся. Бывало, по полчаса от каждой беседы с ним у меня уходило только на то, чтобы понять, говорит он о реальных вещах или вымышленных. Наши встречи проходили в ресторане Альберто, и он вполне серьезно считал, что итальянские официанты — шпионы! Уверен, что он подозревал даже нас!

— Насколько я знаю, на каждого из Разгадчиков у него было своеобразное маленькое досье.

— Да, он... ах, вот и женушка. Вера, это мистер Теккерей Фин.

Миссис Латимер и вправду была женушкой. Она внесла огромный поднос с кофе и пирожными, и хотя, казалось, для нее это не представляло труда, Бренда поднялась, чтобы взять поднос из ее рук. Женушка улыбнулась Фину, не глядя в его сторону. Как только ее руки освободились, она схватила тряпку и прошлась по каминной полке.

— Разговаривайте-разговаривайте, — отозвалась она. — Не обращайтесь на меня внимания.

— Мама, — спросила Бренда, — почему ты не хочешь посидеть с нами?

— Посидеть? *Посидеть?* Когда, деточка? Если я сяду, мне будет страшно представить, во что превратится этот дом?

— Но что подумает о нас мистер Фин?

— Я не знаю. Я надеюсь, что он не примет нас за семью, которая только и делает, что все время *сидит!* Некоторые из здесь присутствующих найдут себе занятие, даже когда ты и твой отец «слишком устали», чтобы идти на работу.

Бренда покраснела. Закончив разливать кофе, она сказала:

— У папы, по крайней мере, есть оправдание, мистер Фин. Поездка в Гамбург действительно вымотала его. А вся моя вина в том, что я встречалась с Мартином и друзьями, и у меня было похмелье. Поэтому, конечно, я не слышала нашего вора. Боюсь, я просто отрубилась.

Фин откинулся в своем маленьком кресле, помешивая кофе.

— Мартин? Я не уверен, что знаю, кто это.

— О, конечно нет, как глупо с моей стороны. Я просто посчитала, что все, кто знают тетю Доротеею, должны знать и ее племянника Мартина. Это мой *fiancé*³³.

— Мы еще не встречались. Значит, вы часто видите мисс Фараон?

— Часто. Мартин все время крутится там, чинит разную устаревшую рухлядь в ее доме. Так что когда я встречаюсь с ним, мне волей-неволей приходится встречаться и с ней.

Латимер, похоже, снова впал в транс, уставившись в чашку с черным кофе.

— Полагаю, вы время от времени встречаетесь с мисс Фараон? — спросил его Фин.

— А? Ах, да, урывками. Как вы догадались?

— Ваша дочь помолвлена с ее племянником. Такое не может быть совпадением.

Латимер улыбнулся.

— Конечно, не может, вы совершенно правы. Доротеея и я поддерживаем связь. Она обладает незаурядным логическим мышлением для...

— Не смей говорить, — оборвала его Бренда, — что женщины нелогичны!

Настала очередь краснеть Латимеру.

— Отлично срезала, дорогая. Я хотел сказать, ум Доротееи поражает изворотливостью и системностью. Вам доводилось видеть, как она решает какую-нибудь маленькую логическую проблему, мистер Фин?

— Да, несколько раз. Согласен, она гений. Жаль, что с таким интеллектом она не сделала академической карьеры. С ее деньгами можно было бы достаточно легко продвинуться и стать первоклассным логиком — официально признанным, я имею в виду.

33. Жених (*фр.*)

— Профессорство? Забавно, я никогда не думал о ней в таком ключе. Однако я полагаю, вы правы. Должно быть, вмешалась война. Ее молодость, как и у большинства из нас, пришлось на это время. И замуж она не вышла по той же причине, подозреваю.

Миссис Латимер взяла с камина фотографию в рамке и протянула Фину.

— Здесь нет никакой тайны! — сказала она. — Если вы посмотрите на нее в молодости, то поймете, почему она не вышла замуж.

Он взглянул на фотографию: семь постных лиц, среди которых он узнал молодых Латимера и Портмана, а также напыщенного мужчину средних лет с залысинами, которым мог быть только майор Стоукс. Молодая мисс Фараон выдающейся красотой не отличалась, но во всем остальном он не разглядел даже намека на то, что было так очевидно для миссис Латимер.

— Я все еще не понимаю, сказал он, возвращая фотографию.

Миссис Латимер протерла ее, не пропустив ни одного следа от пальцев, и поставила на место.

— Она одета в мужской костюм, — подсказала она. — Выводы делайте сами.

Прежде чем он успел что-то сказать, она ушла в соседнюю комнату. Вскоре там завыл пылесос.

Лицо Латимера был таким же бледным, как у Бренды.

— У Веры время от времени возникают странные идеи, — сказал он. — Вбила себе в голову, что Доротея лесбиянка. Всякий раз, когда приходит Доротея, женушка отправляется в постель с головной болью или еще с чем-то, — вздор! — но вот так у нас. Доротея не больше лесбиянка, чем я король Фарук, но Вера настаивает на своем.

— С чего это она взяла? — спросил Фин.

— Фотография! Групповое фото! Только потому, что Доротее пришлось надеть этот чертов костюм — на самом деле все это было в шутку. — Латимер налил кофе. — Видите ли, старый сэр Тони вообразил себе, что неравнодушен к Доротее.

— Сэр Энтони Фитч? Старик на фотографии?

— Да, он действительно домогался ее, старый козел, пока это не поставило всех нас в неловкое положение. Особенно Доротею. Всеми правдами и неправдами, но всегда ласково, она просила его отвязаться. На одной из встреч он предложил ей купить хорошее платье для групповой фотографии. Она отказалась. Он настаивал, говорил, что хотел бы сохранить на память фотографию с ней. Это решило дело. Я увидел свет в ее глазах, и она согласилась «на что-то интеллектуальное» для фотосессии, зарядив сэра Тони. Надо отдать должное старику, он был способен смеяться над собой, когда про него шутили.

— Вы объяснили это своей жене?

— О, Вера никогда никого не слушает, особенно меня.

— Маме не слишком это нравится, — сказала Бренда. — Она...

— Ей все равно придется встретиться с Доротеей на свадьбе, — ответил Латимер. — Может, хоть это положит конец ее глупостям.

— Как я понимаю, сэра Тони в настоящее время нет в живых? — спросил Фин.

— Верно. — Латимер грустно вздохнул. — Теперь нас осталось только пятеро. Следующим, подозреваю, буду я.

— Папа!

— Это правда. Моторчик не тот, что раньше. Прямо как бедный старый Стоукс...

— Вы знали, что у Стоукса большое сердце? — прервал его Фин.

— Нет. Хотя для меня это не сюрприз. Говоря «как бедный старый Стоукс», я хотел

сказать, что скоро покину этот бранный мир. Что у него было, сердце?

— Мы узнаем это, когда будет проведено дознание. — Фин вытащил дешевый блокнот со спиралью и открыл его. — А пока я хотел бы знать, кто желал смерти Стоукса?

Латимер пожал плечами.

— Если хотите знать мое мнение, вы избрали неправильный путь. Почему бы вам не начать с *физических* улик? Что говорят ребята-криминалисты — парни, работавшие на месте преступления?

— Не знаю, и не думаю, что полиция мне скажет. — Фин наблюдал, как черно-белый кот перестал тереться о дверной косяк и скользнул по стенке. — Полагаю, их заинтересовало письмо, но пока полиция ничего не говорит о нем.

— Конечно, криминалистика продвинулась далеко вперед с тех пор, как я появился на свет. Для меня же это не более чем хобби, но я все еще продолжаю выписывать *The Criminologist*³⁴ и несколько других журналов. Знаете ли вы... — Он пустился в пространный монолог о новой технике, суть которой, кажется, состояла в том, что если человека находят застреленным в открытом поле, то по одному детальному анализу почвы вокруг него можно было определить направление полета пули.

Бренда неожиданно обратилась к черно-белому коту: «Мэгвич! Что ты здесь делаешь? Если ты попадешься маме, она вытряхнет из тебя все твои оставшиеся восемь жизней!» — Она выгребла животное из-под стола и отнесла к входной двери: «Брысь!»

— Закрой дверь в коридор, — сказал Латимер. — Он продолжает пользоваться своим отдельным входом. Вы о чем-то задумались, мистер Фин?

— Я просто подумал о коте майора Стоукса. Он сказал мисс Фараон, что враги отравили его. Возможно, это и есть тот вид физических улик, которые мы ищем, мистер Латимер?

Латимер пригладил волосы.

— Я ничего такого не вижу. Какое отношение кот имеет к уликам? Отравить кота — какое же это преступление?

— Не преступление. Фактически, если это сделано в гуманных целях, это даже не проступок. — Фин закрыл свой блокнот и поднялся. — Но это всё, с чем мне приходится работать, не так ли?

Старый Ходж ничего не сказал, когда увидел незнакомца, перелезающего через калитку и спускающегося к берегу канала.

Высокий, худой парень, одетый как иностранец, и мысли, верно, нехорошие. И все же Старый Ходж держал себя в руках и никогда ничего не говорил чужакам. Он не хотел иметь проблем, но хороший складной нож на всякий случай всегда лежал в его кармане. Он держал там руку, когда незнакомец заговорил:

— Хэлло. Вы Старый Ходж?

— Может быть. Кому он понадобился?

— Меня зовут Теккерей Фин. В пабе «Барочник» мне сказали, что я могу найти вас здесь.

— Найти меня? Я не терялся, парень. — Старый Ходж поднял свой багор и двинулся вниз по тропе. Все правильно, внизу что-то было. В зеленой мутной воде блеснул металл. На мгновение он забыл о незнакомце. Штуковина не затонула, не плавала, но была тяжелой.

34. *The Criminologist* («Криминолог») — журнал о преступности, ежеквартально издававшийся в Соединенном Королевстве в период с 1967 по 1998 год.

Видимо, зацепилась за что-то. Он отбуксировал находку и ударил по ней кулаком, затем вместе с незнакомцем, замочившем своей чудной рукав, они вытащили ее на поверхность.

— Чертова швейная машинка! — Древний педальный Зингер, в добротном состоянии. Когда он очистил ее от грязи и высушил, Старый Ходж понял, что может выручить за нее пару фунтов, без проблем.

— Сколько ты хочешь, парень, — спросил он незнакомца. — Половина тебя устроит?

— Что? О, нет-нет, мне ничего не надо. Она ваша, Старый Ходж. Все, что я хочу, это немного информации.

— Ты случаем не Старый Билл³⁵?

— Понимаете, нет. Но я хочу знать кое-что о позапрошлой ночи. В пабе мне сказали, что вы иногда ночуете здесь, так что я подумал...

Старый Ходж рассмеялся, показав два или три коричневых зуба.

— Что, миссис изволит погуливать, а? Хи-хи, не так уж и много этого добра сейчас на бечёвнике³⁶ встретишь. Нынче-то все больше на машинах, но в былые времена...

— Мое дело совсем другого рода. Я хочу спросить, не приходилось ли вам видеть кого-нибудь, прогуливающегося здесь. Поздно. Одного.

— Мужчину, поди? Совершенного одного, говоришь? По три-четыре человека за ночь бывает, я никогда не обращаю внимания. Держу себя в руках, понимаешь?

Незнакомец вроде как расстроился.

— Вы бы узнали кого-нибудь из них, если бы снова увидели?

— Не, береженого бог бережет. Я работаю на канале сорок лет, вытаскивая разный мусор, который туда сваливают. Видел кучу всякого, но я никогда ни с кем не связываюсь. Я знаю больше, чем говорю, больше, чем говорю.

— Например?

— Например, эта швейная машинка. Я знаю, кто выбросил ее. Сын миссис Хоррокс. Я видел, как он вытащил ее на задний двор, и старый котел тоже. Для него все это просто барахло.

— Котел?

— Ну, знаешь, такой — для кипячения белья. Из толстой меди. Я думаю, он выбросит его через день-два, и это принесет мне денежку, а?

Иностранец, казалось, думал о чем-то своем. Наконец он спросил:

— Вы видели что-нибудь необычное, вчера или сегодня?

— Необычное как что?

— В том-то и дело, я не знаю. Но что-то такое, что не каждый день видишь. И не знаешь, откуда это взялось.

— Не, не. Я знаю тут каждый дюйм и что здесь выбрасывают. Моя жизнь, верно?

Незнакомец вручил ему карточку.

— Если вы что-нибудь найдете, дайте мне знать. Я заплачу фунт сверх любой суммы, которую вам пообещают. Что-нибудь по-настоящему необычное! И я предполагаю, что вы найдете эту вещь где-то между калиткой и серединой Теннисон-авеню. Если она там.

35. Здесь — полицейский.

36. Сухопутная дорога вдоль берега (отмели) реки или канала, предназначенная для буксирования людьми или лошадьми несамоходных барж.

— Если она там, я найду ее, парень.

Фин двинулся дальше по буксирной тропе, пока не достиг заднего двора дома №44 по Теннисон-авеню. Вскрабавшись по откосу и преодолев гнилую деревянную изгородь, он очутился в заброшенном саду. Среди сорняков ржавели россыпи железа — целый клад для Старого Ходжа. Он нашел вентиляционное отверстие, выходящее из туалета, и обнаружил, что едва мог достать до него рукой. Тут надо быть ростом не меньше чем шесть футов и четыре дюйма или стоять на чем-то. Но на земле под вентиляцией не было никаких вмятин от приставной лестницы или каких-то других отпечатков; только следы Фина.

Довольно носиться с этой идеей. Фин нашел воткнутую в землю ржавую лопату и использовал ее, чтобы разбить кухонное окно. Он полностью осмотрел дом, но для полиции, очевидно, картина была ясной. Экскурсия по сырым комнатам с запятнанными обоями не дала ничего, кроме вывода о бедности и прохудившейся крыше.

Единственную загадку представляла пустая горка. Дешевая, внутри толстый слой пыли, но стеклянные дверцы сияют чистотой.

И ничего. Что он мог держать здесь?.. Подожди. Вроде я видел что-то кухне.

По грязной кухне ползали сонные мухи. Фин полез под стол и вытащил картонную коробку с битой посудой.

Края чистые, значит, разбита недавно. Посмотрим... Он присел на грязный линолеум и приступил к кропотливой работе археолога. Вот осколок с фрагментом герба и буквами СТЬ ПРАВЯТ О, которые, казалось, соответствовали следующим НИ ДОЛ.

«Пусть правят они долго»? Коронационная чашка, будь я проклят. А вот еще.

После часа работы над головоломкой он собрал коллекцию из тридцати с лишним коронационных чашек и кружек — ту, что стояла у майора в горке.

Кто-то намеренно разбил ее, это точно. Он встал, пробился сквозь рой мух и вылез через заднее окно. И это не дети. Они бы просто разбили стекло. Кто-то поштучно вынимал предмет за предметом и разбивал. Теперь, если повезет, я отыщу кота.

Могилка находилась именно там, где он надеялся ее найти, — у забора на заднем дворе. Помечал ее кусок рубашечного картона с продетым красным кожаным ошейником. БИСКВИТ — прочел он на медной бирке.

Фин с осторожностью сгребал рыхлую землю, пока не добрался до шерсти сиамского кота бисквитного окраса. С помощью лопаты он слегка приподнял труп, чтобы осмотреть его.

Именно тогда он обнаружил, что голова была отделена от тела.

Было пять тридцать вечера, и «Лаборатории Линнеаса» готовились к закрытию, когда в двери влетел бешеный американец с пластиковым пакетом в руках.

— Есть срочная работа, — объявил он. — Я заплачу, сколько скажете, лишь бы к завтрашнему дню у меня был отчет. Хорошо?

— Хорошо, я посмотрю... Что у вас? — Человек за стойкой подозрительно уставился на пакет.

— Аутопсия кота. Меня интересуют токсикологические тесты, все как обычно.

— Кота, вы говорите? Хорошо, я...

— У нас есть основания полагать, что животное было убито с особой жестокостью. Расчленено живым. Если вы не найдете яд, мы начнем судебное разбирательство...

— Мы?

— Я представляю «Лигу защиты наших друзей-млекопитающих», — сказал американец с блеском в глазах. — И *потребуем* от вас сотрудничества.

— Потребуете? Но наверняка, сэр...

— В противном случае... — Безумный блеск сфокусировался на человеке за стойкой. — в противном случае у нас может возникнуть уверенность, что вы проводите в своей лаборатории *эксперименты на животных*. Вивисекцию.

Человек за стойкой выдал ему расписку в получении пакета. А еще говорят, что *британцы* без ума от домашних животных, подумал он.

Жаль, идея Старому Ходжу пришла, когда незнакомец уже ушел. Ясное дело, если швейная машинка не утонула, значит, под ней что-то есть. Разумеется, он проверит.

Необычное, говоришь?! Ха! Ну, тогда припасай кошелек.

В пять тридцать вечера он пошел в «Барочник» и попытался дозвониться по номеру, указанному на карточке. Ответа не последовало.

— Кому ты звонишь, Старый Ходж? — спросил хозяин паба. — Новой подружке?

Старый Ходж бросил трубку.

— Просто налей мне пинту некрепкого, приятель. И держи себя...

Глава шестая

На следующее утро Фину удалось поймать Джервейса Хайда, отиравшегося в ИПИ. Институт Прогрессивного Искусства занимал большой, удобный викторианский особняк рядом с музеем мадам Тюссо. Внешне здание напоминало очередную больницу или казенное учреждение, только двери его были открыты и никем не охранялись. Вместо швейцара посетителя встречало объявление о действующих экспозициях:

Структурированная среда обитания

Концептуальное единство

Антитехнократизм в болгарском дизайне

Альтернативизм Альбиона

Фин зашел внутрь. Эффект государственного учреждения стал еще сильнее: секретарши гремели в коридорах, таская горы трафаретной печати, телефонные звонки и стук пишущих машинок доносились из дальних кабинетов, небольшая группа растерянных посетителей скопилась в центре вестибюля, изучая рекламу различных выставок. Фин проследовал по стрелке в направлении к «Структурированной среде обитания» и вошел в узкий тоннель, обмотанный серебряным поливинилхлоридом.

Он очутился в буфете, забитом под завязку. Люди потягивали кофе, не замечая, что сидели в окружении гигантских фотографий покойных кинозвезд. Новая стрелка увлекла его за собой в другой коридор, который вскоре превратился в разветвленный лабиринт. Вдоль одного из проходов стены были одеты в трафаретные футболки, длинную и инвариантную коллекцию из Скандинавии. Он повернул за угол и оказался в галерее болгарского дизайна, представленного, в основном, моделями сумок. Только сейчас он понял, что попал вовсе не в Структурированную Среду Обитания, которую искал, а в Концептуальное Единство, и прямо перед ним возникла дверь, декорированная мимеографическим³⁷ воззванием и кучкой перьев. Он прочитал:

37. Мимеография — трафаретная печать, получаемая с помощью специального копировального аппарата — мимеографа.

Моя деятельность как художника, занимающегося движением посредством взаимодействия статической структуры и динамики, была связана с неизбежным развитием через разнообразные мультиаспектные структуры/модели и исследованием в рамках изменяющейся биоэнергетической формы выражения. В настоящее время моя задача — объединить в творческом, неэксплуататорском драматическом контексте партнерские усилия людей, работающих в различных областях совместного творчества. Мы индивидуумы, но говорим в один голос, в радикально новом и расширяющемся КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ.

Джервейс Хайд.

Когда Фин открыл дверь, послышался звук фагота. Он заглянул внутрь.

Комната, такая же просторная и глубокая, как телевизионная студия, была почти полностью погружена в темноту. Сперва Фин различал только освещенного фаготиста, сидящего в больничной коляске посреди возвышающейся сцены. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел другие фигуры.

Человек с гигантской бесформенной головой, держа косу, смутно вырисовывался в углу сцены. Двое стояли рядом на подмостках. Еще один извивался в черном мешке у ног играющего фаготиста.

Затем свет включился. Бесформенная голова оказалась сделанной из папье-маше с клоунским лицом. Девушка на подмостках притворялась брошенной за решетку, а юноша в обезьяньей маске делал вид, что угрожает ей. Наверху еще одна девица сидела в подвешенном полумесяце и очень энергично, хотя, скорее всего, этого не было прописано в сценарии, ковырялась в носу.

Внезапно свет упал на Фина. Обезьянья Маска повернулась к нему.

— Просто позвольте этому состояться! Вы тоже часть сего!

— Ну, на самом деле я ищу Джервейса Хайда. Он здесь?

Девушка на подмостках начала стенать, импровизируя: «Хайд. Зри. Укрытие. Смотри. Зри место, где бы спрятаться, лицо, чтобы укрыться, удариться, Джервейс, в бега».

— Давайте присоединяйтесь, — произнесла Обезьянья Маска.

Выбора у Фина не было. Он встал на руки, ногами вверх, сделал несколько шагов и сказал:

— Он вправду нужен мне. Похоже, старого его приятеля убили. Я — частный детектив.

— Великолепно! — воскликнула Обезьянья Маска. — Продолжайте в том же духе.

Почувствовав, что руки слабеют, Фин лег и доиграл представление, притворившись спящим. Остальные с энтузиазмом поблагодарили его за вклад, особенно в той части, где он «спал». Когда стали собираться в буфет, Хайд вылез из своего черного мешка и представился.

— Теккерей Фин? Разве мы знакомы?

— Вряд ли. Э-э... Могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно. Бар сейчас должен работать. Пойдемте.

В баре, при более ярком свете, Джервейс Хайд оказался полным мужчиной шестидесяти лет с косматыми седыми локонами и вислыми усами. На первый взгляд, он ничем не отличался от других в ИПИ, только был старше. Однако волосы у него были не такими лохматыми, выражение лица не такое надменное, а джинсовый костюм имел признаки хорошего пошива. Не спросив Фина, он заказал два стакана перно³⁸.

38. Анисовая водка.

— Ну, что за тайна?

— Мисс Доротея Фараон не говорила вам обо мне?

— А! Я знал, что где-то слышал имя. Значит, речь пойдет о Разгадчиках, я так понимаю. Бедный Стоукс.

— Да. Есть несколько моментов, связанных с его смертью, которые я хотел бы прояснить.

Хайд поднял бровь.

— Звучит зловеще, словно меня допрашивает инспектор — как бишь его — из Скотланд-Ярда. Почему бы вам просто не рассказать мне о своих теориях, а я посмотрю, что можно сделать.

— У меня нет теории. И пока нет никаких доказательств. Но, может быть, у вас есть какие-нибудь соображения?

— Мило, что вы спрашиваете, но нет. С одной стороны, Стоукс был очень неприятным человеком, который, несомненно, нажил немало врагов на этой почве. С другой стороны, с чего бы кому-то беспокоиться? Он был совершенно ничтожным человеком.

Фин посмотрел на перно и толкнул стакан через стол.

— Вот, держите. Ничтожным? Пожалуй, я соглашусь. Ни семьи, ни денег. Настоящих врагов, которых я мог бы найти, и тех нет. Если бы не идея воссоединения, думаю, про него бы вообще не вспомнили. Кажется, долгое время никто из Разгадчиков не видел его?

— Кроме меня. Это я дал Доротее его адрес. Разве она не говорила вам?

— Нет. А вы как узнали?

Хайд отхлебнул из второго стакана и откинулся на спинку стула.

— Я столкнулся с майором месяц назад, на Оксфорд-стрит. Он наблюдал за автобусами и, клянусь, записывал их номера. По-моему, он совсем не удивился, увидев меня после стольких лет. Начал сразу рассказывать о своей «работе», словно возвращаясь к некогда прерванному разговору.

— Я был очарован, конечно, поэтому охотно угостил его. Немного безумия полезно для художника. Я купил ему чашку чая и выкачал из него все. Можно сказать, в значительной степени я услышал историю о международном заговоре, главной целью которого было вторжение в Британию, не меньше. Он разработал детальный план. Расположение молочных бутылок на пороге — один вид кода, номера автобусов — другой. Он спросил меня: «Как вы думаете, почему четыре автобуса №88 едут друг за другом?» Я не знал, что ответить, и он объяснил, что это часть кода.

На это ушло некоторое время, затем он перешел к Семерке Разгадчиков. Мне, во всяком случае, стало любопытно. Он сказал, что взял на себя труд проследить за нами. По его мнению, по меньшей мере один из нас был главным винтиком в международной конспирологической машине. Из того, что ему удалось узнать, он мог вполне уверенно заявить по каждому, кто и чем конкретно занимался. И добавил, что один человек ведет себя очень подозрительно. Фрэнк Дэнби.

— С мистером Дэнби я еще не встречался.

— И вряд ли встретитесь, если история Стоукса хоть как-то похожа на правду. Но это долгая история, а мне нужно выпить еще. Вы уверены, что не хотите присоединиться? Фруктовый сок?

В итоге Фин получил стакан теплого ревеневого сока и сделал вид, что пьет его, пока слушает.

— Дэнби в прошлом был полицейским, — рассказывал Хайд, — но где-то по ходу дела он ушел из полиции. Стоукс не мог выяснить причину, поэтому, конечно, сделал свои выводы или, скорее, спешно додумал их. Затем Дэнби устроился в маленькую охранную

фирму, которая с годами выросла в крупную охранную фирму. Я уверен, что он перестал приносить деньги и занялся какой-то незначительной административной работой. Затем пару лет назад или, может быть, раньше, в общем, еще до того, как я встретился со Стоуксом, он вышел на пенсию. Он поселился в деревне на южном побережье и стал затворником. Стоуксу удалось загнать его в нору.

— Вы можете подумать, обычное дело, но, конечно, мы должны взглянуть на ситуацию глазами Стоукса. Он убедил себя, что Дэнби находился там с какой-то целью, возможно, с заданием посылать сигналы вражеским подводным лодкам, лежащим на шельфе, или с чем-то другим, не менее зловещим. Поэтому он нанес ему визит. Никто из местных, казалось, ничего не знал о нем, но Стоуксу в конце концов удалось разыскать его коттедж. Дэнби приказал ему убираться. Грозился натравить на него собаку.

— Да, но что Стоукс наговорил ему? — спросил Фин. — Предъявил свои дикие обвинения?

— Сказал, нет. Как только Дэнби услышал, кто его беспокоит, он тут же превратился в жестокого ублюдка. Такое бывало с ним, когда он напивался. Но в этот раз, по словам майора, Дэнби был особенно невыносимым. Он сказал, что если еще раз поймают Стоукса возле своего дома, *он убьет его*.

Рука Фина задергалась, проливая ревеневый сок.

— Я подумал, что вам это будет интересно, мистер Фин. Подобная угроза. Меня это тоже заинтересовало. В ответ я спросил Стоукса, что он думает. Конечно, это только подхлестнуло его, и он снова скатился на разговор о гипотетической интервенции. Я продержался, сколько мог, и, наконец, мы распрощались. Но я обменялся адресами со Стоуксом и позаботился о том, чтобы получить адрес Дэнби.

— Вы были настолько заинтересованы?

— О, да. Видите ли, раньше я развлекался в Разгадчиках тем, что фантазировал, как каждый из нас будет совершать убийство. Мне было интересно, какой странный психологический выверт мог вывести кого-то из себя. И как он будет это делать? Некоторые члены, такие, как старый сэр Тони Фитч, никогда не добились бы желаемого. Ни при каких обстоятельствах я не мог представить, чтобы старик кого-нибудь убил.

Но Фрэнк Дэнби совершенная противоположность. Он очень выгодно смотрится в роли убийцы с молотком, который, скажем, испытал прилив внезапной ярости по причине самого тривиального инцидента. Его проживание у моря заставило меня задуматься об этом снова. Как легко, ударив кого-то по голове, вывезти тело в море и сбросить его за борт. И дальше, если вы тот человек, каким я считаю Дэнби, вы можете получать особое наслаждение сидя в своем доме и глядя на море, зная, что оно хранит ваш секрет.

— Вы ездили к нему?

— Нет. — Хайд засмеялся. — На самом деле для серьезного расследования у меня не хватило смелости. Я думал об этом, но чем больше я думал, тем большей глупостью все это выглядело. Одно дело, если человек просто ушел на пенсию и решил жить уединенно, я мог оказаться в дураках, другое, если он маньяк-убийца, я бы не хотел с ним встретиться. Поэтому пришлось отложить все на неопределенный срок.

— Вы когда-нибудь навещали Стоукса?

— Нет, я не настолько очарован паранойей. Одной дозы было достаточно.

Фин достал блокнот и перелистал страницы.

— Мне не кажется, что все зашло так далеко, — сказал он. — Есть ли у вас какое-нибудь домашнее животное?

— Нет. Почему вы спрашиваете? Разве я похож на того, кто держит домашних животных?

— Вы только что упомянули собаку Дэнби. У Леонарда Латимера и Доротеи Фараон есть коты, и у майора Стоукса был кот, но его...

— Вы пытаетесь связать это как-то с Разгадчиками?

Фин перевернул страницу.

— Возможно. Бродяги, грабители не забирались к вам в последнее время? Я вижу, что...

— Очень странно. — Хайд поставил стакан и положил локти на стол. — Знаете, возможно, прошлой ночью у меня побывал вор!

— Возможно?

— Все, что я знаю — это то, что сегодня утром, когда я проснулся, моя входная дверь была распахнута настежь. Накануне вечером у меня были гости, и первым делом я подумал, что кто-то из них оставил ее открытой. Потом я вспомнил, что видел, как они уходили, и когда я ложился спать, дверь была закрыта.

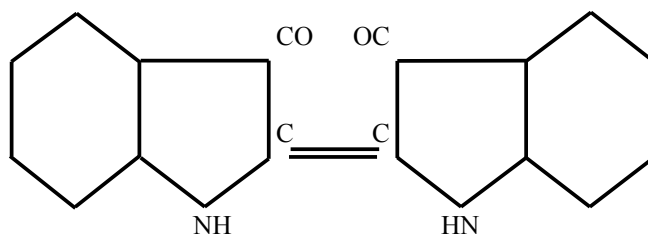
— Какого типа у вас замок?

— О, плана защелки. Любой может открыть его с помощью кредитной карточки, я сам это делал, когда забывал ключ. Во всяком случае, следующая моя мысль заключалась в том, чтобы выяснить, что было взято. Поэтому я все тщательно осмотрел. Единственная ценность — несколько картин — увы, чужие — и небольшой Джакометти, которого я удачно приобрел в... Но вам, конечно, это неинтересно. Излишне говорить, что я все еще в здравом уме только потому, что ничего не тронули. Грабитель ничего не взял! Возможно, его отпугнул мой хороший вкус?

— Ничего не двигали, не ломали?

— Нет, но грабитель оставил мне записку. Вот. — Хайд расстегнул карман и вытащил карточку. — Для меня это полная бессмыслица, хотя выглядит как химическая формула. Взгляните.

Фин взял карточку за края и осмотрел ее. Одна сторона была пустой, другая содержала рисунок:

— Выполнено обыкновенной шариковой ручкой, — заключил Фин. — И, боюсь, что это обычная регистрационная карточка 3x5. Полагаю, это также означает, что отпечатков пальцев нет. — Он вздохнул.

— Отпечатки пальцев? Господи, я не подумал. Я показывал это десяткам людей здесь, в ИПИ сегодня утром. — Хайд взял карточку и сунул обратно в карман. — Но что это значит? Вот в чем вопрос.

Фин не мог не воспользоваться благоприятным моментом. Сделав серьезное лицо, он сказал:

— Ах, значит ли это что-нибудь? Или, как говорят эстеты, это значит, что не все так просто.

— Очень странно. Но разве это не химическая формула?

— Думаю, да. Но если это действительно так, она вам о чем-то говорит?

Хайд на мгновение задумался.

— Теперь, с вашего позволения, детективом побуду я. Вы спросили, есть ли у меня домашние животные, потому что у других Разгадчиков они есть. Потом вы спросили, посещали ли меня незваные гости. Следовательно у других Разгадчиков они тоже побывали — правильно?

— Правильно.

— Тогда как вам Леонард Латимер? Он какой-то химик в мыловаренной компании. Мог он оставить такое?

Фин кивнул:

— И все же что это? Предупреждение? Напоминание?

— Не имею никакого представления. — Ироничная улыбка Хайда на мгновение исчезла, и он выглядел обеспокоенным. — Вы же не думаете, что Латимер убил старого Стоукса?

Фин закончил с записями.

— Не знаю, что и думать, — ответил он. — Но у меня складывается ощущение, что некоторые из Разгадчиков, если не все, что-то скрывают от меня. Один из вас точно знает что-то важное. Иначе... — Он надолго замолчал, уставившись в закрытый блокнот. Затем поднял глаза. — Иначе это будет розыгрышем.

— Что?

— Розыгрышем, и при том самого дурного свойства. Использовать случай со смертью майора Стоукса, чтобы озадачить клуб небольшой головоломкой.

Хайд рассмеялся.

— Ну, не смотрите так на меня! Я никогда в жизни не участвовал в так называемых розыгрышах. И никто другой, кроме покойного сэра Тони.

Внезапно он перестал смеяться, и глаза его расширились.

— Скажем, есть тайна и довольно с вас! Было что-то подозрительное вокруг смерти сэра Тони.

— Что именно?

— Что-то с идентификацией тела. Он попал под бомбежку или что-то в этом роде, поэтому, я полагаю, возникли трудности с идентификацией жертв. Я могу ошибаться сейчас, но в газетах тогда писали, что опознали не то тело. В конце концов, он не был мертв. Да, я уверен, что так оно и есть. Он вовсе не умер.

— Это открывает несколько возможностей, — сказал Фин. — Что, если он все еще жив, и жаждет мести?

— Это мне нравится. Это хорошо, только не мог он никому мстить, о ком я думаю, разве что Портману за женитьбу на его дочери. И кроме того, сэру Тони сейчас было бы под девяносто! Поздновато шалить.

Фин подумал о Старом Ходже, которому его возраст, а там были все девяносто, почему-то не мешал таскать тяжести из воды. Но вслух сказал:

— Да, вы правы. Абсурдная мысль. Зайдем с другой стороны, предположим, сэр Тони был первой жертвой, а Стоукс второй? В конце концов, эти маленькие «метки», которые, кажется, получили все, должны иметь какой-то смысл.

— Это мне тоже нравится. — Хайд отер усы. — Кто-то хочет уничтожить нас всех, как Десять Негритят. Вы не поклонник Агаты Кристи?

— Агаты Кристи? — спросил Фин. — Кто это?

— Цветы, мисс Фараон? — Фин приставил трубку к другому уху. — Когда это

случилось?

— Вчера ночью. И был выбран определенный вид. Очень странно.

«Наверное, дети». Такую, кажется, характеристику, подумал Фин, дали они мелким неприятностям Стоукса.

— Мартин сказал, похоже на детские проделки. Но мы нашли большой четкий след *взрослой* ноги на мягкой земле. Ни Мартин, ни Шейла, ни я не могли оставить такой — так чей же он?

— Ну, попробуйте...

— Мы уже занимаемся. Мартин сейчас замешивает гипс. Никто не может похитить цветы из моего сада и уйти с ними безнаказанно.

— Знаете, возможно, это еще одно звено в цепи инцидентов. — Фин вкратце изложил ей, какие происшествия случились у других Разгадчиков: Портман пострадал от вандала, у Латимера и Хайда побывали грабители.

— У майора Стоукса тоже был свой грабитель?

— Этот был настоящий, все как полагается. Умышленно разбил его коллекцию коронационных чашек — доставал по одной из шкафа и бил. Что касается его домашнего кота...

— Об этом в другой раз, мистер Фин, я должна идти. Раствор не ждет, даже если *вор стар*, я имею в виду анаграмму.

Фин повесил трубку и помчался в «Лаборатории Линнеаса». Как только он ушел, зазвонил телефон.

Глава седьмая

Старший инспектор Гейлорд не отрывал взгляда от своего стола.

— Стул, Фин. Продолжаете тратить время полиции, не так ли? — Он открыл папку и начал читать, делая пометки. Фин сидел и молчал до тех пор, пока он не закончил.

— Я не думаю, что трачу время полиции, уже нет. Видите ли, Разгадчиков поразила... чума тайн.

Гейлорд посмотрел на него. Американец вырядился в костюм палевого цвета, надел желтые детские перчатки и гольфы поверх туфель из лакированной кожи. Туфли, как и галстук широкого кроя, хомбург³⁹ и трость, были фиолетовыми с оттенком коричневого.

— Фин, скажите мне только одну вещь. У кого, черт возьми, вы одеваетесь?

— Понравился костюм?

— Нет, я хочу арестовать ублюдка за мошенничество. Господи, вы выглядите как шафер на свадьбе сутенера.

Фин пожал плечами.

— Всякий раз, когда я собираюсь вам что-то сказать, вы лезете со своим грубым полицейским стёбом. Как говорят у нас в борделе — у меня есть информация.

— Подождите, мы сможем сэкономить массу времени, если я кое-что скажу первым. — Гейлорд закрыл папку и открыл другую. — У меня есть отчет о результатах вскрытия Эдгара Стоукса. Смерть наступила по естественным причинам: сердечный приступ. Смерть,

39. Мужская шляпа из жесткого фетра с продольным заломом на верхушке, загнутыми вверх полями и лентой по тулье.

вероятно, имела место между десятью часами вечера и двумя часами ночи. Я должен спросить вас, видели ли вы кого-нибудь входящим в дом в это время.

— Нет.

— В любом случае это несущественно. Что мы имеем? В общих чертах картина представляется следующей: старик пошел в туалет, у него прихватило сердце, он не смог подняться за лекарством и умер.

— Хорошо. Что с ногтями?

— Вся кровь под ними его собственная. Видимо, умирая, он царапал стены, сломал ногти, пошла кровь.

— А краска?

Гейлорд прочистил горло.

— Хм, под ногтями краски нет.

— Нет совсем?

— Нет. Фин, я не вижу необходимости придавать этому какое-то особенное значение, учитывая все остальное. Вы хотите на этом построить дело?

Сыщик стянул одну из своих перчаток и зажег сигарету.

— Инспектор, не правда ли, немного смахивает на собаку Холмса, которая не лаяла? Я имею в виду, крошечное помещение было полностью усыпано сухой, облупившейся краской. Похоже, старик в предсмертной агонии сбивал ее со стен, но как объяснить, что под ногтями не оказалось ни одной мало-мальской частицы? Как мне кажется, естественно спросить: кого или чего он царапал?

— Видимо, сам унитаз. — Гейлорд порылся в папке. — Нет, на унитазе крови не обнаружено. Но, послушайте, Фин, такое не редкость. У меня сотни необычных случаев, когда что-то не совсем понятно. Большинство из них ничем не заканчивается.

— Мне все еще не дает покоя письмо.

— Тогда вашему беспокойству пришел конец. — Гейлорд выудил из нижнего ящика своего стола конверт из плотной манильской бумаги. — Мальчики из министерства обороны переправили его нам с язвительными комментариями. Оставьте расписку, и он ваш. Только пообещайте, что не вернете его назад, хорошо?

— Спасибо. Но, безусловно, вы захотите вернуть его назад. В качестве доказательства в суде по делу об убийстве.

— Я очень сомневаюсь в этом, Фин. Seriously — очень сомневаюсь. Вы что-то еще хотели сообщить мне, кроме этой ничего незначащей информации?

— Я нашел обезглавленного кота в его саду.

— *Еще одно убийство?* Есть какие-нибудь улики? Признаки борьбы? Или, может быть, у жертвы вышла ссора с другим котом на публике? — Сарказм Гейлорда оправдывал его фамилию, поскольку он в буквальном смысле начал показывать зубы⁴⁰. — Или котяра собирался изменить завещание, исключив из него конкретное потомство?

Фин подождал, когда он закончит.

— Я проверил кота на наличие яда. Его там не было.

— А кто сказал, что он там был? Фин, порой мне кажется, что вы...

— Мисс Фараон сказала, что был. Кажется, майор сам сообщил ей об этом.

40. Гейлорд (*англ.* Gaylord) происходит от фр. *gaillard* — ерник, зубоскал.

— Значит, она ослышалась. Спросите ее, не меня. Мне иногда приходится здесь работать.

— Я также взял на себя труд осмотреть разбитую посуду в коробке на кухне майора. До недавнего времени это была коллекция коронационных чашек.

— Значит, он убил своего кота и разбил чашки. Или еще кто-то.

— Кто-то, но не майор. Инспектор, никто не убивает своего питомца, а потом хоронит его, отмечая могилу. Никто не разбивает свою коллекцию, затем собирает осколки и хранит их. Во всех отношениях поведение майора полностью соответствовало его словам, когда он говорил, что его жестоко преследуют.

— Возвращаемся к мистеру Грину?

— И к Семерке Разгадчиков, боюсь, тоже. Вот послушайте. — Фин открыл свой блокнот и прочитал вслух:

«Вечер вторника, Стоукс умирает после того, как поделился информацией, что его преследует некто по фамилии *Грин*. Вечер среды, кто-то запускает *апельсином* в окно адвокатского офиса Портмана, одного из Разгадчиков. В ту же ночь неизвестный наследил в доме Латимера: вырвал лист из *Желтых Страниц* и приколот его ножом к двери...»

— Выглядит так, будто поупражнялся шутник.

— Я так и подумал. Но идем дальше. Вчера ночью грабитель забирается в дом Хайда, художника, и оставляет визитную карточку, то есть регистрационную карточку с написанной на ней химической формулой. Сегодня днем я сходил в библиотеку и узнал. Этой простой формулой во всех учебниках по органической химии обозначается *индиго*⁴¹.

— Господи! — Гейлорд разыграл притворное удивление. — Фин, я верю, что вы на... нет, ничего. Еще что-нибудь есть?

— Да. Инспектор, не могли бы вы сейчас позвонить мисс Доротее Фараон и спросить о небольшой краже, которая произошла у нее вчера ночью?

— Действительно ли это так необходимо? А вам самому не проще рассказать мне без всякой драматичности?

— Я бы с удовольствием, но, клянусь, не знаю, что рассказывать. У меня есть предположение, и я хочу, чтобы вы проверили его.

Гейлорд набрал номер, задал вопрос и, услышав ответ, протяжно вздохнул.

— Вы были правы. — Он положил трубку. — Цветочный вор взял только *фиалки*. Так, вы упомянули кладбище? Давайте добьем.

— Я навел справки и выяснил, что сэр Энтони Фитч, еще один член клуба, похоронен на кладбище Кенсал Грин⁴².

— И тут я должен был воскликнуть: «Ага! Кенсал *Грин!*»

— Подождите. Я отправился туда, и, должно быть, нечаянно разминул с нашим вездесущим вором. Или лучше сказать — вандалом? Он только что осквернил надгробную плиту сэра Энтони Фитча. Намалевал большой вопросительный знак на нем, акриловой краской. Церулеум *голубой*⁴³.

— Вы, смотрю, хорошо разбираетесь в цветах и типах красок.

41. Порошок темно-синего цвета, промышленный краситель.

42. Кенсал Грин (англ. Kensal Green Cemetery) — лондонское кладбище. Официальное название — *Кладбище Всех Душ*; входит в состав так называемой Магической семёрки.

43. Небесно-голубой цвет.

— О, он оставил тюбик. Я просто прочитал, что на нем было написано. Видите? — Фин достал из кармана пластиковый пакет и поднял его, чтобы показать раздавленный тюбик с краской. Затем он вытряхнул его на стол.

— Не думаю, что там найдутся отпечатки, но что есть. И как я уже сказал, я, должно быть, нечаянно разминулся с человеком, который это сделал. Мне сказали, что акрил высыхает в течение нескольких минут. — Фин снял оставшуюся перчатку и продемонстрировал палец, испачканный голубой краской.

Гейлорд наклонил свой орлиный нос к тюбику с краской, как будто приготовился напасть на него и склевать.

— Знаете, я тоже немного пишу по воскресеньям. Это не популярный бренд. Думаю, мы сможем отследить его.

— У меня такое чувство, что следы приведут вас в дом Джервейса Хайда, — сказал Фин. — Это соответствовало бы шаблону. Как химическая формула, наводящая подозрения на Леонарда Латимера, химика-исследователя. А в доме Латимера из Желтых Страниц вырвали именно ту, где были указаны адвокаты. Я не удивлюсь, если сэр Энтони Фитч импортировал апельсины или обожал фиалки, или, Бог знает, носил зеленое, как ирландский патриот.

Полицейский взглянул на свои наручные часы.

— Что-нибудь еще? Я готов помочь вам с вашей маленькой шарадой, но у меня нет времени сидеть и слушать. Пока из вашего рассказа я вынес лишь то, что какой-то шутник забавляется, выкладывая грубые ключи.

Проникновения? Ограбления? Краски? К чему все это сводится? $0+0+0=0$. С тем же успехом вы можете смешать все цвета на палитре, чтобы получить большое серое пятно, — одно большое серое ничего. Я знаю только, что Стоукс мертв, мы полагаем, что он умер своей смертью, и на этом все. А сейчас, Фин, я хочу, чтобы вы убрались отсюда. В качестве одолжения прошу не возвращаться. И не забудьте свое архиважное письмо, хорошо?

Увидев многостраничное письмо, Фин снял телефонную трубку и устроился поудобнее в кресле, дабы прочитать его в безмятежности. Письмо адресовалось «Директору МИ6» с пометкой «Срочно и совершенно секретно»:

Дорогой сэр,

Почти сорок лет назад, когда я впервые начал изучать коммунистический заговор, я понятия не имел о его размерах и масштабах распространения его коварных щупалец. Я начал с того, что составил несколько разрозненных заметок о возможностях русских. Заметки были бессистемными, поддерживались на повседневной основе, и вскоре я уничтожил их как бесполезные.

Время показало, что шпионаж и подрывная деятельность были весьма успешными. Внутри берегов нашего благословенного острова Россия по сути вела тайную войну и одержала в ней победу.

Очевидно, что к концу Второй мировой войны Британия оставалась империей была мировой державой. Но мы отдали эту власть обеими руками. Приспешники Сталина получили большую часть Европы. Индия покинула империю, за ней последовало множество более мелких колоний. Шпионы продавали наши атомные секреты, в то время как армия «стихийных» демонстрантов выступала против создания Великобританией собственной атомной бомбы! Процесс закономерно завершился двумя катастрофами: Россия запустила свой первый космический спутник, а британцы пристрастились к водке.

Я понимаю, что в наши дни водочных и комплексных туров в Ленинград стало немодным воспринимать Россию как угрозу. Это тоже является частью плана. Тем не менее я располагаю убедительным доказательством неминуемого вторжения, которое

произойдет в ближайшие пять лет!

Именно в это время живые роботы из Франции (большинство из них коммунисты) закончат рыть тоннель под нашим проливом.

Школа криптоанализа послужила мне бесценным подспорьем в деле раскрытия генерального плана вторжения. Зная, что одиозный напиток «водка» используется для того, чтобы притупить свободолюбивые мозги британских подданных (я заметил, что пьющий водку никогда не смотрит вам в глаза), я проанализировал само название. В слове «водка» пять букв, в которых зашифрован ключ к коварному плану Пяти Лет. Если написать «водка» и продвинуться вниз на пять букв алфавита, то можно получить новое слово.

V O D K A

w p e l b

x q f m c

y r g n d

Z S H O E

Смысл **z-shoe**⁴⁴ понятен: «Не было гвоздя — подкова пропала. Не было подковы — лошадь захромала. Лошадь захромала — командир убит...»⁴⁵ В общем, проиграли **войну** из-за того, что в кузнице не было гвоздя. Я предположил, что этот невинный стишок ни что иное как стратегический план сражения, выраженный в трех основных фазах. Фаза «гвоздь» уже пройдена, сейчас мы находимся в середине фазы «подкова».

Я знал, что в следующей фазе будут задействованы лошади. Я изучил информацию по скачкам в качестве ключа, и не без успеха. Клички многих победителей завуалированно отсылали к **России** или **Красным**. Возможно, это простое совпадение, но среди победителей я обнаружил таких лошадей, как **Нижинский** (русский танцор), **Русский Герой** и **Красный Аллигатор**. А, может, я нащупал невидимую руку НКВД? Считаю, что ваш офис должен с этим разобраться: возможно, владельцы лошадей, выбирая клички, находились под влиянием водки либо испытали воздействие гипнотических лучей из космоса.

Полное подтверждение этому пришло с победителем **Grand National** в 1973 году — лошадью по кличке **Красный Ром**. Ром=водка, лошадь=подкова, и серия завершена!

Увы, моя активность не осталась незамеченной. Каким-то образом (возможно через спутник-шпион) красные вышли на меня. В читальном зале своей местной библиотеки я мог поднять глаза и видеть, как какой-то незнакомец смотрит на меня или же намеренно отводит взгляд! В супермаркете я слышал, как незнакомцы обсуждали меня за пределами видимости в соседнем проходе. Стало невозможным укрыться от слежки на улице: если я поворачиваю за угол, чтобы избежать одного агента, как тут же на смену ему появляется другой. Когда я иду в прачечную, женщины-агенты, выдавая себя за обычных домохозяек, сидят и смотрят на мое отражение в стеклянных дверцах стиральных машин.

Теперь я знаю, что они хотят убить меня. Первым сигналом послужило воровство молока с порога моего дома — жалкая попытка заставить меня выпить яд из России вместо него. Также звонили в дверь в нечетные часы — метод, знакомый Павлову и другим русским ученым, призванный пробудить у меня тягу к водке.

Когда первые акции потерпели неудачу, в дверь позвонил человек по фамилии Грин (фамилия ненастоящая, разумеется!!). Он пытался подкупить меня, чтобы я уехал на «курорт» (с которого я, по идее, не должен был вообще вернуться!), а потом начал

44. Shoe (англ.) — подкова.

45. Пер. С. Маршака.

запугивать и угрожать. Однажды он сказал, что меня могут поместить в психиатрическую больницу. Потом обещал устроить одиноко проживающему старику, то есть мне, ситуацию «попал под колеса».

Моя несгибаемость, должно быть, поразила его. Такие типы не ожидают от человека преклонных лет сопротивления, им кажется, что он вот-вот сломается, — по природе своей это крысы, которые храбрятся только перед слабыми. Он проворчал свою последнюю угрозу и выскользнул в ночь. А утром я нашел Бисквита, своего кота, жестоко убитого, на заднем дворе.

Я похоронил Бисквита и сообщил в полицию. Они, конечно, выдали все это за проделки местной детворы. Кстати, это может быть правдой, поскольку красные не прочь опуститься до того, чтобы использовать невинных детей в своей грязной работе.

Теперь я знаю, что стою на пороге «ликвидации». Я более чем уверен в этом, так как обнаружил, что **Красный Ром** означает **убийство**, написанное в обратном порядке⁴⁶. Я смирился со смертью, но я отказываюсь умирать в молчании. Поэтому я пишу вам о плане вторжения, надеясь, что мое предупреждение придет не слишком поздно...

С этого места письмо окончательно свернуло в лунатический бред и заняло еще сорок шесть страниц убористого текста. Майор небрежно оперировал идеями об устройствах контроля мыслей и лучах смерти, рассказывал о планах отравления британских сладостей и прохождения сквозь земную кору под Великобританией с целью превращения острова в вулканический Холокост. Наиболее изощренные и далеко идущие теории выводились из самых банальных вещей: тщательное наблюдение за номерными знаками на припаркованных автомобилях выявило график Армагеддона, безобидные кроссворды сообщили ему имена «всех высокопоставленных агентов НКВД». Все это было прекраснейшим образом аргументировано, звучало логично и, конечно, служило диагнозом.

Фин прочитал письмо с разделенными чувствами. Его одновременно ужаснула откровенная душевная болезнь автора и восхитило его богатое творческое воображение. Письмо легко ставило знак равенства между марсианами и Великой пирамидой, но это было безумие одного порядка: несчастный, одинокий, по всей видимости, больной старик увеличивал свое отчаяние, выдумав против себя всемирный заговор.

В некотором смысле сюжет поражал реализмом. Мир действительно повернулся против стариков, к которым относился майор Стоукс. Битва шла не между давно несуществующим «НКВД» и МИ6, она шла между той злобной, бесформенной массой, именуемой Современным Обществом, и горсткой забытых пенсионеров. Общество, вооруженное высокомерием и безразличием, используя голод и бюрократию, несомненно, одержит победу.

Кем подвизался таинственный Грин, Фин мог только догадываться: социальный работник, сборщик ренты или, может быть, всего лишь благонамеренный, но докучный сосед. Он, возможно, предложил майору помощь, но слишком поздно — майор теперь видел в каждой протянутой руке злобный кулак, а в каждом звонке или стуке слышал поступь врага.

Фин откинулся назад и протер глаза. Он не заметил, как зашло солнце и наступил вечер. По пути на кухню за чашкой горячего крепкого кофе, он остановился, чтобы задернуть шторы.

Вечерний смог затянул Лондон, и фонари с натриевыми лампами заставили светиться улицы желто-оранжевым. Это дымка ничто по сравнению со знаменитыми «гороховыми супами»⁴⁷ прошлого, теми гнетущими, ядовитыми туманами, которые сделали Лондон историей. Но даже в ней было обещание зла. Фин представил Холмса и Ватсона, в

46. Red Rum — muR deR (Красный Ром — Убийство).

47. Гороховый суп — одно из метафорических названий лондонского тумана.

извозчицей карете спешащих по невидимым улочкам, чтобы предотвратить убийство. Он представил Пруфрока⁴⁸, спешащего сквозь желтый туман на встречу с холодной, убийственной похотью. Представил он и потрепанного секретного агента Грэма Грина⁴⁹, убегающего от своих преследователей, которые *«наверное, попробуют воспользоваться туманом»*⁵⁰.

Он задернул шторы и поднял трубку телефона.

Нет никакого заговора, говорил он себе, куда ждал соединения с мисс Фараон. Нет ничего, кроме безумного майора, дохлого кота и коробки с разбитой посудой. Дальше пустота. Гейлорд прав. 0+0+0=0.

— Алло, мисс Фараон?

— Мистер Фин! Какое совпадение, я как раз собиралась вам позвонить. Видите ли, я планирую небольшую экскурсию на побережье, и...

— Да-да, но если позволите, я опережу вас с вопросом: есть ли среди Разгадчиков, кто интересуется метеорологией?

— Простите, как вы сказали, метеорологией?

— Да. Были ли любитель-метеоролог в группе?

— Ничего такого в голову не приходит. А почему вы спрашиваете?

— Да так, без всякой причины. Просто метеорологи иногда используют воздушные шары.

Мисс Фараон после небольшой паузы бойко перешла на свою экскурсию. По ее тону он понял, что морской воздух ему никак не повредит.

Глава восьмая

Машины выстроились в ряд на обочине перед огромным домом мисс Фараон. Сама хозяйка, с такой же огромной садовой шляпой цвета фуксии в руке, перепаркивала от одной машины к другой и, наклоняясь, разговаривала с людьми в машинах.

— Отдаю ей должное, — заметила Бренда. — Выглядит она ярко. Но это платье с пламенеющими красными маками! Где она его откопала?

Мартин слегка поддел ее локтем.

— И не говори. Она ужасно гордится им, — сказал он.

Мисс Фараон интересовало всё: понятен ли им маршрут? Все ли здесь? Согласны ли они ехать за Марином, у которого есть карта? Не забыла ли Шейла корзину? Кого не хватает? Мистера Фина?

Сидя в одиночестве в своем серебристо-сером Роллсе в начале колонны, Дерек Портман то и дело хватался за руль, поглядывая на часы. Десять минут десятого. Четверть.

Во второй машине, сверкающем желтом мини мисс Фараон, Мия Тавернер начала ныть.

48. Пруфрок — лирический герой стихотворения Томаса Стернза Эллиота (1888—1965) «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (1917).

49. См. роман «Тайный агент» («Доверенное лицо»).

50. Пер. А. Короткова и М. Виленского.

— Тихо, не скули, — прошептала Шейла. — Скоро поедем. — Она в некоторой степени восхищалась платьем мисс Фараон, — говорили, что мода сороковых возвращается, — и хотела, чтобы у нее было что-то еще, кроме толстовки и рваных джинсов.

Третьим в ряду стоял практичный ветеран «ровер» Леонарда Латимера, в котором он и Джервейс Хайд за пять минут светской беседы успели понять, что говорить им не о чем. Дорога обещала быть долгой.

— Жара, — сказал Латимер. Его пальцы сыграли в «Видишь — церковь. Шпиль над ней...»⁵¹ на рулевом колесе. — Но, кажется, будет дождь.

Мисс Фараон сунула голову в последнюю машину, где Мартин и Бренда хихикали над какой-то интимной остротой.

— Ну что, все готовы?

Мартин пихнул Бренду.

— А я что тебе говорил? Да, тетя Доротея, мы готовы. Корзина в багажнике, машина на ходу, и у нас все на мази. Запрыгивайте.

Она положила руку на дверную ручку, но помедлила.

— Жаль, мистер Фин так и не появился.

— Наверное, проспал. Вы могли бы с тем же успехом...

— Вот он.

Такси повернуло за угол и остановилось. Фин вышел, и Бренда чуть не подавилась от смеха.

На детективе-американце были белые брюки и туфли, пиджак с нашивкой и канотье. С полей шляпы к лацкану пиджака сбегал шнурок и исчезал под гигантской белой гвоздикой. Он заплатил таксисту и направился к ним, сопровождая каждый шаг выпадом зеленого зонтика.

— Простите за опоздание, — извинился он. — Я задержался, чтобы сделать фотокопию письма майора Стоукса. Для вас, мисс Фараон.

— Мистер Теккерей Фин, я рада познакомиться вас с моим племянником Мартином Хьюзом и его невестой...

— Будущей, — поправил Мартин. Бренда хихикнула.

— Повторяю, его невестой, Брендой Латимер.

— Мы знакомы. Здравствуйте еще раз, мисс Латимер. Собираетесь понежиться на солнышке?

— Значит, вы частный детектив? — спросил Мартин. — Полагаю, моя внешность уже рассказала вам все обо мне?

Фин взглянул на него после того, как они обменялись рукопожатиями.

— Ну, вы не масон и не астматик, как вам для начала? Расшифровываю — вы не пожимали мне руку особым образом, и вы не задыхаетесь.

— Здорово. — После чего оба рассмеялись, и Фин продолжил: — Вы учились в хорошей школе, но не государственной — Аддлингтон Граммар, полагаю? Физический труд, но не каждый день, и крайне бережное отношение к деньгам.

Бренда ахнула, и Мартин снова расхохотался.

51. Пер. Ирины Каховской-Калитиной. Считалочка «Here's the church, and here's the steeple...» — любимое стихотворение англоязычных детей, сопровождается особыми фигурами из пальцев и развивает воображение.

— Вы неподражаемы! «Физический труд, но не каждый день» — вы заметили у меня легкие мозоли, но как вы угадали со школой? Манера говорить?

— Нет, когда я посетил вашу тетю, я видел вашу фотографию в школьной форме.

— Вот оно что! И она сказала вам... я имею в виду, тетя сказала вам про деньги?

— Нет, но она упомянула, что вы удачливый подрядчик, однако ваш автомобиль не особенно впечатляет, равно как и ваша одежда. И судя по маленьким порезам на подбородке вам нравится выжимать из своей бритвы последние соки.

Мартин завыл от смеха, и мисс Фараон блеснула золотым зубом. Только Бренда выглядела смущенной.

— Залезайте, — предложила мисс Фараон. — Вы можете поехать с нами.

Фин посмотрел через вереницу машин.

— Уф, я думал, что могу поговорить с мистером Портманом.

— Чепуха. Я хочу услышать, как продвигается наше дело. Залезайте.

Наконец-то они тронулись с места. Машина Мартина медленно поехала вперед, остальные двинулись следом. Бренда опустила стекло и ее волосы затрепетали, поймав ветерок. «Может, еще покупаемся, — сказала она. — Если солнце выйдет».

Два детектива на задних сиденьях проигнорировали намек. Они углубились в письмо майора.

— Ничего другого я не ожидала, — резюмировала мисс Фараон. — Безумен, точно шляпник на чаепитии⁵².

Фин кивнул.

— Но все равно убит?

— Я так считаю. Сегодня мы можем узнать больше. — Она склонилась вперед и хлопнула Мартина по плечу. — Мой дорогой, ты уверен, что взял корзину?

— Тетя Доротея, я хорошо помню, что собственноручно вынес корзину и положил ее в багажник. А теперь забудьте про нее и расслабьтесь.

— Вот теперь, когда ты сказал это, я могу расслабиться и наслаждаться собой. Безгранично. Мне нравится быть здоровой и в здравом уме. — Она постучала по письму. — И я горжусь, что ношу одежду того же размера, что и двадцать лет назад. Как тебе мое платье, Бренда?

Бренда повернулась, чтобы посмотреть.

— Я... э-э...

Золотой зуб снова блеснул:

— Нечестно с моей стороны такое спрашивать, верно? Оно не совсем *актуально* — как сказали бы сегодня, — но мне, старухе, по барабану. Хотя твой *прикид* мне нравится.

Бренда улыбнулась в ответ на ее комплименты. Она была одета в простое желтое платье без рукавов, с лентой в тон на уложенных волосах. Фин не глядя на нее мог с уверенностью сказать, что сумочка и туфли будут одного цвета, в сумочке будут лежать большие солнцезащитные очки, которые Бренда будет носить, надвинув на макушку.

Мисс Фараон снова вернулась к письму, пока Фин рассматривал проносящиеся за окном пригороды. Через мгновение с переднего сиденья донесся звук захлопывающейся сумочки. Бренда достала большие солнцезащитные очки, заплела бантики в своих волосах и надвинула линзы на макушку.

52. Намек на персонаж романа Льюиса Кэролла «Алиса в Стране Чудес» (1864).

— Мартин, — спросила мисс Фараон, — ты уверен, что мы едем правильно?

— Я несколько раз смотрел карту АА⁵³, тетя Доротея, пока мы вас ждали. Успокойтесь, я никогда не заблужусь.

Бренда хихикнула.

— Так уж и никогда? А как же наше путешествие во Франции, дорогой? — Она улыбнулась тем, кто сидел сзади. — Мы должны были присоединиться к группе и покататься на лодке по Луаре в прошлом месяце. И где мы оказались?

— Но это было просто... — Шея Мартина покраснела.

— Заблудились на реке, надо полагать? — спросил Фин.

— Мы вообще не доехали до реки, — объяснила Бренда. — В назначенный час мы оказались в нескольких милях от места встречи, ездили кругами в... Лиможе, кажется, это было? Безумно отстали от остальных, так что пришлось поселиться в какой-то ужасной гостиничке...

Мартин ткнул ее локтем, но она не успокоилась:

— В отдельных номерах, конечно.

Доротея Фараон хмыкнула.

— Надеюсь, я не настолько наивна, чтобы поверить в это, и не настолько стара, чтобы правда меня шокировала. Кроме того, я знаю, что никакая сила на земле не сможет убедить Мартина заплатить за две комнаты.

Румянец перекинулся на уши Мартина, но он ничего не сказал.

— Неправда, — сказала Бренда. — Мы чудесно провели время, и Мартин ни разу не пожаловался несмотря на то, что мы заплатили за групповую поездку и шлюпку, которую даже не успели распаковать и намочить. Впрочем, впереди новое лето, и мы можем прекрасно потеряться у другой реки.

Мартин вздохнул.

— Ладно, водитель из меня ужасный и я Скрудж. Но, уверен, мистер Фин предпочел бы поговорить об убийстве.

— Да, собственно, говорить пока не о чем, — сказал Фин. — Я готов поддержать вас, мисс Фараон, в предположении того, что майора убили. Проблема в том, что это все, что я могу сделать. Я не знаю, как его убили. Не знаю, почему. Не знаю, кем это было сделано. И скажу прямо — я не знаю, выйдет ли вообще из этого что-нибудь толковое. А вы как считаете?

Мисс Фараон пожала плечами.

— У меня есть одна-две гипотезы, но нет смысла вдаваться в детали, пока я не обзаведусь доказательствами. — Она постучала по письму. — А это никоим образом не доказательство — вот что самое обескураживающее.

— Что в нем? — спросила Бренда.

— Картина конца света глазами майора, — ответила мисс Фараон. — Русские захватывают Британию, и смерть майора, очевидно, это начало сценария.

Мартин обернулся.

— Вы же не думаете?..

53. Автомобильная Ассоциация (сокр. АА) — неофициально четвертое подразделение службы неотложной помощи Соединенного Королевства; осуществляет патрулирование, мониторинг, профилактику ДТП, а также оказывает широкий спектр услуг, в том числе по навигации и техпомощи на участках дорожной сети Великобритании.

— Нет, я не думаю, и смотрите за дорогой, молодой человек. Я пока не собираюсь присоединяться к майору Стоуксу в его счастливой небесной шифровальной.

— Шифровальной? — Бренда выглядела озадаченной. — Это где всякие секретные коды, что ли?

— О да, личные коды, доступные только для майора и шестилетних детей. — Мисс Фараон перелистала страницы. — Я всегда знала, что Стоукс идиот.

Мартин прочистил горло.

— Тетя Доротея! Человек умер.

— Да-да, но его идиотизм живет, не так ли? Если бы он хоть на секунду забыл о своем благословенном красном заговоре и спустился на землю, то мог бы, по крайней мере, сообщить нам что-то полезное. Допустим, его убил Грин. Если бы он соблаговолил снабдить нас описанием этого человека, мы могли бы с чего-то начать. Но нет...

— Тем не менее, — заметил Фин, — вы должны признать, что иногда он мог быть весьма изобретателен. Возьмите его находку с «красным ромом и убийством» — восхитительная идея! Это, как говорится, лошадь другой масти⁵⁴.

— Пожалуй, соглашусь, — проворчала она. — Лошадь другой масти, если вам нравится. Скаковая лошадь иного хода. Now гесар — расег won⁵⁵.

— Я понял, что вы имели в виду. — Фин первым оценил палиндром. — Игра слов так же доходчива, как грубые шутки, и в ней столько же смысла.

Ветер начал хлопать шляпой мисс Фараон. Она вытащила длинные шпильки и сняла ее.

— Именно. Логика майора может быть и достаточно здравая, но исходит из ложных предпосылок: абсурдное представление о том, что против него существует всемирный красный заговор. Если мы соглашаемся с предпосылками майора, мы соглашаемся со всеми последующими несообразностями. Любое красное вызывает подозрение, а что-то не красное становится таким же подозрительным, как вам такое? *Зеленый*, говорит он, эквивалент *красного*! С тем же успехом он мог заявить, что рыжая малиновка-зарянка это то же самое, что синяя синица!

— Тетя Доротея! — Мартин снова покраснел.

Канотье Фина сдуло и болталось на шнурке, пока его не удалось затащить обратно. Общим криком они смогли заглушить порыв ветра, и через мгновение даже пуритански несгибаемые плечи Мартина сотрясались от смеха.

После паузы Фин вдруг спросил: «А след?»

— Что?

— След, мисс Фараон. Вы сказали, что делали с Мартином алебастровый слепок со следа в вашем саду. Разве это не доказательство?

— Возможно. Это уж вы сами решите, когда его увидите.

— Но у вас есть какие-нибудь мысли?

— У меня? — Она сделала удивленное лицо. — Я не собираюсь быть вторым майором Стоуксом, прыгающим за скороспелыми выводами. Должна быть причина для этого, и для всех прочих краж и актов вандализма, и только одна причина. Возможно, это как-то связано со смертью майора, но, может, и нет, поэтому я хочу все выяснить.

— Каких прочих краж? — спросил Мартин. — Вы имеете в виду, Латимер?..

54. То есть *это другое дело, это другой коленкор*.

55. Английский палиндром, букв. *Подведем итог — иноходец победил*.

Фин вкратце рассказал об инцидентах с апельсином, Желтыми Страницами, формулой индиго и голубой краской.

— А если добавить в этот список таинственного мистера Грина и фиалки вашей тети, эта интересная последовательность дает нам полный спектр. Или почти полный.

— *Почти*, — уточнила мисс Фараон. — Недостает красного, и остался только один Разгадчик — отшельник Фрэнк Дэнби.

Глаза Бренды расширились.

— Так вот в чем цель сегодняшней великой экспедиции! Не проще было позвонить мистеру Дэнби и?..

— Я звонила. — Мисс Фараон начала скручивать поля шляпы у себя на коленях. — Я позвонила вчера для видимости, чтобы спросить, получил ли он мое приглашение и придет ли на воссоединение. Он был... уклончив. Сказал, что, возможно, получил приглашение, но точно не помнит. Приехать он отказался, не назвав причину. Я так понимаю, его не обрадовала перспектива увидеть старую банду.

— Вы сказали ему, что мы сегодня можем нагрянуть? — спросил Фин.

— Я намекнула. Но Фрэнк из кожи вон лез, стараясь отвертеться от этого. Он плохо себя чувствует, возможно, его не будет... Ведет себя он, конечно, подозрительно, если хотите знать мое мнение.

Мартин подмигнул ей через плечо.

— Может, все потому, что он живет у моря?

Бренда испустила стон, но другие никак не отреагировали.

— Что вы знаете о Фрэнке Дэнби? — спросил Фин. Он открыл свой блокнот на чистой странице. — Прошрое, настоящее?

— Боюсь, совсем мало. Конечно, мы встречались в клубе, но это было очень давно. С тех пор я не часто слышала о нем, в основном, это были слухи.

— Например?

— Вы знаете, что он был полицейским? Насколько я знаю, он ушел в отставку, но не сам, а его попросили. Кажется, его обвинили в избиении подозреваемого — выбивал показания. Было расследование, но ничего так и не доказали.

— Обычное дело, — сказала Бренда. — Дружки-полицейские прикрыли своего.

Мартин кашлянул.

— Это не совсем справедливо, дорогая. По большому счету... — Они втянулись в спор о полиции, в то время как два сыщика на заднем сиденье сосредоточились на прошлом Дэнби.

— В общем, подозрений хватило, чтобы заставить его уйти в отставку. Это было вскоре после войны, я уверена. После этого он устроился на работу в одну из частных охранных фирм — охрана банковских денег и тому подобное... Фирма называлась «Охранное агентство Тринкхэма».

— Но сейчас он на пенсии?

— Да, уже как год. Или два? Именно тогда он переехал в Доусон, деревушку на побережье. Сказал, что живет в небольшом коттедже у моря. Это все, что мне удалось о нем узнать.

— Вы ничего не слышали о визите майора Стоукса к нему?

— Что? Я в это не верю. Майор ни за что бы в жизни...

Фин кивнул, но так энергично, что канотье снова соскочило.

— Так сказал Джервейс Хайд. Более того, он сказал, что Дэнби угрожал убить

майора.

— В самом деле? — Мисс Фараон замолчала, а Бренда с Мартином все еще спорили:

— ... а иногда ты становишься просто невыносимым! Полагаю, в следующий момент я услышу, что британское правосудие — лучшее в мире! Честно...

— ... совсем не то, что я сказал. Бренда, послушай. Я знаю, что продажных полицейских не так много, но какое это имеет отношение?..

— Впереди есть паб, — предложила мисс Фараон. — Давайте сделаем остановку и немного остынем, хорошо? Вы двое грызетесь, как пожилые супруги.

Перед пабом был сад, и пока взрослые сидели, упираясь коленями в ржавый стол под зонтиком «Мартини», Миа Тавернер могла вволю поизвиваться на коленях матери. Задолго до того, как остальные пригубили свои напитки, Миа успела пролить лимонад из стакана.

— Ради всего святого, пусть ребенок побегает и поиграет, — сказала мисс Фараон. — Есть кое-что важное, о чем все вы должны знать. — Она потягивала пиво до тех пор, пока Миа не отправилась на другой конец сада мучить какого-то малыша.

— Что именно? — спросил Хайд.

— Первым делом я хотела бы услышать твою версию относительно встречи майора Стоукса и Фрэнка Дэнби.

Он допил пиво и отер пену с усов.

— Рассказывать особо нечего. Майор рассказал мне об этом около месяца назад, когда я случайно столкнулся с ним на Оксфорд-стрит. Сказал, что нанес визит Дэнби. Услышав, кто его навестил, Дэнби пришел в ярость, приказал ему убираться и сказал, что если тот когда-нибудь попадетс я ему снова, он убьет его.

Леонард Латимер ахнул.

— Почему ты мне ничего не сказал в машине, когда я говорил с тобой о Стоуксе?

Хайд оскалился.

— Не хотел расстраивать тебя, пока ты вел машину, старик. Ты постоянно жалуешься на сердце — к чему рисковать?

— Да, но... — Латимер запнулся и уставился на свои ногти.

— Вопрос совсем в другом. Вопрос в том, почему Дэнби не упомянул об этом, когда я говорила с ним вчера по телефону? Строго говоря, зачем он солгал?

Фин спросил, что она имеет в виду.

— Я ему не сказала, что майор умер, я просто спросила Фрэнка, не виделись ли они с ним недавно. — Она поставила стакан, наблюдая, как оса пытается приземлиться на ободок. — Он *рассмеялся*. Это был короткий, довольно злобный смех, хорошо мне знакомый. Он рассмеялся и сказал: «Почему бы нет, Доротей. Я не видел старину Стоукса со времен войны». — Потом он извинился и повесил трубку.

Фин проследил за реакцией остальных. Латимер откинул назад голову и прижал ладони к лицу. Мартин и Бренда перестали собачиться и озирались вокруг. Хайд пожал плечами и рыгнул.

С Дерекком Портманом произошла более живописная метаморфоза. Его крупное актерское лицо претерпело ряд изменений, словно находилось в поиске подходящего выражения: гнев? удивление? удовлетворение (*я так и знал!*)? Наконец оно остановилось на выражении завуалированной подозрительности.

— Этого как раз достаточно, не так ли? — сказал он. — Я, конечно, хотел бы спросить Дэнби, что...

— Мы все хотим спросить его, Дерек. — Темные глаза мисс Фараон стали жесткими. — Но мы должны сделать это деликатно. Все может объясниться вполне невинно.

— Например?

— Пожалуйста — он мог просто забыть о визите. Или, возможно, он шутил, хотя, бог знает, зачем.

Латимер убрал руки.

— Н-никогда не знал, что у Дэнби есть чувство юмора, не так ли? Я имею в виду, раньше он посмеивался над сценами из-изнасилования в кровавых романах, которые читал, но в этом не больше юмора, чем я...

— Чего я хотела бы, — сказала мисс Фараон, — так это увидеть, как он отреагирует на известие о смерти майора Стоукса и на то, что мы считаем, что это было убийство.

— Положим, сделать это будет сложновато, — заметил Латимер. — У нас не больше доказательств, чем у лунного человека⁵⁶!

Портман достал серебряный карандаш и начал рисовать на столе.

— То, что у нас есть, — пустые домыслы. Я, например, предпочел бы что-то более основательное. Так что хватит фантазировать, Латимер, и поедем.

Все допили свои напитки, кроме мисс Фараон. Она сидела, загипнотизированная видом осы, размахивавшей клиновидными крылышками на краю бокала с пивом. Наконец насекомое свалилось внутрь.

— О чем вы задумались? — спросил Фин. — Что-то, связанное с Разгадчиками? Что-то, чего вы мне не рассказали?

— Ничего такого, — призналась она. — Просто на ум пришел еще один палиндром. — Она ткнула в бокал. — *Regal wasp saw lager*⁵⁷.

Коттедж «Дельфин», который им был нужен, стоял в ряду таких же белых кирпичных бунгало с видом на море свинцового цвета. Дорога пролегла сзади, мимо обшарпанных кухонных дверей и помятых мусорных баков и вела к автостоянке, больше похожей на помойку. У них был шанс дважды осмотреть дома: сначала пробираясь вдоль задних дворов, затем берегом моря. Они видели дом с закрытыми ставнями и висячим замком, чистый домик с оконными коробками, заброшенный дом, дом с бельевыми веревками и музыкой, ревущей по «Радио 1» и так далее. Всё жильё невзрачное и большей частью убогое.

Холодный бриз дул в сторону моря. Мисс Фараон продрогла, когда шла с племянником вдоль берега, взяв его под руку. Фасады некоторых коттеджей выглядели еще более уныло — сквозь треснувшие ступени пробивались сорняки.

На ступеньке одного из таких крылец сидел человек, обращенный лицом к морю. Он был одет в ярко-фиолетовую рубашку, расстегнутую до пояса, рваные брюки, солнцезащитные очки и морскую кепку неопределенного фасона, из тех что продаются на благотворительных базарах. Это был грузный, неповоротливый гигант с изуродованным лицом бывшего боксера. Видимо, мисс Фараон узнала знакомый профиль со сломанным носом, и решила позвать:

— Фрэнк! Фрэнк Дэнби! Это Доротея, Фрэнк! Я говорила, что мы все можем приехать, и вот мы здесь.

Мужчина либо не слышал, либо испытывал неприязнь, поскольку продолжал смотреть на воду, не повернув покалеченного лица. Когда они подошли ближе, он вынул из кармана медную подозрную трубу и уставился в море. Наконец, не оглянувшись, он сказал:

56. Мифическое представление о том, что поверхность Луны, видимая с Земли, напоминает человеческое лицо.

57. *Царственная оса увидела лагер*. Лагер — тип светлого пива.

— Хэлло, Доротея! Вижу, ты притащила с собой всю долбаную банду. Кажется, я говорил тебе, что мне не нравятся долбаные визитеры.

Она застыла.

— Послушайте, Фрэнк, вы больше не коп, побудьте хоть немного человеком. В конце концов, мы приехали сюда обсудить кое-что важное.

— Важное для вас, может быть, но не...

— Это важно и для вас тоже, Фрэнк. Может, мы войдем?

Он вздохнул.

— Почему нет? Но не ждите никакого VIP-обслуживания, всех предупреждаю. — Не удосужившись проводить их, он сложил подозрную трубу, встал и вошел в дом.

Они проследовали за ним, и напряжение проникло внутрь вместе с ними. Входная дверь открывалась прямо в маленькую прихожую, которая едва ли могла вместить всю группу. Дэнби, по-прежнему в кепке и очках, развалился в самом удобном кресле. Мисс Фараон представила всех поочередно, пока они кружили по комнате и искали, где бы пристроиться: Мартин, Бренда, Латимер, Хайд, Фин, Портман, Шейла и Миа. При упоминании одного имени Дэнби крикнул, на другом высморкался, но ничего не сказал.

Миа, казалось, мгновенно почувствовала напряжение и попросилась поиграть на пляж. Шейла поплелась за ней. Остальные, рассредоточившись по комнате, стояли или сидели молча.

Взгляды, брошенные через две открытые двери, дали им полную картину дома: крошечная кухня, еще более крошечная ванна, а стены, очевидно, повсюду были оклеены обоями с одним и тем же узором из желто-зеленых роз. Фин не глядя мог сказать, что ванна покрылась пятнами ржавчины, в кухонной раковине мокли чайные листья, а арендную книгу вместе с другими бумагами пихнули за каминные часы. Это было «меблированное жилье», арендованное тем, кто давно перестал следить за собой.

Полуразвалившаяся мебель для гостиной, несколько кресел, деревянных стульев и негодных для использования столиков были придвинуты к стенам, словно в комнату готовили к танцам на грязном линолеуме. Четверо пожилых гостей сидели, выпрямившись, у стен, в то время как Мартин, Бренда и Фин присели на корточки в маленькой прихожей. Все ждали, когда тишина нарушится, но с каждой минутой нерушимость ее только возрастала.

Дэнби, казалось, было все равно. В стене прямо над его головой располагался кухонный люк. Он протянул к нему руку, вынул банку пива и с хлопком открыл ее.

— Ваше здоровье! — сказал он, и его сломанный нос немного скрутило, когда он улыбнулся. — Извините, это только для меня. — Он шумно отхлебнул и закрыл люк.

— Оставьте свои чертовы ребячества, Фрэнк, — сказала мисс Фараон. — Мы этого не ожидали... Боже правый, что это было?

Из-за закрытой двери на них обрушился неистовый шквал царапанья и рычания. Дверь затряслась под ударом тяжелого тела.

— Что? Это Шеба, моя маленькая немецкая овчарка. Она просыпается, только когда я открываю банку. Она без ума от пива. Шеба, лежать! Хорошо, что я запер ее в спальне, а? Вам повезло. С одинаковым интересом она смотрит на чужих и отрывает им руки. Хотите с ней познакомиться? — Он сделал вид, что поднимается, затем, смеясь, рухнул назад.

— С меня хватит, — подал голос Портман. — Если вам нравится сидеть тут, пить пиво и играть в садистские игры со своей собакой — вперед. Я всегда говорил, что собака только потому дурная, что у нее хозяин дурак. Если остальные хотят сидеть здесь и развлекаться с этим... этим психом, ради бога, а я не в счет.

— А ты давно уже не в счет, Портман, — ответил Дэнби. — Расслабься и наслаждайся этим долбаным воссоединением или чем оно там должно быть.

— Фрэнк, послушайте, — вмешалась мисс Фараон. — Стоукс умер. У меня есть

основание полагать, что он был убит.

Дэнби посасывал пиво.

— И что?

— «И что?» — это все, что вы можете сказать?

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Поиграл с тобой в детективов? Какое мне дело до того, что случилось со старым Стоуксом? Мне хватает своей долбаной жизни, чтобы убраться... чтобы жить.

— Есть один или два момента, которые вы могли бы прояснить, — сказал Портман. — Например, почему вы сказали, что не видели Стоукса двадцать лет, хотя он был здесь около месяца назад.

Лицо Дэнби, насколько позволяли старые шрамы, приняло удивленное выражение.

— Это *он* тебе рассказал, верно? Рассказал, как я угрожал спустить на него Шебу, если он не отвалит? — Снова злобный смех. — О, я понимаю. Ты думаешь, я... ха-ха-ха, ты думаешь, что это я *позаботился* зачистить старого ублюдка? Господи... да это вроде как небольшой самосуд, а?

— Он сказал, что вы угрожали ему, — продолжал Портман. — Я не вижу здесь ничего смешного. Вы угрожали жизни человека, и теперь он мертв. Что здесь забавного?

— Ты забавный. Все вы. Ты хочешь знать, есть ли у меня алиби на время смерти? Я сидел здесь. Прямо в этом доме, может, в сотне ярдов от него, но не больше. Это то место, где он умер?

— Нет, — сказала мисс Фараон, — он умер в Лондоне. Но откуда вы можете знать, когда он умер?

— Какая разница. Я проторчал здесь весь прошлый год. *Никуда* не вылезал, объяснял же тебе по телефону.

— Звучит немного по-гангстерски, — сказал Хайд. — Что это за разговоры о том, чтобы зачищать людей и потом никуда не вылезать? От чего вы прячетесь?

— Не твое сраное дело!

Внезапно Латимер вскочил на ноги, челюсти его тряслись от негодования.

— Как вы смеете так выражаться при мисс Фараон и моей дочери? Что вы себе позволяете? Я уже наполовину готов...

— Готов «преподать мне урок»? Тебе никогда не хватало мужества, Латимер, так что седи и молчи в тряпочку.

— Помолчите оба. — Под взглядом мисс Фараон Латимер сел. — Так, Фрэнк. Мы не имели в виду, что это будет целиком светский визит. Поймите, что бы ни случилось с майором Стоуксом, это касается каждого из нас.

Дэнби кивнул.

— Наверное, тебе лучше рассказать мне всю историю.

— Хорошо. Но не перекусить ли нам, пока мы разговариваем? Мартин, принеси, пожалуйста, корзину.

Фин поднялся, чтобы пропустить его. Пока мисс Фараон рассказывала, он бродил по комнате, пытаясь найти какой-нибудь ключ к странной враждебности Дэнби.

Над камином висела пыльная фотография молодого Дэнби в военизированной форме «Охранного агентства Тринкхэма», сделанная несколько лет назад: фуражка, черные очки, тщательно подогнанный пиджак, брюки и сияющие ботинки. Одна рука опиралась на тяжелую дубинку, другая удерживала большую, свирепого вида собаку.

Ниже на каминной полке не было ничего интересного: старые часы без стекла, за

часами кипа бумаг и документов, дешевенький транзистор. Держась спиной к бывшему полицейскому, Фин вытащил из-за часов несколько нераспечатанных писем.

Мартин вошел с огромной плетеной корзиной и поставил ее на пол.

— Я искал Шейлу с Мией, — сообщил он. — Никаких следов. Наверное, бродят где-то по пляжу. Но с морем что-то странное...

— Не беспокойся, — сказала мисс Фараон. — Там большая фляга с чаем, немного хлеба и закуски. Если вы с Брендой найдете нож и начнете резать бутерброды, я смогу досказать историю. — Она повернулась к Дэнби. — На чем я остановилась? Ах да, после смерти Стоукса началась серия маленьких загадочных происшествий...

Фин сделал полезное дело — принес с кухни нож. Бренда и Мартин склонились над корзиной, выгружая продукты.

— Что-то странное, — сказал Мартин полусшепотом. — Какое-то загрязнение.

Фин наклонился, чтобы вручить нож Брендe.

— Какое загрязнение?

— Красного цвета. То ли нефтяное пятно, то ли еще что-то. Похоже на кровь.

Глава девятая

— Это важно? — спросила Бренда, заглядывая в лицо Фина.

— Важно! *Важно!* — Фин резко выпрямился. — Это то, чего я так долго ждал. Все внимание! Мартин только что видел что-то...

— Красное, — сказал Мартин. — Красное пятно на воде.

Минуту стояла тишина, а когда информация была усвоена, все бросились к выходу. Фин и Мартин повели толпу по потрескавшимся ступеням через широкий галечный пляж к кромке воды.

— Я ничего такого не вижу, — сказала Бренда.

В дюжине ярдов огромный участок воды стал ярко-красным. Прилив мягко переместил пятно, породив водовороты и увеличив площадь распространения.

— Это не может быть кровь. — Запыхался Латимер. — Нужен кит, чтобы разлилось так много. Ярдов двадцать-тридцать, наверное, в поперечнике?

— Боже, что это? — воскликнул Портман. — Красная нефть? И почему...

Джервейс Хайд пожал плечами.

— Может, краска? Надо бы подняться в горку, чтобы получше рассмотреть. Кажется, оно чертовски огромное. — Он направился обратно к дому.

— Загрязнение — это первое, что я подумал, — сказал Мартин. — И, конечно, оно было не такое большое, когда я увидел его в первый раз.

Латимер сидел и расшнуровывал туфли, когда мисс Фараон присоединилась к группе.

— Хочу взять пробу воды, — заявил он. — Здесь не должно быть глубоко.

Они смотрели, как он закатывает штанины над толстыми белыми лодыжками перед тем, как осторожно ступить в плещущие волны.

Мисс Фараон стояла немного в стороне от остальных, ветер развевал ее седые волосы. Фин позвал ее:

— С вами все в порядке, мисс Фараон? Вы выглядите немного задумчивой.

— Что? Да, конечно. Просто я подумала о том же, о чем, кажется, подумали вы.

— Да. Теперь мы имеем полный спектр. Зеленый — Стоукс, оранжевый — Портман, желтый — Латимер, синий — Хайд, фиолетовый — вы, голубой — Сэр Тони Фитч, красный — Дэнби. — Он подошел к ней и понизил голос. — И весьма удачно, что мы здесь все вместе, не находите?

Она позвала племянника.

— Мартин, можешь сделать мне одолжение? Сбегай к дому и принеси... Стоп, не надо.

Мартин пожал плечами и остался на месте.

Вода показалась Латимеру слишком глубокой, он развернулся и пошел назад. Джервейс Хайд спустился на берег, качая головой. Теперь уже обитатели соседних домов, привлеченные их толпой, потянулись к морю посмотреть на необычное явление. Фин искал среди них Шейлу с Мией, но тщетно.

— Сейчас прилив, — сказал Мартин. — Может, корабль сбросил свой груз или что-то в этом роде? Вы когда-нибудь видели такое, мистер Фин?

— Нет, и что-то подсказывает мне, что это не случайное загрязнение.

Мисс Фараон смотрела, как Латимер садится завязывать шнурки. Он сел слишком близко к краю воды, и набежавшая волна намочила туфли.

— Да, скорее всего это неслучайно, — сказала она. — Цвет уж больно подходящий. Это послание может быть только Фрэнку. Мы свои уже получили.

— А, вы про *это*? — Мартин выглядел неудовлетворенным. — Те случаи, о которых вы рассказывали в машине? Но я все равно не понимаю, в чем смысл.

— Это, — сказала мисс Фараон, — и есть самое интересное. Нас предупреждают или заманивают? И с какой целью? Это аккуратная маленькая головоломка...

— Кстати, — Мартин посмотрел вокруг, — я не вижу мистера Дэнби.

Латимер с трудом поднялся на ноги.

— Он не выходил из дома. Опять хандрит, наверное.

— Интересно, с ним все в порядке? Давайте глянем.

Фин устремился было за ними, но мисс Фараон задержала его.

— Знаете, есть еще кое-что. Стоукс все время это говорил... У него было одно любимое выражение. Он...

Перед ними вырос смуглый человечек с выпученными глазами. Он протянул Фину свою грязную руку:

— Меня зовут Галл, Фред Галл. На отдых или как?

— Здравствуйте, мистер Галл.

— Мы с женой обычно здесь в это время года. Не так людно, это самое. Правда, с погодой в этом году не повезло. Думаю, на следующий год рванем на трейлере в Торки, это самое.

— Мистер Галл, вы когда-нибудь видели что-то похожее в здешних краях? — Фин указал на красное пятно.

— Не-а, но тут ничего удивительного. Ужас, какую только дрянь они не сливают. Арабские нефтяные танкеры, полагаю. Заваливают нас всяким мусором, чего им! Ужас. Хотя, в целом, здесь нормально. Правда, телевизор здесь ловит не так, как дома. Картинка отвратительная. Должно быть, помехи от моря. Волны и все такое.

— Кошмар, — пробормотал Фин. — Вам случайно не попадалась здесь женщина с маленькой девочкой где-то пару минут назад?

— Ваша миссис, наверное? Не-а, я смотрел «Трибуну». Но, может, жена видела их. Пойду спрошу у нее, хорошо?

— Благодарю вас, мистер Галл. — Фин посмотрел ему вслед, затем повернулся к мисс Фараон: — Любимое выражение майора?

— Да, он все время говорил о красном приливе⁵⁸. Естественно, я думала, что он имел в виду обычную метафору, но теперь...

Она смотрела на розоватый оттенок прилива, как вдруг из дома донесся крик Латимера.

— Сюда, скорее! Дэнби весь в крови — я думаю, он мертв!

Фигуры на пляже застыли на мгновение, затем разом все задвигались. Хайд первым достиг порога, следом по ступенькам прыгал Фин.

Фрэнк Дэнби сидел, как и раньше, в том же самом кресле. Он сполз на несколько дюймов вниз, склонив голову так, что, казалось, разглядывает большой черный выступ у себя под подбородком. Это была рукоятка его собственного хлебного ножа — с характерными зубчиками на лезвии.

Мартина словно парализовало.

— Я пытался вытащить его, но он застрял! Боже мой, что нам теперь делать? — Его голос был пронизан истерией.

Латимер чувствовал себя не лучше. Побелевший, задыхающийся, как будто его тоже ударили ножом в горло, он дико метался по комнате, — несколько раз он споткнулся, наступив на собственные развязавшиеся шнурки.

Хайд уставился на труп, повторяя одно и то же:

— Он не мог бы выжить. Просто не мог бы выжить!

Фин пощупал пульс.

— Он мертв.

Сержант Бевис из местного CID⁵⁹ вышел на крыльцо, чтобы обратиться к свидетелям, столпившимся внизу.

— Все вы дали показания мне или одному из моих помощников. Теперь я попрошу некоторых из вас остаться для повторного допроса. — Он отошел в сторону, позволив двум санитарам вынести пластиковый мешок с трупом.

— Домой могут вернуться следующие свидетели: мистер и миссис Галл, мистер Пател, миссис Нельсон. Спасибо вам за содействие. — Он снова посторонился, пропуская двух человек, несущих кресло Дэнби, замотанное в полиэтилен. Специально обученный полицейский тащил огромную клякастую овчарку. Толстые рукавицы полицейского были разодраны. Собака упиралась, хватая зубами цепь.

— Так это собака? — Бевису можно было и не спрашивать.

— Да, сэр. Вы, должно быть, слышали, как она лаяла, когда я пошел за ней. Пришлось дать ей успокоительное.

В толпе Фин вернулся к разговору с крупной женщиной в розовых бигуди.

58. Красный прилив — общепринятое название частного случая цветения воды, вызванного вспышкой численности особого вида морских водорослей — динофитов.

59. Аббревиатура Департамента уголовных расследований (англ. Criminal Investigation Department).

— Это чрезвычайно исчерпывающая информация, миссис Галл. Вы абсолютно уверены?

— Ну, я видела ее собственными глазами...

Фина и других задержанных попросили доехать до железнодорожной станции Брогема, городка в четырнадцать милях отсюда. По прибытии туда их попросили подождать еще два часа, пока не подъедут люди из Скотланд-Ярда. На допрос ушло несколько часов и уже порядком стемнело, когда Теккерей Фин был вызван к старшему инспектору Гейлорду.

— Присаживайтесь, Фин. Надеюсь, вы знаете, что местные парни от вас, мягко говоря, не в восторге. Сержант Бевис жалуется, что вы его достали — препятствуете, так сказать, правосудию.

Фин взял стул, сложил руки на рукоятке своего зеленого зонтика, и положил на них подбородок.

— Я никому не препятствовал. Наоборот, ускорил расследование.

Гейлорд распаковал сигару и поднес ее к своему ястребиному клюву.

— А, так вы все уже решили? Может, снизойдете и скажете, каков ответ?

— Ответ? — Фин выглядел озадаченным. — О, вы имеете в виду, кто его убил? Это по вашему ведомству, шеф⁶⁰. Я бы не хотел вмешиваться. Нет, я пытаюсь ответить на другие вопросы: почему, например, убийца пошел на такой ужасный риск? Я хочу сказать, что там у дверей все время толкалось столько народа — то входили, то выходили, что даже странно.

— Я тоже так думал. Мне кажется, убийца был в отчаянии, готов был пойти на любой риск, лишь бы не оставлять Дэнби в живых. Беда в том...

— Беда в том, что вы не можете найти такого *отчаявшегося* подозреваемого, полагаю. Я тоже не могу, шеф, тоже не могу. И в таком случае это может быть спланированным убийством. Убийца достиг своей цели.

Гейлорд зажег сигару и пожевал ее.

— Я не верю в спланированные убийства, чтоб вы знали. Кто-то из вашей маленькой мафии был связан с Дэнби, и я хочу нащупать эту связь. Что мне нужно от вас, так это ваше мнение о подозреваемых: кто мог убить и кто убил Дэнби.

— Кто мог убить? Почти все. Знать его значит ненавидеть. Кто *убил*? Это значительно сужает круг подозреваемых. Из нашей группы я могу подозревать только четверых: последнего, кто покинул дом, первого, кто вернулся, и тех двоих, которых видели рядом с домом в это время.

— И кто из них?

— Здесь я не уверен. Я разговаривал с соседкой, миссис Галл, которая сказала, что видела женщину, *пробирающуюся* к задней части дома. Этой женщиной была, по ее словам, Шейла Тавернер. А до этого она видела, как Джервейс Хайд *прятался* у входной двери. Это дает нам двух подозреваемых.

Гейлорд некоторое время дымил сигарой в тишине, затем сказал:

— Этих двоих мы знаем. Но у нас проблема с последним и первым.

— Я понял вашу мысль. Мисс Фараон предположила, что она была последней, кто вышел из комнаты, но потом вспомнила, что Бренда Латимер вернулась — я цитирую — «с ножом в руке». Бренда, кажется, согласна, и думает, что куда-то положила нож, но не может вспомнить, куда. Будем надеяться, что она не оставила его в горле мистера Дэнби.

Гейлорда заволокло густым дымом.

— Скажите, Фин, когда вы выходили из дома, дверь на кухню и люк были закрыты?

60. Сокр. от Chief Inspector (шеф-инспектор или старший инспектор).

— Да. Дэнби закрыл люк после того, как достал пиво. Позже я сам закрыл кухонную дверь, когда ходил за ножом. Я всегда закрываю за собой двери — это моя единственная привычка, касающаяся порядка.

— Они до сих пор закрыты, — сказал Гейлорд. Щурясь от сигарного дыма, он добавил: — Я совершенно не удовлетворен. Имея целый дом отпечатков, мы получили чертовски мизерный результат. Все отпечатки пальцев — в гостиной, и ни одного, кроме Дэнби, в остальной части дома. За исключением...

Фин слегка подался вперед:

— За исключением?..

— За исключением частичного отпечатка на ручке задней двери. Он не Дэнби, но пока мы не смогли сопоставить его ни с одним из имеющихся. Парни все еще работают с ним.

— Шеф, давайте посмотрим, смогу ли я прочитать ваши мысли. Вы предполагаете, что Шейла Тавернер вошла в заднюю дверь и совершила убийство?

— Возможно. Шейла Тавернер или еще кто-нибудь. Допустим, Бренда оставила нож на кухне. Задняя дверь ведет непосредственно на кухню. Скажем, Шейла обходит дом сзади, попадает на кухню, хватается за нож и... Перед ней три возможности добраться до Дэнби. Она могла пройти в гостиную. Она могла открыть дверь и круговым движением сбоку ударить его снаружи внутрь. Она могла открыть раздвижные дверцы люка, наклониться и ударить его сверху.

— Но наверняка ваши отпечатки скажут вам...

— Делов-то, пара резиновых перчаток на кухне.

— Понятно, — Фин пожевал губу. — А что с ее мотивом?

— Здесь нам снова улыбнулась удача. На мисс Тавернер был составлен протокол, несколько лет назад она попала на краже. И угадайте, кто поймал ее?

— Не...

— Правильно. Дэнби. Сначала мы вышли на охранную фирму «Тринкхэм», потом стали копать дальше и всплыла эта фигура. Эй, не тычьте зонтиком в пол. Вот так! Он оставляет вмятины.

— Извините. Итак, вы подозреваете Шейлу Тавернер, Джервейса Хайда, Бренду Латимер и... как насчет мисс Фараон? Кажется, вы ее исключили?

— Да, если Бренда взяла нож в доме после того, как она вышла из него, она — вне подозрений. Вы не хотите повесить зонтик? Он действует мне на нервы.

Фин повесил зонтик на угол стола и сложил руки.

— У нас есть еще Мартин Хьюз и Леонард Латимер. Мог ли один из них или оба сделать это?

— Это я должен был спросить у вас, забыли? Но к вашему сведению, оба утверждают, что нашли тело вместе. Они чертовски туманны в деталях, но в этом нет ничего необычного. Я не думаю, что существует серьезная вероятность, что один из них, ворвавшись первым, нанес удар или что-то в этом роде. И это, кажется, отделяет вас от вашей маленькой группы. Все свидетели сходятся в одном — вы с Портманом пляжа не покидали.

— Рад это слышать, — сказал Фин. — Но, знаете, есть еще одна возможность. Вы учитывали фактор постороннего?

— Постороннего? Конечно, подобное исключать нельзя, но...

— Но послушайте. Никто никогда не заглядывал в спальню, дверь из которой выходит в гостиную. Нам всем сказали, что там находилась злая собака. Предположим, что Шеба

была там не одна?

— А, неизвестные прячутся в спальне? Затем они выбегают, закалывают Дэнби и исчезают. Хм. И как бы они оказались в спальне?

— Разве в ней нет окна? На боковой стороне дома?

Гейлорд потушил сигару.

— Да, но никто не входил и не выходил из этого окна. Подоконник весь в пыли.

— Хорошо, тогда как вам это? Дэнби сам спрятал этого человека в спальне. Это объяснило бы, почему он так стремился избавиться от всех нас и почему не захотел выйти посмотреть на красную воду.

В дверь постучали, и вошел констебль со стопкой бумаг. Минуту они с Гейлордом шептались.

— Хорошо, хорошо. Спасибо, констебль. Фин, я не думаю, что нам нужно беспокоиться по поводу вашего «постороннего». Для начала мы снова возвращаемся к вашей маленькой группе, не против? В том смысле, что теперь нет смысла ходить далеко. Эти последние отчеты дактилоскопической экспертизы одна приятность читать.

— Я бы с удовольствием прочитал их сам...

— Руки! Будем говорить, ваши отпечатки на ручке двери между кухней и гостиной подтвердились, так что вашему рассказу можно доверять.

Фин уставился на него.

— Шеф, это не то, что вас так взволновало. Что еще вы обнаружили? Частичный отпечаток на задней двери...

— Да, мы идентифицировали его. Я не скажу, чей он, но, скажем так, мисс Шейла Тавернер остается помогать нам в этом расследовании. Можете идти, Фин. Вы свободны.

Фин встал.

— Я думаю, вы совершаете ошибку.

— Неужели?

— Да. Я имею в виду, почему Дэнби вел себя как отшельник в первую очередь? Миссис Галл сказала, что он никуда не ходил, продукты ему доставляли, и он ни с кем не разговаривал, когда встречал их на пляже. Она сказала, что он вел себя как гангстер, скрывающийся от закона. И все мы видели его собаку.

— Так. Ну и что?

— Вы всерьез считаете, шеф, что Фрэнк Дэнби боялся, боялся настолько, что прятался от... Шейлы Тавернер?

Глава десятая

Полночь выдалась холодной. В камине просторного кабинета мисс Фараон пылал огонь, но пламя бушевало не только в камине, но и вокруг него.

Они ерзали по комнате, уставшие от дороги и нервного напряжения дня. Однако после того, как Латимер неловко пошутил, они были готовы «наброситься на что угодно». Посему уродливые кресла королевы Анны и старый кожаный честерфилд⁶¹ подтащили ближе к огню, и началось обсуждение.

61. Классический диван с ромбовидной стяжкой и подлокотниками в виде свитков.

До сих пор каждый из них наносил удар по другому. Фин обнаружил, что его внимание рассеивается. Он огляделся в тускло освещенном пространстве, словно впервые увидел лица и предметы.

Латимер сидел возле самого камина, протянув к нему руки, но не для того, чтобы согреться. Скорее он пытался, казалось, получше рассмотреть их, не заботясь о том, что видит. Оранжевый свет полыхнул в него, отбросив огромные тени пальцев вверх, ему на лицо.

Портман сидел рядом, скрестив руки и ноги, на широком лице не дернулся ни один мускул. Так было всегда, когда он молчал, напоминая большую марионетку, ожидающую сигнала, который вдохнет в нее жизнь. Полудрема в глазах, однако, была обманчивой.

Хайд распластался и почти храпел. Тени на концах его бандитских усов двигались в такт мерцающему свету. Лицо казалось неподвижным, но время от времени призрачная улыбка оживляла его.

Мартин и Бренда поднялись и направились к корзине, пытаясь отыскать в ней остатки съестного. Чем дальше они отходили в тень, тем больше Фин ловил себя на том, что эта парочка заслуживает пристального внимания. Коротко стриженная темная голова и соломенная блондинка — не заговорщики ли это шептались у старого бюро в углу? Каждый жест казался зловещим: Мартин вынимал замотанный в тряпку сверток, Бренда отворачивалась от света...

А в кругу у камина мисс Фараон сама казалась зловещей, тихо беседуя с Портманом. Повернув большую голову, адвокат кивнул, словно важность ее слов пробудила его к жизни. Но она говорила всего лишь о логических ошибках:

— ... как ты прекрасно понимаешь, Дерек, отсутствие опровержения не является доказательством. Есть пример, когда человека судили за кражу, и обвинение вызвало четырех свидетелей, которые видели, как он ее совершил. Тогда он вызвал восьмерых свидетелей, которые *не* видели, как он ее совершил! — Золотой зуб сверкнул.

«Я, должно быть, устал, — сокрушался Фин. — *Подозревая всех...*»

Именно тогда у них родился спор, который быстро показал, какие все усталые и раздраженные.

— Послушайте, — произнес Портман, — Я не хочу засохших сэндвичей и холодного чая, спасибо, Бренда. И незаконченные теории мне не нужны. Почему бы нам просто не сделать то, из-за чего мы собрались здесь — добить эту штуку?

Хайд зашевелился.

— Все дело в мотиве, старик.

— *Мотив?* — Руки Латимера тряслись, пока он не убрал их со света. — Не напускай тумана, Хайд. Мотив ясен как божий день, помилуйте! Все ненавидели Фрэнка Дэнби до мозга костей!

— Если вы позволите, я хотел бы предложить... — заговорил Фин.

— У лунного человека есть мотив! Вернемся к сути вопроса, Хайд. Реальность такова, что ты околачивался возле того проклятого дома добрых пять минут.

— Но Дэнби уже был мертв, разве ты не понял? — сказал Портман. — Стоит нам проверить алиби и...

— Какие вы все жалкие, — выпалила мисс Фараон. — Слушаете только себя. Все должно быть аргументированно, а вы продолжаете галдеть как стадо расшумевшихся орангутангов. Доказательство...

— Твое доказательство? — спросил Портман. — С таким алиби, как у тебя, я могу доказать, что угодно.

— Я хотел бы предложить... — снова попробовал вставить Фин.

— Пап, хочешь сэндвич?

— Какая к черту еда, когда я слушаю эти бредовые *рассуждения о мотиве и алиби*. Без фактов...

— Послушай, Латимер, бессмысленно пугать нас фактами, пока Доротея сидит здесь, самодовольно...

— Тетя Доротея, я думаю, мистер Фин хочет что-то сказать.

— Я бы хотел предложить всем успокоиться...

— Хорошая идея, Фин. Если рассматривать факты спокойно, то ответ очевиден. Ясно как божий де...

— Всякий раз, когда ты полощешь горло штампами, Латимер, я просто хочу сказать...

— Папочка, тебе действительно нужно что-нибудь съесть. Это тебя немного успокоит.

— Да спокоен я! Спокоен, черт побери!

Латимер встал и швырнул тарелку на пол. Толстый ковер поглотил звук, но приступ тихой ярости ошеломил их. Все замерли на минуту, пока мисс Фараон не заметила сухо:

— Ясно как божий день, Леонард, что ты спокоен.

Дружный смех, казалось, разрядил остатки напряжения, накопившегося от неурядиц и тяжелых испытаний дня. Мисс Фараон попросила Мартина и Брендю убрать недоеденное от пикника и принести кофе и бренди. Затем она повернулась к Фину.

— Наш бедный сыщик пытается вставить слово.

— Я просто хотел предложить, чтобы мы не спорили, а выступали по очереди. Кажется, у всех присутствующих здесь есть своя теория, и хотелось бы выслушать их все.

— Прекрасно. С кого начнем? Джервейс?

Хайд щедро плеснул себе бренди и выпил.

— Так-то лучше. — Он отер усы. — Прежде всего позвольте заметить, что полиция в корне неправа. Должен признать, что есть определенная привлекательность в их позиции, но... нет, это слишком фантастично. Никто не собирался держать на него зуб из-за — что там было, магазинная кража? — и не ждал отдаленного шанса вроде этого. Поэтому мы должны искать в другом месте. Но кого из нас была такая возможность? У меня, у Брендю Латимер, и, похоже, у Латимера на пару с Хьюзом.

— Прежде чем обвинять мою дочь, думаю, целесообразно дождаться, когда она вернется в комнату, — заметил Латимер.

— Но я не собираюсь ее обвинять. Какой мотив мог быть у нее? То же касается и Мартина Хьюза. Остаемся мы с тобой, Латимер. Мы оба знали Дэнби и не любили его, возможно, даже ненавидели. Однако мы не дураки. Если бы ты хотел убить его, я уверен, ты подложил бы в его банку пива какой-нибудь яд, не оставляющий следов, или еще что-то. Нет, это импульсивное преступление, преступление безрассудного идиота. Следовательно ты не мог этого сделать, и я знаю, что тоже не делал этого, поэтому все мы отпадаем. Фрэнк Дэнби был убит посторонним.

— Это никуда не годится, — сказал Латимер. — Мы...

— Подожди, дай мне закончить. Возьмем это преступление в связи со смертью майора Стоукса. Утверждается, что это было тоже убийство, что подразумевает общий мотив. У кого-то были причины убить обоих мужчин, и все же этот кто-то не Разгадчик.

Ответ не трудно найти, как только мы взглянем на личности умерших. Оба были затворниками, закрытыми личностями. Стоукс был известен своей привычкой собирать информацию о людях, «компромат», как он это называл; Дэнби отличали жестокость и садизм. Но любопытный садист — это то общее, что их объединяло, а любопытный садист — это по определению шантажист.

Мисс Фараон хмыкнула, но ничего не сказала.

— Теперь спросим себя, кого из нас можно шантажировать? Меня нет, моя жизнь — открытая, порочная книга. Точно не тебя, Доротей. Прости, но твоя жизнь скорее пустая страница. Тебя, Латимер? Нет, мы все знаем твою маленькую тайну, и я не вижу необходимости шантажировать тебя.

Он повернулся к Портману.

— Но твой случай несколько отличается, не так ли? По крайней мере, из того, что я слышал, у тебя есть довольно сомнительная глава в собственной книге.

Портман ответил:

— Держи в уме законы о клевете, Хайд, и помни, что ты разговариваешь с адвокатом.

— Одну минуту. — Фин поднял руку. — Думаю, на время нашего обсуждения вам, мистер Портман, как и всем остальным, следует отказаться от права подать в суд на кого-либо за клевету, иначе это расследование зайдет в тупик.

— Согласен, — выслушав, кивнул Портман. Показался блокнот и серебряный карандаш, и он начал терзать бумагу яростными каракулями. Тем временем Хайд продолжил.

— Мы знаем, что сэр Тони Фитч выступал против того внимания, которое уделял его единственной дочери молодой клерк по фамилии Портман. Против до такой степени, что составил завещание, чтобы предотвратить любой брак между ними. Или, по крайней мере, чтобы Дерек Портман не получил выгоду от такого брака.

Каракули остановились.

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь?

— Собственно, старый Стоукс нашептал. Я же говорил, что он любопытный. В тот день на Оксфорд-стрит мы неплохо поболтали. Мне продолжать?

После своеобразного парада выражений, который Фин наблюдал раньше, на лице Портмана окончательно утвердился довольно неубедительный нейтралитет.

— Конечно. Мне нечего скрывать.

Неудобные кресла королевы Анны закрипели.

— Условия завещания были таковы: если Памела будет замужем за Портманом на момент смерти своего отца, она получает его лондонский дом, дом за городом и несколько предметов мебели. Но если они не будут женаты, она унаследует огромное состояние.

Теперь возникает проблема. Лондонский дом сэра Тони разбомблен во время авианалета, дочь опознает изуродованное тело отца и сразу же выходит замуж за молодого Портмана. Очевидно, они только и ждали, когда сэр Тони откинется. Проблема была в том, что он не был мертв, не так ли?

— Мне нечего сказать по этому поводу. — Лицо Портмана попыталось изобразить скуку. — Продолжай свою извращенную версию.

— Ирония судьбы, а? Через несколько дней после свадьбы в Чаринг-Кросском госпитале умирает мужчина. Он бродил по улицам в полубессознательном состоянии с травмой головы и не мог говорить. Поскольку он был одет в пижаму и не имел зубных протезов, и никто не вызвался забрать его, идентификация не представлялась возможной. Но, конечно, после смерти полиция провела всеобъемлющее расследование и установила личность. Это был сэр Тони.

Дело было связано с большими деньгами, поэтому, конечно, появилось много вопросов. Коронер хотел знать, кому на самом деле принадлежало тело, не так ли, Портман? Полиция хотела знать, каким образом сэр Тони получил травму головы. И я подозреваю, что Юридическое общество со своей стороны тоже хотело знать, как его член оказался вовлечен в такое дурно пахнущее дело.

— Все это очень интересно, Джервейс, — вмешалась мисс Фараон, — но мало что проясняет. Ты обвиняешь Дерекка в каком-то странном деле с телами? Или даже в убийстве?

Хайд пожал плечами.

— Кто знает, что произошло на самом деле? Стоукс? Дэнби? Они мертвы, и тайна может уйти с ними в могилу навсегда. Я хочу сказать, что полиция обратила внимание на то, что любой мог проскользнуть через черный ход, чтобы ударить Дэнби. И, возможно, у distinguished Памелы Фитч-Портман есть отличный мотив, защищающий ее наследство. Как вам такой расклад?

Заключительную часть Портман слушал, наполовину закрыв лицо руками. Теперь они закрывали его полностью, вырывающееся из под них специфическое сопение сопровождалось вздрагиванием плеч.

— Дерек, что с тобой? — спросила мисс Фараон.

Портман поднял свое большое лицо, чтобы показать всем, что он сотряслся в беззвучном смехе. Наконец он отдышался и взревел:

— Как вам такой расклад? Как вам такой... ха-ха-ха... простите, это лучшая... лучшая конфабуляция⁶², которую я когда-либо слышал вне стен суда. Хайд, тебе следовало бы пойти в адвокатуру.

Он вытер глаза и принял стакан бренди от Мартина.

— Благодарю. Полагаю, я должен объяснить, что произошло на самом деле. Раздел о завещании по существу правильный. Стоукс знал, поскольку был одним из свидетелей завещания сэра Тони. Что касается остального, я даже не знаю, с чего начать опровержение. Дело в том, что у нас с Памелой не было никаких планов на деньги старика, как он думал. Мы получили специальное разрешение на брак и сказали ему об этом. И — самое смешное — он смягчился! Он собирался составить новое завещание, по которому Памеле отходило все, без всяких условий. Но его убила бомба.

— Это ты так говоришь, — пробормотал Хайд.

— Ты до сих пор не понял, верно? Согласно старому завещанию одного факта, что мы *обратились* за разрешением на брак, было достаточно, чтобы оставить нас ни с чем. Неважно, кто и когда умер, мы потеряли все, кроме загородного дома. В известном смысле у нас нет теперь даже его. Куда делся наш мотив для убийства?

— Но почему вы так торопились пожениться после его смерти?

— По-видимому, — ответил Портман, — это то, что вы со Стоуксом так и не поняли. На данный момент это все, что я хотел сказать.

— Думаю, я поняла, Дерек. — Мисс Фараон помешала свой кофе. — Но у тебя есть теория по поводу убийства Фрэнка?

— Конечно. В любом случае мотив здесь не играет никакой роли. Давайте посмотрим на алиби. Если не брать в расчет сумасшедших, убийца, он или она, должен был действовать в одиночку, и мы должны выяснить, где, опять же, он или она, лжет.

Для начала давайте отсеем тех, у кого алиби нет: Бренда Латимер, Леонард Латимер, Шейла Тавернер и Мартин Хьюз. И еще — я бы хотел отказаться от идеи устраивающего всех постороннего.

Теперь, что касается тех, у кого алиби есть: это мистер Фин, я и ты, Доротея. У нас с мистером Финном идеальное алиби. Мы были не последними, кто покинул дом, и не первыми, кто вернулся туда. Нас все время видели на пляже вместе.

62. Ложное воспоминание, в котором факты, бывшие в действительности, переносятся в другое время и могут сочетаться с абсолютно вымышленными событиями.

Но у тебя, Доротей, алиби довольно шаткое. Ты сказала, что видела Бренду, возвращавшуюся в дом после твоего ухода. Ты сказала, что у нее было орудие убийства. Бренда поддерживает тебя. Но у нас есть только *ваши, твои и ее, слова*. Никто не видел, кто из вас двоих покинул дом последним. Бренда собирается выйти замуж за твоего племянника, и вполне вероятно, что она лгала, чтобы выгородить тебя.

— Я не лгала! — сказала Бренда. — Я выбежала с ножом в руке, а потом побежала обратно и...

— *И что?* Вы не можете вспомнить, куда положили нож. Может, это потому, что у вас не было никакого ножа? И вы никуда его не клали, потому что вы не возвращались?

Бренда с его округлившимися голубыми глазами и вздернутым носом являла образец невинности и как только попыталась заикнуться в ответ, мисс Фараон пришла ей на помощь.

— Ради бога, Дерек, прекрати издеваться над бедной девушкой. Если у тебя есть что сказать, говори прямо.

— Раз уж ты заставляешь меня об этом говорить, — сказал он. — Я нахожу необычным, что ты так и осталась старой девой. Знаешь, в старые времена все мы были немного влюблены в тебя. Помню, даже старый сэр Тони в своей неуклюжей и довольно куртуазной манере пытался проводить с тобой время. Но еще я знаю, что Фрэнк Дэнби запал на тебя.

— Ты шутишь.

— Нет. Я не могу не задаться вопросом, не пытался ли он воздать тебе должное по высшему разряду — по-простецки, как привык, разумеется.

Мисс Фараон покраснела.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Да все просто. Я утверждаю, что Дэнби в определенный момент пытался взять тебя силой, и этот опыт довольно прилично оттолкнул тебя от мужчин на всю жизнь. Я вижу, ты качаешь головой. Ну, что бы ты ни говорила, я представляю любую встречу между тобой и Дэнби как непреодолимую силу, несущуюся навстречу непоколебимому препятствию. Нет?

Но все равно давайте продолжим эту линию рассуждений и посмотрим, куда она нас приведет. Ты придумываешь, как его убить, и устраиваешь встречу по случаю воссоединения. Стоукс выясняет твой мотив и предъявляет его тебе по телефону, после чего погибает. Затем ты подкидываешь несколько ложных следов и отвлекающих маневров всех цветов радуги, но реальным будет только путешествие в Суссекс, которое ты спланировала, чтобы добраться до Дэнби. *Ты* организовала поездку, и *ты* же организовала свое алиби с Брендой. Это все удалось сделать, с чем я тебя и поздравляю.

Мисс Фараон открыла рот, закрыла его и наконец изрекла:

— Дерек, ты, должно быть, держишь меня за круглую идиотку. Ты полагаешь, что — на минутку — я организовала убийство, чтобы обвинить двух невинных людей? Стала бы я делать Бренду своей сообщницей и бросать худшие подозрения на бедную Шейлу? Безусловно, не стала бы. Надеюсь, для такого я еще не выжила из ума.

Я также надеюсь, что слишком умна, чтобы бросать дикие обвинения. Поэтому я не скажу вам, кто убил майора Стоукса и Фрэнка Дэнби. Зато скажу, кто этого не делал:

Во-первых, я думаю, что оба убийства совершил один человек. Это исключает Леонарда и Веру Латимеров, которые находились за пределами страны, когда Стоукс умер. Это исключает Шейлу и меня, потому что мы были вместе, когда он умер. Это исключает мистера Фина и Дерекка Портмана, а также Мартина, из которых никто не мог убить Фрэнка.

— Подожди минутку, — сказал Хайд. — Получается, остаюсь только я!

— Или посторонний, Джервейс. Или же мое предположение оказалось неверным, и убийства, возможно, были совершены группой лиц. Короче говоря, заговор.

Мартин хихикнул.

— И ты еще говорила, что майор сошел с ума!

— О, я имею в виду не Красный заговор, а обычное убийство по сговору. Я ничего не говорю о мотивах или алиби и всего лишь придерживаюсь стандартных схем. Первое, убийства совершил Джервейс. Второе, это сделал посторонний. Третье, сговор. Однако я считаю, что должна быть возможность выяснить, что является истиной.

Латимер вытер рукой лоб.

— Я не думаю, что нам следует навязывать фактам готовые схемы, но пусть они говорят сами за себя. Хайд, ты ненавидел и Стоукса, и Дэнби, так что у тебя есть «мотив» — и даже если ты этого не делал, ты уже достаточно спился и достаточно не в своем уме, чтобы попробовать выкинуть что-нибудь этакое. Что касается алиби, то у тебя его нет. И все же я не стал бы тебя обвинять, потому что... потому что считаю, виновата, должно быть, Шейла Тавернер, и точка.

Посмотрите, как все оборачивается против нее: ее видели, как она обходила дом сзади; на задней двери нашли ее отпечатки пальцев; к тому же, как я понимаю, она солгала об этом. И мы знаем, что в ней сидела давняя обида на охранное агентство Тринкхэма, когда Дэнби поймал ее на краже.

Кроме того, все говорят про импульс, что это действия безумца, неподготовленный и безрассудный поступок. Это тоже соответствует картине преступления. Шейла увидела фото Дэнби в униформе, что всколыхнуло в ней прежнюю ненависть, и она взбесилась.

Портман что-то промямлил.

— Что ты сказал?

— Ничего, продолжай.

— Это моя точка зрения, и вы должны признать, что она довольно сильная.

— Она вряд ли может быть слабее, — сказала мисс Фараон. — Шейлу арестовали за мелкое воровство, кражу в магазине несколько лет назад. Она не сумасшедшая, поэтому я не понимаю, почему она должна убить совершенно незнакомого человека из-за такой ерунды, спустя много лет. Тем более сейчас. Она заплатила за свой проступок, у нее есть приличная работа и дом, и она занята воспитанием дочери. Нет, есть там отпечатки пальцев или нет, она просто не могла этого сделать.

— Это говорят эмоции, — возразил Латимер, — а не логика.

— О, и логика тоже. Надо полагать, у Шейлы хватило бы ума надеть резиновые перчатки, чтобы открыть кухонный люк и орудовать ножом. Как же она могла так неосторожно оставить отпечаток на задней двери? Нонсенс.

— Я не думаю, что оставила нож на кухне, — высказалась Бренда. — Я уверена, что оставила его в гостиной. Разве это не снимает обвинения с Шейлы?

Портман улыбнулся.

— Если бы я был вашим адвокатом, юная леди, я бы не советовал вам менять свою историю сейчас, если вы не абсолютно уверены. Это может выглядеть... Понимаете, что я имею в виду?

Мартин вздохнул.

— Все произошло так быстро, и я подозреваю, мы здорово влипли. Когда я обнаружил тело...

— Вы обнаружили его первым? — осведомился Фин. — Раньше мистера Латимера?

— Нет, — сказал Латимер. — Мы обнаружили его вместе. Я, по крайней мере, уверен в этом.

— Вы не выглядели уверенным в чем-либо, когда я увидел вас. — Фин повернулся снова к Мартину: — Что вы можете вспомнить?

— Я почти уверен, что вошел первым. Я просто... я просто был парализован, когда увидел его. Просто остолбенел. Затем мистер Латимер сказал: «Сделайте что-нибудь!», поэтому я подошел к нему и попытался вытащить эту штуковину... она, казалось, застряла!

— Вы, наверное, просто ослабели от шока, — сказал Фин. — Боюсь, вы уничтожили отпечатки на рукоятке.

— Я знаю, что сглупил, но... Я думал, что его можно было спасти, хоть как, лишь бы побыстрее вытащить из него этот проклятый нож.

— Тогда мы приходим к тому, — заключил Портман, — что практически любой из нас мог это сделать. Мне кажется, вечернее обсуждение прошло впустую. Я... *Господи!*

Как два безмолвных призрака, — призрак мадонны с младенцем-призраком, — Шейла и Миа Тавернер вплыли в комнату.

Шейла стояла в нерешительности, разглядывая шок на их лицах.

— Они нас отпустили, — сказала она. — Я имею в виду, они меня отпустили. Извините, я не хотела врываться. Я просто уложу Мию спать и...

— Садись сюда, — предложила Бренда. — Я сама уложу Мию. Ты, должно быть, смертельно устала, бедняжка. Выпей чего-нибудь. — Затем наступили минуты электрической активности, все пытались помочь молодой женщине, стараясь избежать вопроса, который крутился у них в голове. Наконец после того, как они усадили ее в мягкое кресло, дали мягкую подушку, сигарету и стакан бренди, мисс Фараон могла спросить:

— Что заставило их передумать, Шейла?

— О, я точно не знаю. Думаю, они проверили мое досье, выяснили, что я никак не могла знать мистера Дэнби. И они узнали, на чем меня поймали — на этой чертовой пачке сахара. О да, и я рассказала им о том, как вошла в кухню, что слышала и все такое.

Мисс Фараон опустила на колени перед девушкой.

— Расскажи-ка нам все по порядку, Шейла. Так будет лучше.

— Ну хорошо, — шмыгнула носом Шейла. — Понимаете, мы с Мией отправились на пляж погулять. Я ненадолго прилегла, а она... Видимо, я задремала или типа того, а она убежала.

Ну, я бросилась искать ее по всему пляжу, смотрела в воду, а у самой в голове: «Господи, она утонула!» Тогда я направилась к вам, и вдруг заметила, как Миа прячется от меня между домами. Поэтому я пошла за ней. Я прошла мимо мистера Хайда, только у него за спиной, так что, думаю, он меня не видел. Я обошла дом сзади — незаметно для нее. О, она может притвориться маленькой чертовкой, когда захочет. Я увидела, что задняя дверь мистера Дэнби открыта, подумала: «Ага!» и прокралась внутрь. Никаких признаков! К тому времени я действительно сошла с ума. Я все еще оглядывалась, когда услышала что-то в гостиной.

За рассказом об игре в прятки к ней вернулось некое подобие жизнерадостности. Теперь оно исчезло; она выглядела снова измученной, когда только вошла в комнату.

— Я услышала шаги, и мистер Дэнби произнес: «Кто вы, черт возьми?» Потом он издал этот ужасный рвотный звук.

Я тут же развернулась и убежала.

Фин прочистил горло.

— Вам не было страшно, что Миа может быть в гостиной? Что она может быть в опасности?

— Я совсем не думала об этом! Я имею в виду... все говорили об убийстве... и этот звук... Я просто запаниковала. Я убежала на дорогу и попыталась позвать Мию, но у меня перехватило дыхание, я едва могла что-то крикнуть. А потом она подкралась ко мне сзади и сказала: «Бу, мама!» В жизни своей никогда так не радовалась. И я заплакала. — Она уже

была готова расплакаться снова, но размазала подступившие слезы и продолжила:

— Потом я услышала, как мистер Латимер кричит, что кто-то умер, и мы пошли к главному входу, а там уже толпилась куча народу. В толпе я почувствовала себя в безопасности.

— Потрясающее, — сказал Хайд, — свидетельство очевидца!

Фин был более осторожен.

— Вы абсолютно уверены, что узнали голос Дэнби, ведь раньше вы его не слышали?

— Уверена. Полиция много раз меня об этом спрашивала. И они постоянно спрашивали о шагах. Были ли это высокие каблуки? Были ли они мягкими? Тяжелыми или легкими? Я сказала им, что ничего особенного, шаги как шаги. Я даже не знаю, мужскими они были или женскими. Мне бы лечь сейчас.

— Только один вопрос, — сказал Фин. — Вы видели кого-нибудь еще в задней части дома? На дороге? Вообще кого-нибудь?

— Нет.

— Очень любезно с вашей стороны подбросить меня до дома, мистер Портман. — Фин пристегнулся ремнем безопасности и откинулся назад в роскошном Роллс-Ройсе.

— Без проблем. Мне все равно по пути. Скажите, что вы думаете о свидетельстве мисс Тавернер? Вы верите ей?

— С этими внезапными откровениями сегодня вечером я совсем не знаю во что верить.

Несколько секунд Портман ехал молча.

— Если она говорит правду, мы ищем постороннего. — Он потянул галстук и ослабил его. — Это усложняет дело, да?

— Думаете о своей жене? — неожиданно спросил Фин.

— А? Почему, нет. На самом деле, я думал о жене Латимера. — Когда Фин не ответил, Портман повернул к нему свое актерское лицо. — Вы действительно не знаете? Так, так. Интересно, почему он не поднял этот вопрос сегодня вечером?

— Не поднял вопрос о чем?

— О том самом факте, — раз он так любит факты, — что его жена несколько лет назад провела какое-то время в психиатрической больнице.

— Подождите, — сказал Фин и отвернулся, чтобы улыбнуться. — С каждой минутой дело скатывается во все большую традиционность. У нас уже есть «мрачный слуга» и вот теперь «опасный сумасшедший». Классическое убийство в загородном доме. Все, что нам нужно, это дворецкий-похититель драгоценностей, секретарь-растратчик и, положим, брат из Канады.

— Вы можете смеяться, но...

— Кто смеется? Я полностью выхолощен и разочарован. Так что избавьте меня от бессмысленных сплетен.

— Как пожелаете. Только сплетня исходит от моего коллеги, который вел это дело. Видите ли, она чуть не убила Латимера, ранив его ножом.

— Что *она*? Не могу в это поверить!

Портман торжествующе улыбнулся.

— Как-нибудь попросите Латимера показать вам свой шрам.

Глава одиннадцатая

Следующий день выпал на субботу, и вечером Латимеры отмечали помолвку их дочери с Мартином Хьюзом, куда был приглашен и Фин. Но независимо от этого утро он собирался провести в обществе самых знаменитых детективов мира: Шерлока Холмса, патера Брауна, Огюста Дюпена и многих других.

Долгое время он открыто заявлял, что лучшая тренировка для ума настоящего сыщика — это изучение случаев из практики тех героев, для которых самая непроницаемая, туманная тайна представлялась столь же прозрачной, как увеличительное стекло. А поскольку все Разгадчики вышли из школы детективной литературы, любой из них, превратившись в убийцу, мог найти механизм своих преступлений в любимом чтении перед сном. С этими мыслями Теккерей Фин снял трубку у телефона, расчистил место за обеденным столом и погрузился детективные фантазии.

Через некоторое время он прекратил это занятие, чтобы напомнить себе о других планах на день: изучение заметок о смерти Дэнби, уборка квартиры, еда и покупка подарка для Брендды и Мартина.

С одной стороны, он знал заметки наизусть, с другой, совершенно не знал, что дарить влюбленным.

Что касается уборки квартиры, это была невыполнимая задача. Одна только гостиная для наведения в ней порядка потребовала бы труда толкового и близкого по духу библиотекаря: почти вся мебель и большая часть пространства пола были завалены груды книг и рукописей. Даже соседство этих куч было стратегически важным, поскольку обеспечивало созданную по особому принципу систему обнаружения. Фин знал, что может в любой момент подойти к креслу у окна и найти скромную подборку книг по кельтской мифологии, рядом с которой будет лежать книга Маллери «*Пиктографическое письмо североамериканских индейцев*»⁶³ с недописанной статьей Фина о петроглифах⁶⁴. Исследование чашевидных знаков и кругов⁶⁵, разумеется, отправляло его к криптоанализу⁶⁶, поэтому неудивительно, что следующая груда содержала «*Manuale di crittografia*»⁶⁷ и ворох неудачной дешифровки. Место под окном занимали книги о подделках и коробка слайдов с примерами биологического миметизма: цветок, имитирующий насекомых; насекомые, подражающие цветкам; птицы, похожие на бабочек; соцветие в виде отпечатка птичьей лапы. Фин уже не помнил, в чем состояла его первоначальная идея ассоциировать миметические слайды с Каббалой (один вопрос) и непонятно почему с *Реестром клоунов* (другой), но ему не хватало беспощадности разрушить оригинальную систему придуманных им же ссылок, чтобы добраться хотя бы до собственного письменного стола. Рабочим местом для него теперь служил стол обеденный.

К полудню он отказался от приключений вымышленных детективов и сосредоточился на запутанной истории Разгадчиков. Тем не менее, пробежав по списку «цветовых» подсказок, он почувствовал отпечаток книжной тайны на всем деле.

За всем этим должен стоять кто-то один, один из семерки. Кто бы еще стал устраивать семь необъяснимых инцидентов, каждый из которых был связан с определенным цветом радуги? Он составил два списка.

63. Пиктография — рисуночное письмо. Маллери, Гаррик (1831 — 1894), американский этнограф, специализировался на быте североамериканских индейцев.

64. Петроглифы — наскальные изображения.

65. Чашевидные знаки и круги — вид наскальных изображений, углубления в камне.

66. Наука о методах дешифровки зашифрованной информации без предназначенного для этого ключа, а также сам процесс такой дешифровки.

67. «Руководство по криптографии» (итал.).

Жертвы

Стоукс.....боялся Грина (зеленого), умер загадочной смертью.
Портман.....апельсин (оранжевый), брошенный в окно.
Латимер.....вырванная страница из Желтых Страниц.
Хайд.....карточка с формулой индиго.
Фитч.....голубая краска на могиле.
Фараон.....украденные цветы (фиалки).
Дэнби.....умер после инцидента с «красным приливом».

Преступники?

«Грин» (зеленый).....социальный работник?
(племянник Фараон раз месяц выполнял неоплачиваемую
работу социального характера)
Оранжевый.....зеленщик? (отец Фараон держал овощную лавку)
Желтый.....адвокат? (Портман)
Индиго.....химик (Латимер)
Голубой.....художник (Хайд)
Фиолетовый.....?
Красный.....шпион?? (Стоукс говорил о красном заговоре)

Только при огромном желании в списках можно было отыскать смысл. Он решил попробовать метод свободных ассоциаций⁶⁷:

Цвет... масть... лошадь другой масти... Red Rum... muR deR... шифр майора... Красный заговор... красный прилив... Красное море... Мертвое море... морской конек — зебра⁶⁸, подкова... не было подковы — лошадь захромала... *Скачущие к морю* — ирландские писатели⁶⁹... Кельтские предания... зеленый трилистник?

В этот момент в его голове всплыла смутная цитата, и он прервался, чтобы посмотреть ее в кельтском «Видении Ронабви»: «И никто, ни бард, ни певец, не может истолковать это Видение, не обращаясь к старинным книгам, ибо полны значения все описанные в нем цвета коней...»⁷⁰

— Возвращаемся к лошади другой масти! — громко пробормотал он. — Я не более близок к истине, чем несчастный старый майор Стоукс.

Он обратился к справочнику: «В 1853 году фамилия Грин занимала семнадцатое место по распространенности в Англии и Уэльсе». По его подсчетам телефонный справочник Лондона содержал более двух с половиной тысяч Гринов. «Плюс, конечно, приблизительно девять миллионов тех, кто использует фамилию Грин в качестве псевдонима. Хорошо. Давай отретшимся от Грина и сконцентрируемся на двух смертях».

67. В психоанализе — процедура, при которой индивидуум свободно говорит обо всём, что приходит в голову, невзирая на то, насколько нелепым или неважным это может показаться.

68. В тексте: *sea-horse... zee-horse*, где «sea» и «zee» на слух воспринимаются одинаково.

69. «Скачущие к морю» (1904) — пьеса ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга (1871 — 1909).

70. Пер. Вадима Викторовича Эрлихмана. «Видение Ронабви» (или «Мечта Ронабви») — древнеуэльсская легенда.

День пролетел незаметно за тем, что он снова и снова прогонял одни и те же факты на страницах своего блокнота. К закату он смог сформулировать ряд вопросов, оставшихся без ответа:

Вопросы по смерти Эдгара Стоукса:

1. Каким образом он сломал ногти, не поцарапав стены?
2. Как возможный убийца узнал его адрес?
3. Его убили, чтобы не дать ему присутствовать на воссоединении? Если да, то почему? Кто боялся встретить его там?
4. Как возможный убийца добрался до него?
5. Существует ли какая-либо связь между возможным убийцей и Гринном?

Вопросы по смерти Фрэнка Дэнби:

1. Почему он жил затворником, словно «скрывающийся гангстер»?
2. Почему не обрадовался, увидев старых одноклассников?
3. Зачем ему сидеть и рассматривать море в подозрительную трубу, если на нем ничего не было? Почему проигнорировал необычное явление, случившееся там в следующие полчаса?
4. Почему такой энергичный человек, как Дэнби, не оказал сопротивления своему убийце?
5. Почему он был настолько равнодушен к воссоединению, что даже не вскрыл конверт с приглашением?
6. Почему мебель в комнате была отодвинута к стенам, словно там собирались устроить танцы или дикую драку?
7. Если Шейла сказала правду, тогда кто убил его?

Он откинулся назад, вглядываясь в полумраке в свои записи: «Я начинаю чувствовать себя Ватсоном без Холмса». Он поднялся, чтобы включить свет, и споткнулся о стул.

— О черт! «Не странно ли, мой дорогой Ватсон? Не странно ли, когда усталый как собака детектив обдирает себе голени в темноте?» «Но, Холмс, он не обдирает себе голени». «Действительно странно». Я... *Смотр!*

Он щелкнул выключателем, и вместе со светом в голове его тоже вспыхнуло.

— Точно! Собака пришла в ужас, издавая адские звуки, когда полицейский пришел забрать ее. Но почему же раньше так было тихо? Вряд ли кто-то дружил с собакой, у которой хозяин — отшельник. Следовательно, и тут не может быть никаких вопросов, в спальне кто-то прятался! Но это... это означает... конечно, рано или поздно я все равно бы пришел к этому выводу. Факты все есть. Всё, что мне действительно нужно знать, лгала Шейла или нет. Потому что если не лгала, тогда это по-настоящему классический случай. Надо скорее позвонить мисс Фараон.

Он повесил трубку, и телефон тут же зазвонил. Кто бы это ни был, он, должно быть, был пьян или звонил из неисправной телефонной будки в открытом космосе. Когда Фин крикнул: «Алло! Алло!», трубка что-то пропищала, затем последовало механическое жужжание, и послышался слабый голос, похожий на невнятное бормотание Старого Ходжа. В остальном была журчащая тишина. Звонил его американский издатель, интересуясь, не собирается ли Фин написать для него еще одну книгу. Полчаса с лишним на Фина изливался поток слов о текущей ситуации, быстрой пропускной способности, отзывах рецензентов и ответной реакции книжного рынка перед... пока он, наконец, не нашел способ прервать монолог: «Ал?... Ал, я перезвоню тебе».

На самом деле он не позвонил даже мисс Фараон, потому что увлекся новой теорией. Ему потребовалось еще несколько часов, чтобы разобраться в деталях, и где-то после

полуночи он был уверен:

«*Это все одна игра*». Один человек выследил Стоукса и сбежавшего Дэнби, убил их без всякого повода, не найдя другой причины, кроме как бросить вызов расследованию. Идеальное преступление — и, несомненно, будет еще несколько, прежде чем игра закончится.

Только один человек, на которого он мог подумать, любил такую игру умов: Доротея Фараон. Именно она выбрала Фина в качестве противника в первую очередь. Задача была ясна: она убьет Стоукса, затем Дэнби, потом еще трех Разгадчиков, одного за другим, пока ее не поймают. Конечно, она не собиралась быть пойманной, — она была настроена на это так же, как на любую логическую задачу или шахматную партию.

Все это имело смысл. Она наняла Фина. Она устроила так, чтобы он наблюдал за домом, пока Стоукса будут убивать. Ради Дэнби она организовала небольшую поездку на побережье Суссекса. Несомненно, она устроила все эти маленькие происшествия с «цветовыми» ключами, чтобы указать на свой план, определив Разгадчиков как предполагаемых жертв. И с таким интеллектом, как у нее, она, безусловно, могла совершить два загадочных преступления. Стоукс, похоже, был убит кем-то, кто мог проходить сквозь стены. Дэнби — как он только что доказал — был убит кем-то, кто мог не только проходить сквозь стены, но и оставаться совершенно невидимым!

Он снял трубку и набрал ее номер.

Незнакомый голос ответил: «Дом мисс Доротеи Фараон. Простите, кто ее спрашивает?»

— Теккерей Фин. Я не уверен, что она не спит в это время. Я только что посмотрел на часы, но если...

— Вы не могли бы оставить свой номер, мистер Фин? Вам перезвонят.

Он дал свой номер и повесил трубку. Через пять минут в дверь позвонили. Он открыл и увидел двух полицейских.

— Мистер Фин? Полагаю, это вы недавно звонили мисс Доротее Фараон, сэр?

— Да, я...

— Вы не смогли бы проехать с нами, сэр?

— Я не предполагал. Э-э... с ней что-нибудь случилось?

Полицейские переглянулись.

— Почему вы так решили, мистер Фин?

Глава двенадцатая

Свет горел по всему особняку мисс Фараон. У входа припарковались полдюжины разных полицейских машин и фургонов и еще несколько единиц официального транспорта без опознавательных знаков. Полицейские протягивали кабели, устанавливали прожекторы в саду, доставившим Фина крикнули, чтобы смотрели под ноги. Казалось, у каждой двери, внутри и снаружи, стоял охранник. Миновав несколько постов, Фин очутился в гостиной, где за карточным столом сидел человек в штатском. Он поднял глаза.

— Наш последний звонивший? Отлично, отлично. Мистер Фин, если не ошибаюсь? Эф-И-двойное Эн?

Фин написал свою фамилию и адрес.

— Отлично, отлично, присаживайтесь, мистер Фин. И рассказывайте.

— Рассказывать о чем? — Фин сел.

— О, обо всем. Например, почему вам вздумалось звонить богатой старушке в... ваш звонок зарегистрирован в 01.43 ночи.

— Я же сказал по телефону, что не следил за временем, пока не позвонил.

— Рассеянность, вроде того? — Мужчина склонился немного вперед, словно хотел раздаться в плечах. — Ну, не будем спорить, дружище. Вы хотели знать, обнаружил ли ее кто-нибудь, не так ли?

— Обнаружили кого?

— *Вы* же знаете.

— Он спросил, — сказал один в форме, — не случилось ли с ней чего, сержант. До приезда сюда.

— Seriously? — Сержант взглянул на наручные часы. — Мистер Фин, у нас дел по горло. Что, если вы просто расскажете нам, как и зачем вы это сделали, и мы покончим с этим, а?

— Сержант, если позволите, я не стану увливать,. Я узнал от огромного количества полицейских, что кто-то убит, и понял из ваших намеков, что это мисс Фараон. Теперь, если вы потерпите минутку, я расскажу, что мне известно.

— Отлично, отлично. — Детектив сержант сидел и слушал рассказ Фина, периодически делая пометки. Наконец он произнес:

— Вы говорите, что провели весь день дома и не пошли на эту вечеринку?

— Я совсем про нее забыл. Но у меня нет железного алиби на время смерти.

— И в какое же время это произошло? — быстро спросил полицейский.

— В какое бы время это ни произошло. Предположительно после того, как мисс Фараон вернулась с вечеринки.

— Она не была на вечеринке. Кто-нибудь видел вас дома сегодня вечером? Кто-нибудь звонил вам?

— Нью-йоркский издатель... Но я не уверен со временем.

— Оставьте мне его имя и адрес, и можете ехать домой. Мы свяжемся с вами в случае необходимости.

— «... опять же, прошу никуда не уезжать из города», — досказал Фин. — Уже не могу уехать из-за двух других убийств, сержант. Поэтому буду стараться держаться рядом. Но я бы не возражал поговорить со старшим инспектором Гейлордом, если он тут.

— У вас есть что добавить к тому, что вы рассказали мне?

— Нет, все наоборот. Я надеюсь, что *он* сможет рассказать мне о том, что здесь произошло.

— Он не сможет и не будет этого делать. Впрочем, подождите минутку.

Сержант вышел из комнаты, и в ту же секунду полицейский констебль занял пост у двери. Оставшись под присмотром, Фин бросал неутешительные взгляды на письменный стол-бюро мисс Фараон, стоящий в углу, зная, что не будет допущен к нему и на десять футов. Затем вошел Гейлорд, отпустил констебля и сел в кресло.

— Вижу, вы не теряете время даром, Фин. — Он начал тереть глаза. — Я все еще не могу заснуть со времени вашего последнего убийства. Если вы планируете убить остальных из этой толпы сумасшедших, сделайте одолжение, убейте их всех сразу, хорошо?

— Что случилось?

— Похоже, снова всплывает домработница. По крайней мере, нам больше не на кого это повесить.

— Слушайте, вам не кажется, что мисс Тавернер достаточно натерпелась за

последние дни? Почему бы не оставить ее в покое?

— Почему, почему... Потому что она уже привлекалась и подозревается сейчас в другом убийстве, у нее неубедительное алиби, она была последней, кто видел покойницу живой, и она же обнаружила тело. Если этого недостаточно, она упоминается в завещании. — Гейлорд зевнул. — Полагаю, вы хотите взглянуть... да, хотели бы. Мы можем, э-э, организовать быстрое «опознание тела» прямо на месте преступления.

Он повел Фина темной лестницей в просторную, обшитую панелями спальню на втором этаже. Суетливая толпа мужчин сновала по комнате, подметая частицы почвы, фотографируя в темных углах, посыпая дактилоскопическим порошком высокий платяной шкаф из красного дерева. Раскручивались рулетки. Среди всей этой бурной деятельности маленькая тихая фигурка на полу казалась лишним кадром, вырезанным за ненадобностью из того, что уже было отснято.

Мисс Фараон лежала в старомодной ночной рубашке с оборками. Она лежала лицом вниз, но нельзя было ошибиться, глядя на эту маленькую коренастую фигуру с растрепанными седыми волосами, которые теперь потемнели от засохшей крови. Фин успел бросить беглый взгляд на лицо, прежде чем ему сделалось дурно.

— Доктор говорит, что ударили по голове тупым предметом, затем задушили удавкой. Ни одно орудие в доме не найдено.

— Что за орудия?

— Тупой предмет — необычной формы, доктор полагает, что это клюшка для гольфа. Драйвер⁷¹, если вы знаете, что это такое.

— Не знаю. А удавка?

— Опять же странно. Похоже на ленту из чего-то твердого. Может быть, железо.

Фин отвернулся.

— Не возражаете, если мы перейдем в другое место?

— Нисколько. Надеюсь, вы заметили пятна, похожие на гематомы, на задней поверхности ее ноги, мистер сыщик-любитель?

— Не совсем. — Фин, пошатываясь, вышел из комнаты. Он добрал до края лестницы уперся в какую-то балясину и перегнулся через перила. Старший инспектор Гейлорд схватил его за руку, не дав ему упасть. Фин тут же выпрямился.

— Извините. Вы что-то говорили о гематомах?

— Доктор говорит, что это не гематомы, а трупные пятна — что-то связанное с тем, что происходит с кровью после остановки сердца, типа того, что она оседает и все такое. Во всяком случае, это указывает на то, что тело некоторым образом было перевернуто, и, конечно, мы хотели бы знать, почему. Давайте спустимся, и я расскажу вам, что именно произошло.

На лестнице мимо них прошел мужчина с плоским чемоданчиком. Он остановил Гейлорда и что-то ему тихо сказал.

— Господи, ушам своим не верю... У нее в кулаке? В любом случае это уже что-то.

Когда они снова расположились в передней гостиной, Гейлорд сообщил:

— У нас есть улика. Она зажала запонку от рубашки устаревшего фасона. Интересно, кто сегодня расстроится, недосчитавшись запонки? Полагаю, кто-то из тех, кто был на вечеринке.

Он зевнул, и орлиный нос, казалось, защелкнулся, как клюв, вцепившись в его кулак.

71. Клюшка для самого дальнего удара, имеет наименьший угол наклона головки и самую длинную ручку.

— Вот что мы имеем на данную минуту: мисс Фараон была здесь весь день со своей домработницей. Мартин Хьюз тоже находился здесь, работал в саду. По всей видимости, мисс Фараон собиралась пойти на вечеринку, но потом, около четырех часов, она позвонила и отказалась, мотивируя решение тем, что у нее разболелась голова, мигрень и все такое. Она предупредила Мартина, чтобы не ждал ее на вечеринке. Он ушел, после чего она — со слов домработницы — выпила некрепкого чаю и приняла ванну в районе шести часов, потом поднялась к себе в комнату и уже не выходила.

У Шейлы Тавернер, домработницы, в субботу, как правило, вечер свободный. С ребенком сидит миссис Гордон, живущая в соседнем доме.

— Удивительно, — сказал Фин. — Никогда бы не подумал, что в таком районе найдутся люди, готовые нянчиться с детьми.

— Миссис Гордон не хозяйка дома, она квартирантка. Полдома разделили на крохотные квартиры и меблированные комнаты. Обычно Шейла Тавернер перед уходом оставляет ребенка у миссис Гордон и наутро забирает. Она говорит, что напоила — Мию, правильно? — Мию чаем в семь часов, отвела ее и вернулась, чтобы подготовиться к уходу.

— Где она, кстати?

— У нее есть бойфренд в Кеннингтоне, с которым она отрывается в местном клубе. Мисс Фараон обычно разрешала ей брать свой желтый мини, но в этот раз хозяйка дала машину с условием. Мисс Фараон попросила Шейлу предупредить ее, когда она будет готова — ей нужно было, чтобы она кое-что доставила по дороге.

— Какого рода доставка?

— Я подхожу к этому. К девяти часам Шейла была готова и постучала в дверь спальни мисс Фараон. Мисс Фараон открыла дверь и дала ей конверт, который нужно было доставить в дом Латимеров и передать Мартину Хьюзу лично в руки.

— Странно. Это был подарок? Чек?

— Хьюз говорит, нет. Только что по телефону он сообщил мне, что это какая-то очень крутая головоломка или что-то в этом роде, и мы велели ему привезти ее сюда прямо сейчас. Также мы связались с Латимерами, и они подтвердили эту информацию. Представляю, как все чесали в затылках, когда увидели, что прислали Мартину.

— Мисс Фараон говорила что-нибудь, когда передавала записку?

— Только то, что Мартин Хьюз должен получить ее лично. Потом она попросила Шейлу сделать ей чашку какао и оставить на столике перед дверью. И еще сказала: «Пока будешь на кухне, проверь заперта ли задняя дверь». Шейла говорит, что все сделала, как ее просили, постучала в дверь, крикнула, что какао на столе, и ушла. Она сразу поехала к Латимерам, передала Мартину записку и, поболтав минуту с остальными, отправилась в Кеннингтон. Мы запросили тамошнюю полицию проверить эту часть вечера с другом. По словам Шейлы, они были в клубе, потом отправились к друзьям парня на кофе, после чего она поехала домой. Она увидела свет в комнате мисс Фараон и нетронутое какао перед дверью. Она забеспокоилась, вошла в комнату и обнаружила тело. Нас вызвали в 00.58.

Фин кивнул.

— Итак, судя по всему, мисс Фараон умерла между девятью вечера и часом ночи. Полицейский хирург не сузил этот промежуток?

— Сузил. Он не хотел этого делать, но я надавил на него. Формально, сказал он, она умерла до одиннадцати часов вечера.

— А неформально?

— Он уверен, что она умерла до десяти.

Сыщик записал это.

— Тогда все просто, обычная полицейская процедура. Найдите, у кого нет алиби на это время и кто выигрывает от ее смерти.

— Такой человек, как я уже говорил, у нас есть: Шейла Тавернер. Она могла без проблем подняться с какао, ударить свою хозяйку, задушить ее, и потом спокойно отправиться по своим делам. Чтобы добраться до Кеннингтона, ей нужно было проехать по мосту через реку, — там она достаточно легко могла избавиться от орудия, бросив его в воду. Мы нашли завещание в угловом бюро, по которому Шейла получает пятьдесят тысяч фунтов. В завещании говорится, что это копия завещания, хранящегося у доверенных. Пока будем считать его подлинным.

— Что получают другие, шеф?

— Вторую сумму в пятьдесят тысяч она завещает своему доброму другу Леонарду Латимеру, остальная собственность — поместье, включая этот дом и пару других владений, а также около двухсот тысяч фунтов — отходит ее племяннику Мартину Хьюзу.

Фин сделал новую запись и ухмыльнулся.

— Вот еще двое подозреваемых. Как у них с алиби?

— Дождемся Хьюза и узнаем. Но в остальном вы довольны нашей работой? — Тон Гейлорда был ироничным. — Мы нигде не промахнулись?

Фин отнесся к вопросу серьезно.

— Вы не выяснили, Шейла или кто-то еще держали здесь клюшки для гольфа? Если нет, то откуда взялось орудие убийства? Не бойфренд.

— Почему нет, Фин?

— Потому что тогда он либо одолжил их ей без всякой задней мысли, о чем скажет и тем самым сдаст ее, либо сам замешан в этом. Но если он замешан, почему же не пришел и не совершил убийство, пока она устраивала свое алиби? В любом случае зачем что-то тащить со стороны, когда дом напичкан подходящими орудиями убийства? Нет, либо клюшки принадлежали кому-то другому и хранились здесь, в доме, либо убийца специально принес клюшку с собой.

— Очень ловко сказано. — Полицейский улыбнулся. — Но это не все, что у нас есть против нее. Есть вопрос по безопасности. Задняя дверь была заперта, на окнах специальные запоры, входная дверь оборудована хорошим секретным замком. У нас остается только открытое окно в комнате смерти, и мы не нашли на нем никаких признаков, что им каким-либо образом воспользовались.

— Подождите, не так быстро. Что там с замком входной двери?

— Замок зарегистрирован. Ни один слесарь не может изготовить для него ключ без письменного разрешения на то адвоката владельца, который должен уведомить полицию у кого хранится ключ. Сейчас ключи есть только у мисс Фараон и Шейлы Тавернер. И нет смысла даже гипотетически попытаться взломать такой замок — тут требуется специалист.

Нет, как я уже говорил, есть открытое окно наверху. Тридцать четыре фута над землей, внизу клумба, которую не трогали в течение нескольких дней. На подоконнике обычный слой пыли и никаких следов. Так что мы можем исключить грабителей-верхолазов, специалистов по водосточным трубам и прочую компанию. Убийца пришел с ключом.

Дверь открылась и в нее просунулась голова констебля.

— Хьюз здесь, сэр.

— Очень кстати. Проводи его сюда, Эванс, будь добр.

Мартин Хьюз вошел и наткнулся на стул. Его привычная напускная беззаботность исчезла, квадратные плечи опустились, а вытянутое лицо выглядело измученным и ошеломленным.

— Я не могу в это поверить. Это, должно быть... Это не может быть ошибкой? Кто-то другой или...

— Нет, сэр, это ваша тетя.

Мартин потер порез от бритвы на подбородке.

— Она была мне как мать. Мои родители умерли, когда я был совсем маленьким, и тетя... Тетя Доротея взяла меня к себе и вырастила как родного. У меня больше никого не осталось. Латимеры отнеслись ко мне по-доброму, но... Простите, инспектор. Чем я могу вам помочь?

— Извините, что вторгаюсь в ваше горе, мистер Хьюз, — мягко начал Гейлорд, — но есть ряд моментов, которые мы хотели бы прояснить. Первое: у вас есть ключ от этого дома?

— Что? Нет, уже нет. Значит, это был грабитель?

— Мы к этому еще вернемся. Вы имеете в виду, что у вас был ключ и вы его потеряли?

— Нет, у меня был ключ, но несколько месяцев назад замки сменили. По району прокатилась волна краж, и я убедил тетю Доротею установить хороший замок. Она хотела дать мне ключ, но я отказался.

— Почему, мистер Хьюз?

— Я строитель. На работе иногда приходится отдавать ключи рабочим, чтоб носили вещи. То есть постоянно следить за ключами я не могу. Как вы, должно быть, знаете, не все рабочие на стройке примерные граждане, поэтому любой может взять ключ без моего ведома.

Кроме того, ключ мне не особенно нужен, поскольку в основном я приходил сюда присматривать за садом. Но почему вас интересуют ключи?

— Просто пытаюсь понять. Не могли бы вы описать мне ваши вчерашние передвижения? Скажем, после полудня.

— Мои передвижения? Постойте, вы же не думаете?..

— Ваши передвижения. Если вы не поняли.

Мартин пожал плечами.

— Пожалуйста, если это поможет. Дайте вспомнить: днем я посадил несколько рододендронов в палисаднике. Обычно в это время я нахожусь на работе, но я хотел отдохнуть перед вечеринкой. Цветы, инспектор, это мой отдых. Потом я ушел оттуда... да, немного раздраженным, теперь, когда я вспоминаю об этом. Видите ли, тетя Доротея сказала мне, что не хочет идти праздновать помолвку. Сослалась на головную боль. Я заметил, что ничего страшного не случится, если она покажется там на полчаса. Уговорить ее все равно не удалось, и я отправился домой.

— Когда это было?

— Дома я появился около пяти. Потом принял ванну и оделся...

— Извините, оделись во что? Это был смокинг или что-то другое?

— Боже милостивый, нет. Мне удалось заставить себя носить костюм и галстук из уважения к пожеланиям Латимеров, но на самом деле они не настаивали на официальности. Тем неожиданнее было увидеть мистера Хайда, появившегося незадолго до моего ухода с вечеринки в смокинге. Странно, с чего бы это? К сожалению, у меня не было возможности поговорить с ним перед уходом.

Гейлорд выглядел заинтересованным.

— Теперь об этой записке. Вы говорите, что Шейла Тавернер привезла вам...

Мартин полез в карман пальто.

— Вот она. Надеюсь, вы что-нибудь поймете, я не могу. Полагаю, очередная тетина шутка. Она любит... *любила* головоломки и загадки.

Гейлорд прочитал записку, посмотрел на обороте и положил на карточный стол перед

собой.

— У Шейлы есть какое-нибудь объяснение?

— Никакого. Я думаю, она была немного раздражена тем, что ей пришлось неукоснительно следовать указаниям. Она сказала, что моя тетьа легла спать с головной болью, поэтому я подумал, что лучше не звонить ей.

— Да, я понял. Теперь я хочу, чтобы вы попытались вспомнить, когда кто прибыл, когда ушел, начиная с себя, конечно.

Мартин на некоторое время задумался.

— Я приехал около восьми, в одиннадцать миссис Латимер заметно устала, и я уехал. Видите ли, она уже приготовила фуршет, и никак не могла успокоиться в своей привычной манере, заваливая всех напитками и закусками. Это потому, что она не играет.

— Не играет?

— Ох, простите, я не объяснил. Большую часть вечера мы играли в триктрак⁷². Это новое увлечение мистера Латимера, и там был один из его деловых партнеров... Но позвольте мне начать с самого начала.

— Пожалуйста. Не торопитесь, мистер Хьюз.

— Хорошо. Я приехал в восемь и, кажется, был одним из последних. Мистер Портман с супругой, Латимеры естественно, Бренда, мистер Гарв, с работы мистера Латимера, уже находились там. Джон Эллиот и Мариан, его жена, приехали сразу после меня. Это старые друзья по Кембриджу. На самом деле они единственные друзья, которые у меня там были, пока я не ушел после первого года. И это, пожалуй, все гости.

Сначала было несколько коктейлей, затем фуршет. Где-то после девяти приехала Шейла. Она задержалась всего на несколько минут. Остаток вечера мы откровенно досиживали, играя в триктрак.

— Понятно. Кто-нибудь затрагивал тему убийства Дэнби?

— Нет. Дерек Портман однажды начал было говорить, но мистер Латимер прервал его. Он сказал, что люди не желают, чтобы что-то депрессивное омрачало «счастливое событие».

Фин взглядом попросил разрешения у полицейского, и тот кивнул.

— Это *было* «счастливое событие»?

— Ну, да. Скучное, но, думаю, счастливое. Мне никогда не нравился триктрак, но таково представление Латимера о безумных вечеринках, поэтому я не слишком высовывался. — Мартин вздохнул. — Если никто не против, можно теперь я спрошу?

— Думаю, — заметил Гейлорд, — вы хотите спросить, почему мы так интересуемся этой вечеринкой? Ответ в том, что все, у кого была хоть какая-то, самая минимальная, причина для убийства вашей тети так или иначе присутствовали на этой вечеринке.

— Включая меня, я полагаю.

— Вас, мистер Хьюз? — Гейлорд переусердствовал с притворным удивлением. — И какова же была *ваша* причина?

— Моя тетьа показала мне свое завещание, инспектор. Я знаю, что она была богата, и я ее главный наследник. Для полиции это всегда «мотив», не так ли?

— Думаю, мы можем отпустить вас, мистер Хьюз. Если вы зайдете завтра утром в участок, мы запишем ваши показания.

Когда Мартин ушел, Гейлорд сказал:

72. Нарды.

— Мне это совсем не нравится. Его безукоризненное алиби не вызывает у меня доверия. Я хочу поработать над ним.

Теккерей Фин закрыл блокнот.

— Я всегда считал, что полицейский должен быть объективным.

— Не верьте этому. — Гейлорд взял записку и прочитал ее снова. — Я ничего не понимаю. А вы что скажете?

Дорогой Мартин,

вот вам небольшая логическая задачка на несколько минут, чтобы вы там не скучали:

Едут на велосипедах судья и модель сначала вверх по холму, потом вниз. Один заядлый игрок подслушал, как букмекеры обсуждали шансы:

«Вверх по холму судья может идти на одну милю в час быстрее, чем модель».

«Да, но вниз она может съехать на десять процентов быстрее, чем он».

«Никто не знает ни сколько нужно проехать миль вверх по холму, ни их скоростей».

«Это не имеет никакого значения. Гонка — верняк».

Услышав это и зная, что букмекеры всегда осведомлены и врать не будут, заядлый игрок поставил деньги — на кого?

Твоя преданная тетя Доротея.

— Фин, что случилось? Вы смеетесь или плачете?

— Ни то, ни другое, спасибо. Наверное, я немного шокирован, видя, как ум моего покойного друга все еще потешается над живыми.

— Да-да, но каков ответ? Что это означает?

Фин вытер глаза.

— Ответ очевиден, но, поверьте, это не имеет никакого отношения к вашему делу.

— Это решать мне самому!

— Тогда, может, вы и задачку сами решите?

Гейлорд рассмеялся.

— У меня нет времени на игры, Фин. Скажите мне, или, клянусь богом, я арестую вас за сокрытие улик.

Пришла очередь смеяться Фину.

— Погодите с наручниками, шеф. Я все объясню. Только знать вы будете так же мало, как и я.

Глава тринадцатая

— На десять процентов быстрее... одна миля в час... — Гейлорд вздохнул. — Мне эти задачки с расстояниями никогда не давались. Скажите ответ, умоляю. На кого поставил этот парень?

— На судью, конечно. Если с холма она съезжает быстрее, а до этого быстрее идет вверх по холму, то само собой разумеется, что она победит мужскую модель.

— Судья — женщина? Так я и знал, что здесь какой-то подвох.

— На самом деле, нет, — сказал Фин. — Если букмекеры до конца честны, в гонке есть фаворит. Но поскольку они не знают ни скоростей, ни задействованных расстояний, утверждать так можно только при одном условии: судья — женщина.

— Очень мне это помогло. Я сижу здесь, играю в детские игры, вместо того, чтобы расследовать убийство. Вы были правы: эта маленькая головоломка бесполезна.

— Я так не говорил. Я сказал, *ответ* будет бесполезным. Полагаю, что сама головоломка может очень пригодиться в решении этого дела. Особенно, если мы узнаем, почему она отправила ее племяннику.

— Как скажете, Фин. Я предпочел бы сделать большое интервью с мистером Джервейсом Хайдом и посчитать запонки на его рубашке. Кстати, почему бы вам не поиграть в логические головоломки дома?

Фин взглянул на бюро в углу.

— Я лучше останусь здесь и...

— Фин, я сказал — домой. Считайте это полицейским приказом.

Фин с неохотой позволил проводить себя до парадной двери. Дорогу преградил констебль, разговаривавший с пожилой женщиной в халате и бигуди, которая где-то забыла свои зубные протезы. Она мельком взглянула на Фин и ткнула ногтем в его сторону:

— Это он! — завопила она. — Этого человека я видела выходящим отсюда!

— Отлично! — рявкнул констебль. Не без удовольствия он заломил руку Фин за спину и потащил его обратно в гостиную. Гейлорд, казалось, наслаждался зрелищем.

— Эй! — Женщина взвизгнула. — Не того. *Этого!*

Ноготь указывал мимо Фин, на старшего инспектора Джеремию Хакстейбла Гейлорда.

— Отпустите его, констебль, — процедил он сквозь зубы. — Думаю, нам лучше пройти внутрь и все уладить.

Через пятнадцать минут миссис Гордон поняла, что ошиблась.

— Ну, он был невысоким, как вы, — закончила она.

— Мадам, я выше среднего роста, — сказал Гейлорд. — Давайте вернемся назад, и вы нам расскажите еще раз, что именно вы видели.

— Ну... — она шлепнула себя по деснам, — я уже говорила, Шейла, как обычно, привела свою маленькую девочку *Мирию*. Я уложила ребенка спать, — хорошенькая такая, знаете, просто золотце, — и села у окна, чтобы посмотреть.

— Посмотреть?

— Я не любопытная, учтите. Мне просто нравится знать, что происходит вокруг. Знаете, у меня прекрасный вид из окна. Я вижу всех, кто входит и выходит из этого дома. Можете думать, что я подглядываю, если хотите, только...

— Да, миссис Гордон. Что именно вы видели?

— Становилось темно, и я уже собиралась бросить это занятие и пойти смотреть телик. Потом вижу *его*, — этого человека, — выходящего из дома. Крадучись так выходит. Понимаете, я не могла разглядеть лица из-за шляпы. Но невысокого роста точно, и был одет нарядно, в манишку и воротничок.

— Вы имеете в виду, — уточнил Гейлорд, — что он был в смокинге?

— Смокинге? Я поняла вас. Как официант... да, так и есть. Он был одет как официант из роскошного ресторана. Немного вычурно для чего-то такого, я имею виду. Наблюдаю я,

значит, и в следующую минуту вижу, как отсюда выходит Шейла. Наглая такая. Я представляю, что они могли сделать на пару с бедной мисс Фараон, она и этот официант.

— Но в то время у вас не было причин для подозрений?

— Нет. — Она замялась. — Но эти официанты всегда такие скользкие, не правда ли? Большинство иностранцы. Он действительно выскользнул тихо, как мышь. Да еще с этим белым пакетом для покупок. Не удивлюсь, если там полно серебра.

Я не знала, что и думать. Но времени глядеть в окно у меня уже не было, потому что начались новости с Ричардом Бейкером, моим любимчиком. Мне нравится его улыбка.

Когда констебль пошел провожать миссис Гордон домой, Гейлорд спросил Фина:

— Вы верите ее рассказу?

— Да, более того, я, кажется, знаю, что было в пакете.

Брови Гейлорда взметнулись вверх.

— Ясновидящий, что ли?

— Может быть. Скажите, вам случайно не попадался где-нибудь в доме гипсовый слепок со следа ноги?

— Нет. — Гейлорд задумался, потом сказал: — Подождите. Разве не вы говорили, что кто-то украл цветы, и остался след? И она залила в него гипс?

— Совершенно верно. А теперь слепок исчез.

— Самый дьявольский мотив из всех, о которых я когда-либо слышал. Ладно, будем иметь это в виду. Интересно, что наша соседка видела мужчину в шляпе и смокинге без пальто, вышедшего из дома около девяти часов, перед самыми новостями. И мы нашли запонку с рубашки, в которую жертва вцепилась мертвой хваткой. Сходится, не правда ли?

Глаза Фина вспыхнули диким огнем.

— Сходится? Совсем не сходится, шеф. Это неправильно, это... наоборот, это парадокс. Я имею в виду, когда вы спросите: «Она была убита одним из подозреваемых в убийстве Дэнби?», каков ответ? Да. И в то же время нет.

— Все, на сегодня достаточно, Фин. Спасибо за помощь, но дальше мы сами разберемся.

Послеполуденное солнце вливалось в одно из круглых окон дома Латимеров. Пылинки танцевали на свету, вдохновляя миссис Латимер на очередной раунд уборки.

— Я только вымыла здесь сегодня утром, — охала она, ни к кому конкретно не обращаясь. — И опять столько *грязи*. И этот котик, таскающий дохлых птиц, я прямо не знаю, что...

Фин поставил чашку на миниатюрный кофейный столик.

— Спасибо за кофе, миссис Латимер. Простите, что причинил вам столько неудобств.

— Неудобств? О, вы здесь ни при чем. Это полицейский, Гейлорд. Второй раз за день приходит сюда в грязных ботинках. Сейчас заперся с Леонардом в его кабинете, задает, я не знаю, какие-то ужасные вопросы только потому, что Фараоново создание мертво. Полагаю, они думают, что я...

Она смолкла, когда дверь с иллюминатором из матового стекла распахнулась, и вошли двое мужчин. Леонард Латимер, в выцветшем халате, прошаркал к крошечному диванчику и утопил в нем свое грузное тело. Старший инспектор Гейлорд сделал по комнате медленный круговорот, как патрульный, и в конечном итоге нашел пристанище у камина.

— Здравствуйте, Фин, — приветствовал сыщика Латимер, — прекрасно, что заглянули. Надеюсь, Вера не наговорила вам всяких глупостей.

— Глупостей? — быстро насторожился Гейлорд. — Каких, например.

Миссис Латимер снова заговорила сама с собой.

— Леонард продолжает твердить, что я ворчу, а я не ворчу. Я никогда не любила эту женщину и не буду любить. Бесплезно притворяться, как когда-то я делала ради нее. — Она повернулась к мужу и махнула тряпкой ему в лицо. — И не притворяйся, что у нее не было на тебя планов!

Гейлорд оторвался от камина.

— Вот здесь бы я хотел поподробнее, миссис Латимер. Допустим, я помогу отнести вам поднос на кухню, а вы тем временем все мне расскажете.

Когда они ушли, Латимер по привычке начал отчаянно приглаживать волосы.

— Я не знаю. Я просто не знаю. Нет, с этим пора кончать.

— Мистер Латимер, вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? Я понимаю, что полиция только что допросила вас, но личный долг заставляет меня сделать это. Мисс Фараон была моим другом.

— Нам всем будет не хватать ее, поверьте. Бренда сейчас у себя, делает вид, что читает воскресные газеты. Но я знаю, что она плачет. — Латимер судорожно вздохнул. — О чем вы хотели спросить?

— Сначала о том, что здесь происходило вчера вечером. Кто когда пришел, когда ушел?

Латимер пояснил, что все гости, кроме Джервейса Хайда, собрались, когда не было еще и половины девятого и пробыли до одиннадцати. Он уверен, что за это время из дома никто не выходил.

— На самом деле даже не из дома — из этой комнаты. Вера, конечно, не один раз выбегала на кухню и возвращалась, но остальные не выходили из-за столов.

— Столов?

— Мы убрали мебель и поставили здесь пару карточных столов для триктрака. Было тесновато, но мы просто сдвинули два стола вместе и добавили стульев из кухни. Получилось довольно уютно.

— И никто не выходил из комнаты?

— Ну, если только в туалет на пару минут. Я хочу сказать, никто не выходил отсюда, чтобы мчаться через весь город к дому Доротеи. Это невозможно, потому что в любом случае дорога займет двадцать минут туда и столько же обратно. Я могу поклясться, что никто не выходил из комнаты больше, чем на пять минут.

Фин сделал пометку.

— Но давайте предположим, ради интереса, что кто-то все же исчез на час. Как бы он смог выбраться отсюда?

— Верите, почти то же самое спросил у меня Гейлорд! Похоже, вы знаете свою работу, а? Ну, есть только два выхода. Парадная дверь, которая все время была у нас перед глазами, и задняя дверь на кухне. — Он кивнул в сторону арки, ведущей в столовую, через которую прошли миссис Латимер и Гейлорд. — Скажу вам больше: ни одна нога, кроме Вериной, не ступала в ту часть дома весь вечер. Она терпеть не может, понимаете, когда кто-то топчется на ее кухне.

— Тогда остается туалет. Можно мне взглянуть на него?

— Здесь прямо. — Латимер поднялся, вышел через дверь с иллюминатором и поплелся в конец коридора. — Уверяю вас, отсюда нет выхода, — сказал он, открывая дверь.

— Я вижу. — Фин вытащил лупу и подошел к окну в ванной. — Ага, закрашено

намертво. А эта дверь куда?

— В мой кабинет, куда я сбегаю от бесконечной Веринной приборки. Он без окон, потому что раньше там была постирочная.

Фин указал на две двери в середине коридора, расположенные напротив друг друга.

— А за ними что? Спальни?

— Нет, спальни на другой стороне дома, за столовой. Увы, далеко от ванной настолько, насколько можно представить. Нет, они... Ну, это старая боковая дверь наружу, полагаю, задумывалась как выход к гаражу. Но гараж так и не построили.

— В самом деле? — Лупа снова включилась в игру.

— Не тратьте время, мы никогда ею не пользуемся. Вряд ли она вообще открывается.

Фин вздохнул.

— Я вижу, тоже закрашено. И скважина замка вся ржавая изнутри. — Он посмотрел вниз на небольшой откидной клапан внизу двери. — Не думаю, что кто-то, кроме вашего кота, мог вылезть через это.

Латимер хихикнул.

— Мэгвич? Проблема в том, что он не вылезает, а, наоборот, все время норовит залезть. Целую вечность собираюсь заколотить эту чертову штуку, — он пробирается, чтобы напакостить. Ставит Вера закуску — опрокидывает ее.

Фин повернулся и открыл дверь напротив. Это был стенной шкаф, но, увидев только зонтики и обувь, Фин закрыл его.

— Нет никакого выхода. Все начинает представляться так, как вы говорите, — никто не покидал дома этим путем.

В сопровождении Латимера он вернулся в гостиную.

— В таком случае я не могу не задаться вопросом... Практически все, кого можно квалифицировать как подозреваемых, должны были находиться здесь.

— Ну, если вы хотите знать мое мнение, то нужно выбирать из Шейлы Тавернер или Джервейса Хайда. Судя по вопросам, которые мне задавала полиция, могу сказать, что они подозревают Хайда.

— О! Интересно, что они знают, чего не знаю я? — Фин протер лупу и убрал ее. — Когда он приехал?

— Пол-одиннадцатого — без четверти. Хайд чертовски непредсказуем, знаете. Конечно, мы его пригласили, но он нам отказал. Сказал, что куда-то уже приглашен. Поэтому не будет секретом сообщить вам, что он заявился вот так поздно, как снег на голову, пьяный и взъерошенный.

— Он был в смокинге?

— Полиция уже спрашивала меня об этом. Хотели знать, все ли запонки были у него на месте, но кто замечает такие вещи? Нет, я просто хотел сказать, что у него растрепались волосы и выглядел он... в общем, налижавшимся. По-моему, у него вышел серьезный конфликт с таксистом по поводу платы за проезд.

— А что с его предыдущим приглашением?

— Сказал: «С мной никогда так не поступали! Как мальчишку продинамили, черт побери!» Постоянно клянчил выпивку. Я предложил ему съесть что-нибудь вместо этого, но в ответ услышал: «Это моя душа нуждается в пище, а не плоть! Плесните капельку». Нужно ли говорить, что женушке не понравился такой разговор. Было уже за полночь, когда мне удалось отделаться от него. Пришлось самому везти его домой, он больше не мог взять такси.

Старший инспектор Гейлорд возник из столовой.

— Говорите, говорите, мистер Латимер, я вас слушаю.

— Я уже вам все сказал.

— Я понимаю, но хотелось бы уточнить детали. Вы подвезли мистера Хайда до дома, а дальше?

— Дальше — ничего. Высадил его и поехал домой.

— Высадили его где? На тротуаре? Вы видели, как он вошел в дом?

— Нет, но... В чем дело? Он не... с ним все в порядке, надеюсь?

Гейлорд сел и выдавил из себя одну из своих неприятных полуулыбок.

— Страшно сказать, но мы не можем отыскать его следов. Сожительница вот говорит, что он вообще не возвращался домой!

— О, Господи! — Латимер, казалось, с яростью пытался избавиться от последних волос. — Если он...

— Если он что, мистер Латимер?

— Если он мертв, значит, за нами действительно кто-то охотится!

— О, не надо так волноваться, мистер Латимер. Уверен, все не так уж плохо. Возможно, нам пора поговорить о чем-то другом. Скажите, вы играете в гольф?

— А? — Взгляд Латимера метнулся вверх сквозь пальцы. — Да, я уже говорил, что сыграл несколько раундов, но это было давно.

— И клюшки держите?

— Да, но я не помню, где они сейчас. Может быть, на чердаке. Вы что, играете?

Гейлорд пожал плечами.

— Случается. — Он посмотрел на свои наручные часы. — А сейчас я должен оставить вас. Но для начала нельзя ли воспользоваться, э-э, вашими удобствами?

— Конечно. Сразу за кабинетом, вы знаете, где.

— Спасибо.

Гейлорд исчез за дверью с иллюминатором. Латимер взглянул на сыщика.

— Он подозревает меня, не так ли? Не дай бог, Хайда найдут мертвым!

— Уверен, он не знает, кого подозревать, — сказал Фин утешительным тоном. — Сам он скорее подозревает Хайда, я полагаю. Скажите, у вас есть еще какие-нибудь увлечения на открытом воздухе?

— У меня? Нет, я не спортсмен. По моей фигуре вы уже, наверное, успели догадаться.

— Вы не пробовали заниматься воздухоплаванием? Я слышал, сейчас на это дело настоящий бум.

— Полеты на воздушном шаре? Знаете, это звучит забавно, но кто-то вчера вечером упоминал об этом. Дайте подумать. Да, Портман. Кажется, он говорил что-то о вступлении в клуб воздухоплавателей.

— В самом деле? — Фин сделал пометку и увидел, что Латимер заглядывает в его блокнот.

— О, это, похоже, несущественно, просто пришло в голову. Больше я хотел спросить вас о записке, которую доставила Шейла Тавернер.

— А, вы про это? Должен сказать, мы все были поражены. То есть я знаю, как любит Доротея... любила разные логические головоломки, но тогда это показалось не совсем уместным.

— И что мисс Тавернер делала, пока была здесь?

— Дайте вспомнить. Я как раз выходил из туалета, когда она приехала. Бренда открыла дверь, и там стояла Шейла с конвертом. Она сказала, что привезла Мартину записку от его тети. Жenuшка предложила ей стакан пунша, но Шейла очень спешила, в любом случае она боялась, что полиция остановит ее по дороге и заставить дышать в трубочку. Поэтому она отдала записку Мартину, но все же дала себя уговорить на кусочек торта.

Мартин вскрыл конверт, прочитал записку и спросил: «Это все? Шейла, я ничего не могу понять в этой абракадабре». И бросил ее на стол, чтобы остальные могли прочитать. Я заметил на это, что довольно безрассудно посылать девочку в такую даль с совершенно нелепым поручением.

Мартин хотел позвонить Доротее, чтобы узнать, что случилось, но Шейла сказала, что лучше ее не тревожить, она, мол, слегла с головной болью и вряд ли спустится вниз, чтобы ответить на звонок.

— Шейла вела себя странно?

— Не думаю. Она не доела торт, точнее сказать, не хотела есть, так как Вера навязала его. И пока Вера была в туалете, быстро улинула. Кстати о туалете, что-то долго...

— Уже здесь, мистер Латимер, — Гейлорд подошел к двери с иллюминатором, нагруженный клюшками для гольфа. — По дороге я ненароком открыл дверь шкафа и нашел их. Они ваши? Надеюсь, вы не против, что я притащил их сюда, чтобы получше рассмотреть.

— Нет, я... да, они мои. Посмотрите, сколько на них пыли. — Он потянулся к клюшкам, но Гейлорд отодвинул их.

— Пока не надо их трогать. Да, я сразу обратил внимание на пыль. Но самое интересное, одна из клюшек совершенно чистая. Протерта, видите? Вот этот драйвер. — Гейлорд, похоже, наслаждался сделанным открытием. — Как раз тот тип клюшки, каким, по нашему мнению, мисс Фараон была оглушена перед тем, как ее задушили. Интересно, убийца таким способом пытался вытереть кровь?

— Я не знаю, что сказать вам на это.

— Очень глупо надеяться вытереть кровь. Видите ли, мы сейчас способны проводить самые сложные тесты. По мельчайшему следу крови. Маленькая незаметная капелька — это все, что нам нужно.

Латимер изо всех сил пытался подняться, но затем бессильно откинулся назад.

— Я... Я уверен, что эта клюшка не моя. Должно быть, ее подкинули.

— Правда? Но в сумке нет другого драйвера. Без него невозможно играть в гольф.

— Я... Я...

— Вам лучше одеться, мистер Латимер. Клюшками подробнее займутся в Скотланд-Ярде, а вы проследуете со мной. Нужно ответить на несколько вопросов.

Фин ошеломленно молчал, пока Латимер не вышел из комнаты. Наконец ему удалось выдать из себя несколько слов:

— Шеф, вы ошибаетесь.

— Ошибаюсь? Я еще ничего не сказал.

— Но я знаю, о чем вы думаете. Я понял это, как только вы спросили его, играет ли он в гольф. Потом, когда вы притворились, что вам нужно в туалет...

— Притворился?

— Готов поспорить, во время дежурства вы не ходите, как и в любое другое время на работе. Нет, вы искали эту клюшку, потому что это соответствует вашей теории. Но я заявляю вам — ваша теория ошибочна.

— И в чем же состоит моя теория?

— Вы думаете, что Хайд и Латимер сговорились убить мисс Фараон. Хайд принес сюда клюшку. Потом Латимер убил его и спрятал тело. Разве не так?

Гейлорд разыграл удивление.

— И в мыслях не было ничего подобного. Но на всякий случай мы начали поиски тела Хайда.

— А записка? Как она вписывается в вашу теорию?

— Никак. Старушкина прихоть.

Фин покачал головой.

— Вы думали, что мысль о том, что Стоукса убили, тоже была прихотью старушки, насколько мне помнится. Разве вы не видите, что происходит? Это не обычное дело об убийстве с очевидными уликами, разбросанными повсюду. Это нечто подготовленное, нечто коварное...

Говорить он больше не мог, поскольку в комнату вошел Латимер, а за ним Бренда. У нее было заплаканное лицо, взгляд рассеянно блуждал по воскресной газете, словно она не осознавала, что делает. Но ее слова были разумны:

— Пап, я позвоню нашему адвокату?

— О, для этого нет причин, — мягко сказал Гейлорд. — Мисс, всего лишь несколько вопросов.

Когда двое мужчин вышли, она повернулась к Фину.

— Я немного подслушивала. У папы проблемы, верно?

— Пока нет. Я не думаю, что ему сейчас требуется адвокат, но выглядит он так, словно должен увидеться со своим доктором.

Она села и подперла голову газетой.

— Смерть тети Доротеи подкосила его. Он и так переживает по поводу своей работы, а тут еще это.

Через мгновение Фин встрепенулся:

— Послушайте, есть возможность ему помочь, если вы кое-что вспомните. Скажем, Хайд, — во сколько он пришел в тот вечер?

— Мы уже всё сказали. Что вы хотите знать?

— Как он был одет. В длинное пальто или во что?

— Плащ. — Лицо ее просветлело. — О, я поняла! Вы думаете, он пронес под одеждой эту злополучную клюшку? Разве это не обеляет папу? Действительно, он мог легко пронести клюшку под плащом. И первое, что он сделал, — направился в туалет.

Фин не знал, как сказать ей, что это не поможет ее отцу.

— Э-э... что еще? Выглядел ли он так, словно его слегка помяли?

— Да, он сказал, что подрался с таксистом.

— Вы случайно не заметили запонок на его рубашке?

Она на мгновение задумалась.

— По-моему, на нем была обычная рубашка с пуговицами, но, может быть, я ошибаюсь. Единственное, что я заметила, — шнурки на его туфлях были развязаны. Маме, кстати, это тоже бросилось в глаза — она всегда смотрит на обувь, есть ли на ней грязь.

— Хорошо, — сказал Фин. — Предположим, что клюшка для гольфа является орудием убийства. И, допустим, кто-то еще, кроме Хайда, принес ее сюда. Это означает, что

этот кто-то был в коридоре после девяти вечера и до сегодняшнего дня. Кого бы это включало?

— Практически всех. Но я думаю, вы имели в виду людей, пришедших сюда после девяти. Это мистер Хайд, вы, полиция и папа, когда он вернулся обратно.

— Другими словами, только ваш отец и мистер Хайд могли принести эту ключку сюда после убийства?

Она кивнула.

— Это выглядит плохо для папы, не так ли?

— Необязательно. Допустим, у убийцы был сообщник. Убийца снаружи просовывает ключку в кошачий лаз, а сообщник, находящийся в коридоре, прячет ее в шкафу.

— Думаете, *Шейла*?

— Я понимаю, что хватаюсь за соломинку, но скажите мне: кто выходил в коридор, когда приехала Шейла?

Бренда пожала плечами.

— Кто вообще будет сговариваться с Шейлой? Папа как раз выходил, когда она приехала. И... — Ее глаза на секунду расширились, затем она снова пожала плечами. — Это глупо. Это невозможно, так зачем тратить время...

— Слушайте, раз это неважно, тогда, может быть, вы скажете мне?

Она вскочила с истерзанной газетой в руках и повернулась на каблучках, чтобы выйти из комнаты. В дверях она остановилась.

— Хорошо, это был Мартин. Мартин! Он является вашим убийцей?

Оставшись наедине с миниатюрной мебелью, Фин произнес: «Хотел бы я знать».

Глава четырнадцатая

Пышнотелая девушка бродит босиком по траве, собирает цветы — жанровая картинка, словно сошедшая с полотна голландского живописца. Фин остановился на мгновение, глядя поверх низкой изгороди. Затем он поднял трость и помахал рукой.

— Доброе утро, мисс Тавернер!

— А, это вы. Здравствуйте. — Шейла Тавернер помахала в ответ безрукой куклой. Она собирала не цветы, а игрушки. И босиком она не ходила. И ее цветочная корзина в действительности была оранжевым пластиковым ведром. Просто Фин увидел цветущее здоровьем лицо, а все остальное сотворил из ничего.

Он подошел к калитке, дополнив собой сюжет.

— Как вы себя чувствуете с утра? Лучше?

— Думаю, да. Доктор дал мне таблетки... — Теперь он мог разглядеть ее заторможенность и опухшие веки.

— Давайте я вам помогу. — Фин пополнил коллекцию йо-йо без веревки⁷³ и пожарной машиной, подобрав их с земли.

73. Йо-йо — игрушка, состоящая из двух одинаковых по размеру и весу дисков, скреплённых между собой осью, на которую надевается веревка. При броске йо-йо, размотав до конца верёвку, начинает свой возврат по ней в руку играющего. Поскольку йо-йо быстро вращается, возникает гироскопическая стабилизация её оси вращения, которая даёт возможность играющему выполнять ряд трюков.

— Спасибо. Я просто не могу угнаться за Мией. Вытащит все свои игрушки и повсюду раскидает их. Но сегодня я хочу, что все выглядело особенно замечательно.

— Ожидаете гостей?

— Мартин придет разбирать вещи мисс Фараон. Теперь это его дом, и я не хочу, чтобы все здесь выглядело неухоженным. Он... он страшно злится.

— Вот как? С чего бы это? — Фин нашел оторванную руку.

— Не знаю. Наверное, я слишком медлительная. Мисс Фараон тоже иногда на меня покрикивала. Но у Мартина все намного серьезнее. Малейший недостаток выводит его из себя.

— Вы не думаете остаться?

— Не знаю. Скорее всего, он уволит меня и продаст этот дом. — Она вздохнула. — Я совершенно не представляю, как мы с Мией будем жить дальше.

— Но мне казалось, что мисс Фараон позаботилась о вас в своем завещании.

Шейла снова вздохнула.

— Прямо! Все деньги переходят в так называемый трасс. Для Мии.

— Траст?

— Правильно. Миа получит все это, когда ей исполнится двадцать один год. А раньше — ни пенни.

— Нет даже процентов?

Шейла выглядела озадаченной.

— Я ничего об этом не знаю. Знаю только, что деньги мы получим не раньше двадцати одного года. Я прочитала об этом в завещании. Оно лежит у нее в столе.

— Не возражаете, если я взгляну. Я не юрист, но это неправильно. Мисс Фараон, конечно, не хотела, чтобы вы с Мией ждали пятнадцать лет.

— Посмотрите сами. — Она пустила его внутрь и провела в гостиную к старому бюро в углу. Фин уселся за стол. Шейла Тавернер достала завещание из ящика и положила перед ним. Может, у вас получится разобраться с этим, а у меня — нет, это точно

Он ознакомился с документом.

— Вы уверены, что мисс Фараон вам ничего не объяснила?

— Нет.

— И ее адвокат не встречался с вами по этому поводу?

— Нет.

— Думаю, вас нужно срочно вести в курс дела. Если бы все юридические документы были написаны человеческим языком, вы бы поняли, что имеете право на проценты с пятидесяти тысяч фунтов. — Поскольку новость, казалось, не вызвала у нее никаких признаков приятного удивления, он пояснил: — Это означает что-то вроде трех тысяч в год.

— Ого? Так много? — Медленно, но, кажется, до нее дошло. Она усмехнулась. — Так много? Мистер Фин, вы не огляделись?

— Нет, я совершенно уверен. Э-э..... раз уж я здесь, вы не возражаете, если я быстренько просмотрю другие бумаги?

— Я ничего об этом не знаю. Мартин...

— Мистер Хьюз уж точно не станет препятствовать, будьте спокойны. Естественно, он хотел бы, чтобы я сделал все, чтобы поймать убийцу его тети.

— Ну хорошо. Хотите чаю?

— Спасибо.

Он начал с отделений для бумаг, где, казалось, не содержалось ничего, кроме счетов. В ящиках он обнаружил бухгалтерские книги, чековые книжки, жестяную коробку с почтовыми шахматными открытками, картонный футляр, набитый наполовину законченными логическими задачами. Блокнот для записей из верхнего ящика, будучи извлеченным на свет, казался самым перспективным: он разглядел слабые оттиски. Шейла застала его с чаем, когда он аккуратно штриховал страничку мягким карандашом.

— Я всегда хотел это сделать, — сказал он. — Шанс предоставился только сейчас. Тут написано... О.

— Что?

— Тут написано: «Мармелад, раств. кофе, бараньи отб. — 3 шт., жар. спаржа, кух. полотенца». Не слишком обнадеживающе.

— Что именно вы ищете, мистер Фин?

— Мисс Фараон могла вести записи по делам Стоукса и Дэнби, и я подумал...

— А, это. Полиция кое-что забрала. Заметки и прочее.

— Чего я и боялся. Ладно, не страшно. — Фин начал копаться в корзине для бумаг.

— Вот ваш чай. Если нужны бутерброды или еще что-то, просто крикните.

В корзине он нашел черновик задачи, отправленной Мартину (с ответом), и счет из химчистки. Затем он начал вытаскивать ящики и прощупывать пространство за ними. Он стоял на коленях, запуская одну руку по локоть в стол, когда детский голос произнес:

— Привет, дядя. Ты такой смешной.

— Привет, Миа.

Она присела на корточки, чтобы взглянуть в темную нишу.

— Что ты там высматриваешь?

— Понимаешь, ищу свои уши. Я уверен, что оставил их где-то здесь. Ты их не видела?

— Хи-хи, они у вас на голове! — Что-то холодное ткнуло его в ухо. Он оглянулся и увидел верхушку фруктового льда яркого химического цвета на палочке, собиравшуюся сделать новый выпад. Он увернулся.

— Это не мои уши, я просто одолжил их. Мои настоящие уши где-то в столе.

— *Нет.* — Она задумалась. — Мисс Фараон спрятала их?

— Может быть.

— Она спрятала от меня свою коробку с марками, а я нашла ее.

Он оставил поиски и посмотрел на ребенка.

— Куда мисс Фараон спрятала коробку, Миа?

Она указала капающим мороженым на верхнюю часть стола:

— Она выходит, когда вы тянете эту дверцу вниз.

Теккерей Фин поскрипел зубами. «Мог бы и сам догадаться. Единственное место, куда я не посмотрел». Он потянул за крышку, и когда та опустилась, изнутри выпала небольшая коробочка, рассыпав марки. Фин скользнул по ней взглядом, сосредоточив все свое внимание на клочке бумаги, приколотом к крышке, где твердой рукой мисс Фараон было написано:

ПОСЛЕДКИ

1. Фрэнка — пляж?
2. Джервейса — встреча в я.р.
3. Леонарда — идея «Эдома» (ПС 59 10), использовать записку для М., алисина дверь.
4. Дерека — сауна??

Пункт 1 был зачеркнут. Другие пункты оставались для Фина непонятными, и даже заголовок казался странным: последки чего?

Потом он осознал, что с ним разговаривают.

— Я тоже могу прятать вещи, — сказал ребенок. — Я пряталась в том домике, у моря, и мама не могла меня найти.

Вдруг он понял, что ему пытались сказать.

— Серьезно? И где же ты пряталась?

— На кухне. Я пряталась под столом. Мама вошла и не увидела меня. Потом она выбежала на улицу и плакала, потому что думала, что я потерялась.

Фин пытался говорить спокойно.

— Ты что-нибудь слышала, пока пряталась?

— Да. — Она лизала марки и аккуратно наклеивала их на стену.

— Что ты слышала?

— Дядя сказал: «Кто вы?» и потом сделал так смешно горлом: «Кхаааааа!» — Она хихикнула.

— А мама тоже слышала?

— Да, и она убежала. А потом она плакала, потому что...

— Я знаю, да. И где была мама, когда дядя изобразил тот смешной звук?

— Она стояла прямо около меня. И она не могла видеть меня, потому что я спряталась под столом. А потом другой дядя начал кричать, а потом...

Вошла Шейла.

— Что ты здесь делаешь? Отнеси лед на кухню сейчас же! — Она хотела шлепнуть Мию, но та с легкостью увернулась и, танцуя, выскочила в холл. — Простите, если ребенок помешал вам, мистер Фин.

— Наоборот, она очень помогла. Мы только что вспоминали события в Суссексе. Когда вы искали ее на кухне Дэнби, вы знали, где она пряталась?

— Что? — Она выглядела бледной. — Нет, конечно, но я видела ее на дороге.

— Она только что сказала мне, что пряталась на кухне Дэнби под столом.

— Что? Но...

— Это правда, она, кажется, все слышала. Я думаю, вы будете рады слышать, что это фактически снимает с вас подозрения в убийстве Дэнби.

— Вау! Хоть в чем-то повезло. Только, боюсь, полиция подозревает меня в *этом* убийстве. — Несколько секунд она молча жевала губами. — Я имею в виду, что они будут вечно цепляться ко мне. Из-за того, что я в картотеке.

— Надеюсь, не подозревает. Должен признаться, поначалу я не совсем понял вашу историю о подслушанном убийстве Дэнби. Мне показалось странным, что вы могли слышать

каждое слово, сказанное Дэнби из соседней комнаты с закрытой дверью. Но теперь Миа убедила меня. — Он вынул из кармана резную пенковую трубку и начал покусывать янтарный черенок. — Я думаю, кухонная дверь там довольно тонкая. А дверцы люка вообще из простой фанеры. Хм. По идее вы должны были слышать каждый звук в той комнате.

Внезапно он убрал трубку и поднялся.

— Пойдемте со мной, я попробую провести один эксперимент.

Он направился в малую гостиную позади дома и, постучав тростью по каменному полу, осмотрел толстую дубовую дверь на входе.

— Этого будет достаточно. Шейла, оставайтесь в коридоре и слушайте. Сейчас я пересеку комнату дважды — туда и обратно. Я хочу, чтобы вы сказали мне, в какой раз мои шаги были больше похожи на шаги незнакомца, которые вы слышали.

Шейла слушала за закрытой дверью. В первый раз шаги не были похожими на те, которые она слышала, сказала она. Они были тихими и вроде как шлепающими. Фин закрыл дверь для повторной попытки.

— Как это понимать? — спросил Мартин Хьюз. — Шейла, ты что, подслушиваешь?

— Шшш, — прошипела она. — Это эксперимент.

Фин открыл дверь.

— Сейчас как?

— Уже похоже, — сказала она. — Да, определенно как те.

— Хэлло, Фин. Что все это значит? Я думал, Шейла подслушивала.

— Нет, мы просто прослушивали разные шаги. Поскольку практически все, что мы знаем о незнакомце, который убил Дэнби, это звук его или ее шагов...

— А, понятно. Слышали новость? Моего будущего тестя отпустили.

— Я допускал такую возможность.

Мартин ухмыльнулся.

— Допускали? Мистер Фин, если у вас есть что-то, что поможет снять с него подозрения, я хотел бы, чтобы вы сказали об этом его адвокату. Судя по тому, что я слышал, ему нужна любая помощь.

— Я не думаю, что он нуждается в моей помощи, то есть я хочу сказать, что сомневаюсь, что у полиции есть веские доказательства против него... или кого-то вообще.

Мартин дал Шейле несколько указаний по уборке дома и отослал ее, после чего они с Финном взяли пару белых кованых стульев в малой гостиной и сели.

— Бренда тоже переживает, — сказал Мартин. — Из-за нее переживаю я. Все это свело нас с ума еще до того, как ее отца... В любом случае я надеюсь, что вы продолжите свое расследование. Много заплатить я не могу, но...

— Не забивайте голову, — успокоил его Фин. — Я сам в этом заинтересован. Кстати, я только что нашел записку вашей тети, спрятанную у нее в столе. Что вы об этом думаете?

Мартин изучал бумагу, а Фин изучал его. Лицо с длинным подбородком, коротко стриженные волосы, дешевый поношенный костюм, — Взрослый Мартин больше всего походил на несчастного мальчика-сироту. Но так оно и было.

— Для меня это китайская грамота. Может, это какие-то логические задачи... Нет, конечно же нет. Эти имена должны быть как-то связаны с Разгадчиками. — Через несколько секунд он добавил: — *Использовать записку для М.* Очевидно, речь идет о той самой таинственной записке, которую она прислала мне в субботу вечером. Но вот все остальное: *я. р., Эдом, пляж, сауна...* И что еще за *алисина дверь*?

— Думаю, *алисину дверь* можно объяснить, — сказал Фин. — Мы знаем, что ваша

тетя была просто одержима играми в слова и логическими задачами. Вряд ли она была незнакома с классиком, Льюисом Кэрроллом.

— О, так это «Алиса в стране чудес»?

— Там Алиса сталкивается с миниатюрной дверью высотой всего несколько дюймов. Похожая дверь существует в доме Латимеров — через нее ходит их кот. Поскольку у мисс Фараон тоже есть кот, я предположил, что в этом доме имеется своя алисина дверь.

Мартин выглядел извиняющимся.

— Прекрасная теория, но неверная. Знаете, я довольно хорошо изучил этот дом, что неизбежно, когда постоянно что-нибудь чинишь, и должен сказать, что я нигде не видел такой двери.

Фин кивнул.

— Значит, она имела в виду дом Латимеров. Как ни странно, мы с Брендой обсуждали вчера этот вопрос. Кажется, существует вероятность, что убийца воспользовался этой дверью, чтобы передать свое оружие находящемуся внутри человеку, и тот спрятал его в шкафу.

— Да, Бренда рассказала мне сегодня об этом по телефону. Но тогда откуда тетя Доротея могла знать о чем-то таком?

— Вот именно. Она не могла быть замешана в собственном убийстве, — сказал Фин. — Возможно, когда я расшифрую оставшиеся пункты, у нас появится идея получше. Эдом, например. Не исключено, что это ошибка в написании названия сыра — Эдам, хотя, я уверен, мисс Фараон никогда бы в жизни так не ошиблась.

— Может, анаграмма?

— Я первым же делом проверил это, но ничего вразумительного у меня не получилось, сплошная бессмыслица. И еще одна особенность: вы обратили внимание, что все имена даны в притяжательном падеже? Пляж чей — Фрэнка. Встреча чья — Джервейса. Хоть бы раз она что-нибудь написала ясно!

Мартин ненадолго задумался.

— Это похоже на маразм, верно? Секретный шифр — почти как в сумасшедшей логике майора.

— Ничего подобного. Ваша тетя, может, и любила играть в слова, но есть большая разница между этой запиской и безумными теориями майора Стоукса. Нет, эта записка означает что-то конкретное. Тут не надуманный шифр, высосанный из *водки*, или...

Фин на мгновение смолк и, казалось, забыл, о чем говорил. Затем продолжил:

— Вы помните появление мистера Хайда в субботу вечером?

— Как можно забыть такое! Он был пьян и агрессивен, чем совершенно обескуражил Латимеров.

— Вы можете описать, как он был одет?

— В вечерний костюм. О запонках можете меня не спрашивать, такие мелочи просто не замечаешь.

— А что скажете про обувь? Вы не запомнили, шнурки на его туфлях были завязаны или развязаны?

После паузы Мартин сказал:

— Развязаны, по-моему. Только не говорите мне, что *это* важно!

— Хотел бы я знать, что важно, а что нет. — Фин зевнул. — Должен признаться, я совершенно не блещу в этом деле с четырьмя трупами.

— Четырьмя? Хайд тоже, что ли, мертв?

— Нет. Извините, я продолжаю считать смерть кота майора Стоукса первым убийством в этой серии. И все убийства — дело рук этого таинственного Грина.

Мартин был настроен скептически.

— Все? Не уверен. Вы хотите сказать, что один и тот же человек разделал кота, затем каким-то образом убил Стоукса, потом зарезал мистера Дэнби и напоследок задушил тетю Доротею? Я уже не говорю о таинственных взломщиках.

— Все четыре, и все на совести Грина. Конечно, я могу ошибаться, но все упрощается, когда ищешь только одного убийцу.

— Но кому, ради всего святого, понадобилось устраивать все эти ужасы?

Фин развел руками.

— Это вопрос. Грин всякий раз исчезает со сцены так быстро, что его невозможно идентифицировать. Он здесь, он там — он везде; он один из Разгадчиков, но он же абсолютный незнакомец; у него один мотив для одного убийства, другой — для другого и, к слову, никакого мотива для убийства Дэнби. У него есть сообщник, у него нет сообщника; он убивает без средств в одном случае, без мотива в другом, и без возможности в третьем. Кажется, что он может проходить сквозь стены, и сверх того, он совершенно невидим!

Глава пятнадцатая

Девушка, которая выглянула из парадной двери дома Хайда, была одета в кимоно, украшенное рекламой неизвестной марки сигарет. Накладная ресница на одном глазу (на другом она отсутствовала) приподнялась в насмешливом удивлении.

— Дорогуша, рановато ты приперся. Вечеринка начнется только в девять.

— Не знаю, — сказал Фин. — А она будет?

— Приходи к девяти. — Дверь начала закрываться.

— Э-э... А по какому поводу вечеринка, конкретно?

— По поводу возвращения домой. Джервейса.

— Я не знал, что он вернулся.

Она опустила накладную ресницу и внимательно присмотрелась к этому явно бестолковому незнакомцу.

— А он и не вернулся, понял ты? Я имею в виду, если бы он вернулся, какой был бы смысл в *возвращении*? То есть зачем нужен танец дождя, если уже льет, сечешь?

— Я понял. Вечеринка призвана вернуть его. Что, если этого не произойдет?

— Мы всегда можем попробовать на следующий день. — Она закрыла дверь.

Весь день до девяти часов вечера он провел дома, обзванивая незнакомцев, которые были в доме Латимеров в субботу вечером. Все повторяли по кругу одну и ту же историю о Шейле, таинственной записке, пьяном Хайде и скукотище с триктраком.

Последним, кому он позвонил, был Дерек Портман.

— Право, не знаю, что еще добавить, Фин, к тому, что вы узнали от других.

— Боюсь показаться странным, но меня на самом деле интересует, кто и когда выходил в туалет. Видите ли, полиция нашла клюшку для гольфа в шкафу Латимера, в коридоре перед туалетом, которая может служить орудием убийства. Кто-то вытер ее начисто и убрал, возможно, в тот же вечер.

— Подождите-ка, вы сказали — вытер начисто? Это странно.

Наступила пауза.

— Мистер Портман, вы там?

— Да, да. Послушайте, я припоминаю, как ходил в туалет и, пожалуй, видел то, что вам нужно. Но давайте сначала проясним факты. Где именно находится этот шкаф?

— На полпути к туалету с правой стороны, когда выходите из гостиной.

— Понятно. Значит, все правильно. Я вышел в дверь — знаете, эту, с иллюминатором — и двинулся по коридору. Шкаф был открыт, около него стояла миссис Латимер.

— Что она делала?

— Просто заглядывала внутрь, или мне так показалось. Но вот что странно: у нее в руке была тряпка. Кажется, мокрая.

— Вы очень наблюдательны, мистер Портман.

— Когда начинаешь думать, факты выстраиваются сами по себе. Я сказал: «Извините, я не знал, что здесь кто-то есть». Она ничего не ответила, быстро захлопнула дверь и промчалась мимо меня. Я хорошо это помню, потому что она была чем-то расстроена. Правда, к тому времени, когда я сходил в туалет и вернулся, я уже забыл об этом эпизоде. Однако теперь это кажется важным, не так ли?

— Большое спасибо, мистер Портман. Вы случайно не помните, где в это время была Шейла Тавернер?

— Она только что уехала, пробыв всего пять минут. По-моему, она очень спешила.

В девять часов Фин, одетый в вечерний костюм, припарковал свой велосипед у дома Хайда. Вечеринка уже шла полным ходом. На улицу то и дело высыпала толпа народу, за ней через открытые двери тянулись тусклый свет, дым и гомон голосов, заглушавший ритмы регги, доносившиеся откуда-то изнутри.

Вход был оккупирован незнакомцами, пытающимися протолкнуться в обоих направлениях: хрупкая обеспокоенная девица, потерявшая «Фреда»; с полдюжины бойких белокурых австралийцев, под татуированной рукой каждого из которых плескалось по галлону пива; добродушный, неприятный редактор ежеквартального обзора того, что он называл «научной фантастикой третьего мира». Фин протискивался до тех пор, пока его не загнал в угол корейский астролог.

— Отличная вечеринка. Вы знакомы с Джервейсом?

— Только по двум убийствам, — сказал Фин. — Его нет здесь случайно, а?

— По двум кубистам? Вы аукционист. — Кореец поднял палец. — Не говорите мне дату своего рождения, дайте угадаю. Вы можете быть только Крысой⁷⁴.

Один из австралийцев размял татуировку.

— Кого ты назвал крысой?

— Отстань, Ларри, — сказал другой, передавая ему жестянку. — Присмотри за мочой, пока я ищу эту чертову открывашку.

— Возможно, не Крыса, — сказал астролог. — Вы вполне могли бы быть Буйволом: вы авторитарный традиционалист, работаете в старой семейной фирме. Вы консерватор. Вы ненавидите, когда вам мешают собственные амбиции. Вы... Извините, кажется, я вижу своего друга.

74. То есть родившийся в год Крысы по восточному календарю.

Внезапно почувствовав себя консервативным и твердолобым, Фин продрался сквозь толпу в следующую комнату, где лилось по кругу дешевое вино (названное в честь одной из героинь де Сада), оживляя разговоры в маленьких компаниях. Он проходил сквозь них, останавливаясь побеседовать то с одним, то с другим: ведьмой, которая утверждала, что является реинкарнацией Матушки Шиптон⁷⁵; бельгийцем, руководителем групповой психотерапии для будущих дипломатов; будущим дипломатом, который считал сеансы групповой психотерапии пустой тратой времени, когда они не учитывали то, что он называл «первичными криками»⁷⁶; звукорежиссер кантри-энд-вестерн «в» сознании Кришны; дилер-антиквар «в» сознании кожи; корнуольский поэт-националист. Фину потребовался час, чтобы пройти через всю комнату.

— Я понимаю, что это неудачный ход, — сказал поэт. — В этом весь смысл. Поэты без провалов — куда более худшая неудача. Посмотрите вокруг себя. Вон те журналисты — жалкое зрелище.

Фин проследил за его взглядом, брошенным на кучку неряшливо одетых, толстых мужчин, беспрерывно куривших у столика с выпивкой. Их яростный спор, начавшийся час назад, казалось, только разрастался.

Один бросил сигарету и втоптал ее в ковер.

— Экономическая целесообразность, задница.

— Очень трогательно, — прокомментировал поэт. — Заметили, как они роятся возле выпивки?

В Фина врезалась какая-то молодая женщина.

— Извини... Ты чего встал, как официант?

Фину уже не раз делали подобное замечание.

— Это не так, — сказал он. — В прошлой жизни, уверен, я работал диктором на радио Би-би-си.

Женщина, как и несколько других женщин в комнате, была одета в костюм советской фабричной работницы, но в траковке парижского модельного дома. Она громко рассмеялась, спросила, чем он занимается, а когда он заявил, что является частным детективом, рассмеялась еще громче.

— Я учительница, — сказала она.

Журналист, который вяло плелся в их направлении, теперь быстро подлетел к ней:

— Учительница! — кричал он. — Педагог! Вот объясните мне одну вещь. Почему вы, педагоги, считаете важным, чтобы наши дети делали «открытия» в таких жизненно важных областях, как перебирание гитарных струн, плетение корзин и выращивание головастиков в то время, как они, черт возьми, не умеют ни писать, ни читать, ни просто сложить два плюс два.

Фин уже начал отделяться, когда услышал от учительницы:

— Неудачность неспособных к обучению имеет функциональную корреляцию с бездеятельной или раздробленной семейной ячейкой. Оптимально хотелось бы...

Другой журналист перехватил Фина в дверях.

75. Урсула Саутейл (1488—1561), более известная как *Матушка Шиптон*, была английской предсказательницей и ясновидящей, о которой говорят, что она сделала множество необычайно точных предсказаний, включая Великую чуму в Лондоне 1665—1666 годов, вторжение испанской армады и Великий лондонский пожар.

76. Первичный крик — психотерапевтическая лечебная практика, основанная на открытом выражении пациентом своих чувств и переживаний, часто сопровождаемая криками и другими физическими проявлениями эмоций.

— Я слышал, вы назвались частным детективом. Зачем?

— За тем, что так оно и есть.

— Вы думаете, Хайда тоже прикончили, нет? Есть какие-то зацепки?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

На минуту их внимание отвлек грохот в соседней комнате — двое австралийцев в дружеской потасовке врезались в стол.

— Я имею в виду, — продолжил журналист, — что я освещаю дело Хайда. Его исчезновение. Буду благодарен за любую информацию от вас. Вы над этим работаете сейчас, да? Вас кто-то нанял?

— Меня наняла покойная мисс Доротея Фараон, чтобы расследовать смерть ее друга. Вы, наверное, успели познакомиться с деталями этой истории?

— Убийство в клубе расследования убийств? В этом вся фишка, верно? Хайд, должно быть, «номер три», или он пятый? Думаете, на этом все закончится?

Фин развел руками.

— Подождем и увидим.

— Ну, надеюсь, долго ждать не придется. Знаете, мы не можем вечно муссировать эту историю. — Журналист был пухлым человечком с толстыми линзами очков и страдал золотухой. «Роббинс из *Геральда*», так он представился. — Если хотите знать мое мнение, частные сыщики устарели. Акт о реформе разводов⁷⁷ во многом делает ваш институт лишним в такого рода вещах. Легавые ни за что не потерпят, чтобы кто-то копался на их территории. А всю реальную работу делают следственные репортеры. И что у вас там остается? Взыскание долгов?

— Лично меня кормит писательство, — объяснил Фин. — Меня не привлекает выбивание долгов или работа телохранителем. Но вы правы — журналистское расследование эффективно в части того, что оно располагает временем и деньгами, чтобы копнуть глубже, особенно в организованной преступности.

— Весьма лестная оценка с вашей стороны. — Почему-то казалось, что журналист ждал возражений. — Но идем дальше. Частный сыщик — это полностью вымерший вид, додо⁷⁸, анахронизм. Как додесятичные деньги⁷⁹ или авторучки.

Фин, пользовавшийся авторучкой, покраснел.

— За вами тоже кое-что водится.

Это лишь подогрело журналиста.

— Я вам больше скажу — у репортера есть все достоинства старого частного сыщика и ни одного недостатка. Для начала, мы лучшие наблюдатели. Старые времена Шерлока Холмса, когда он угадывал профессию человека по внешнему виду, канули в Лету, если вообще когда-либо существовали. Истинная цель наблюдения заключается в идентификации, как хорошо известно полиции. Я мог бы идеально описать вас прямо сейчас. — Он закрыл свои глаза. — Ну-ка, испытайте меня.

77. Принят английским парламентом в 1969 году. В случае развода по причине супружеской неверности жены или мужа закон требует не только доказательств адюльтера, но и того, чтобы сторона, добивающаяся развода, показала, что жизнь с изменившим супругом является для нее невозможной.

78. Маврикийский дронг, или додо́ (лат. *Raphus cucullatus*) — вымерший вид нелетающей птицы.

79. В 1971 году в Великобритании ввели десятичную денежную систему, в которой 100 пенсов равняется 1 фунту стерлингов. До этого в стране существовала английская денежная система, в которой 1 фунт стерлингов равнялся 240 пенсам.

— Раз так, опишите меня поподробнее.

— Американский акцент, рост шесть футов два дюйма, худой. Каштановые волосы, пробор справа, большие уши и длинный нос. Как у меня дела?

— Прекрасно. — Фин прикрыл галстук одной рукой. — Можете описать мой галстук?

— Черная завязанная бабочка. Это, наверное, потому, что вы в смокинге.

— Вы не совсем точны. Боюсь, ваше описание моей внешности, сделанное до сих пор, ограничилось рамками обычного. Однако если вы хотите описать *меня*, когда я стою рядом, вы должны упомянуть и необычное.

Журналист открыл глаза.

— Я что-то не понял. Кто вообще смотрит на галстуки?

— Женщины. И другие подготовленные наблюдатели, как, например, частные детективы. — Фин обратился к воображаемому залу суда: «Милорд, господа присяжные, я утверждаю, что описание, сделанное свидетелем, может подходить сотне жителей Лондона. Но он не заметил, что у подсудимого не было галстука!

— Не было галстука? Конечно, вы надели галстук. Я... О.

Фин опустил руку. Вместо завязанной бабочки у него красовался большой фиолетово-черный баттерфляй⁸⁰.

— У защиты все.

Журналист вернулся к тому, с чего начал.

— Я по-прежнему считаю, что репортерское расследование за неделю приносит больше пользы, чем частный сыщик за год.

— Согласен.

— Организованная преступность, коррупция, талидомид⁸¹, Уотергейт...

— Согласен.

— Сейчас люди из нашей газеты работают над серией дел о рахманизме.

— Над чем?

— В начале шестидесятых годов домовладелец по фамилии Рахман скупал недвижимость в трущобах и вымогал с арендаторов более высокую плату. Его уже нет, но этот вид рэкета существует и по сей день в Лондоне. Только вот вымогатели сейчас не покупают. Они берут на себя управление жильем, населенным защищенными арендаторами, преимущественно людьми преклонного возраста, которые платят по низкой ставке согласно закону. Домовладельцы хотят их выселить, но юридически не имеют на это права. Поэтому они нанимают агента, который делает это за них. Он идет, достает арендаторов и собирает огромные платежи. Если арендаторы жалуются в полицию, домовладелец всегда может сказать, что ничего об этом не знает. А если полиция удосужится начать расследование, то вскоре обнаруживается, что имя агента вымышленное, адрес липовый, а плата взималась наличными.

80. *Баттерфляй* — классический галстук-бабочка с широкими «крыльями», узел которого завязывается из цельной ткани непосредственно перед ноской. *Завязанная бабочка* — галстук-бабочка с готовым узлом и фиксацией на воротнике с помощью застёжки или резинки.

81. Талидомид — седативное снотворное лекарственное средство, получившее в 50-60-х годах XX века широкую известность из-за своей тератогенности (нарушение развитие плода в утробе матери). Талидомидовая трагедия заставила многие страны пересмотреть существующую практику лицензирования лекарственных средств, ужесточив требования к лицензируемым препаратам.

Кто-то, проходя мимо, заметил:

— Только наличными, вот мой девиз. Долой кредитки.

Фин поблагодарил журналиста и зашагал прочь. Двое австралийцев, устроив потешную борьбу, врезались в него так, что он пулей вылетел в дверь и напоролся на мужчину в анорাকে, джинсах и грязных ботинках, который наливал себе вина.

— Черт, смотри куда... О, привет, Фин. Какими судьбами здесь?

Это был Джервейс Хайд.

— Я не знаю, — сказал Старый Ходж, вешая трубку. — Мошенник или занят, или не отвечает... Уплывет проклятый двухпенсовик, как в прошлый раз.

Хозяин паба сочувственно взглянул на него.

— Это жизнь, Старый Ходж, но нет худа без добра.

Глава шестнадцатая

Журналист Роббинс был удачей, признал Фин. Не успел он открыть рот, чтобы поговорить с Хайдом, как журналист плавно вклинился между ними.

— Вы ведь Хайд, не так ли? Полиция разыскивает вас.

— Полиция? Что так?

Роббинс из *Геральд* сплюнул.

— Вы не читаете газет?

— В последнее время нет, дорогой мой. После субботнего вечера я решил уехать подальше от цивилизации. Ни газет, ни радио, ни телевизора. Жил в Уэльсе, в коттедже моего друга и писал. Да-да, я действительно работал! Славная страна: чистый воздух, здоровая пища, и в первую очередь никаких тебе осточертевших унылых вечеринок. Я чувствую себя... обновленным. Вы не представляете, насколько хорошо быть там, где кемпинг означает простую палатку, где восход солнца можно увидеть, а не услышать о нем, когда ты уже все проспал. Где...

— Где бродят лук-порей с нарциссом⁸³, — завершил полет мыслей журналист. — Лучше скажите-ка мне вот какую вещь: что вы знаете о смерти Доротеи Фараон? Из-за этого вы сбежали?

Хайд перевел взгляд с него на Фина.

— Это шутка?

— Боюсь, нет, — ответил Фин. — Полиция *действительно* ищет вас. Кажется, сегодня я видел здесь одного или двух в штатском.

— Ее убили?

— Да, в субботу вечером. Вечером, когда вы покинули город.

— О Боже... Бедная Доротея!

— Не вы ли убили ее? — допытывался журналист. — Или, может быть, вы видели, как все происходило? Так или иначе моя газета рассчитывает на эксклюзивное интервью, мы заплатим, посоветуем хорошего адвоката. Можете диктовать любые условия, Хайд, как только я договорюсь с редактором.

83. Лук-порей и нарцисс являются национальными символами Уэльса.

— Что? Подите вы прочь и, ради бога, оставьте меня в покое.

— Я быстро, — пообещал журналист. — Получу добро от редактора и вернусь.

После того, как он ушел, Фин сказал:

— У нас не так много времени, и мне нужно кое о чем вас спросить. В субботу вечером...

— Я предпочел бы не говорить об этом. Я уже рассказывал остальным, что мне было назначено свидание, с которым меня банально прокатили. Что еще вам нужно?

— Ладно, попробую догадаться сам. Подозреваю, у вас было назначено свидание с Доротеей Фараон. Когда она не пришла, вы сидели там и глушили сакэ.

— Это она вам рассказала?

— Конечно нет. Она вас не прокатила, она была мертва.

— Но как вы обо всем узнали... даже про сакэ?

— Когда вы приехали к Латимерам, вы были одеты для ужина. Мисс Фараон оставила записку, в которой сообщала, что у нее была назначена встреча с вами в «я. р.», очевидно, в каком-то ресторане. Кто-то из Латимеров заметил, что у вас развязались шнурки на туфлях. Из этого я понял, что местом встречи был выбран японский ресторан, единственное из подобного рода заведений, где от вас могут потребовать снять обувь. Чтобы напиться в японском ресторане, сакэ — самый подходящий напиток.

— Умно, — заметил Хайд. — Но «я. р.» может означать все, что угодно. Например...

— В данном случае, нет, — сказал Фин. — Я хочу знать, во сколько вы начали пить сакэ и что случилось после того, как Латимер отвез вас домой.

— Я приехал в «Танаку» в половине восьмого и просидел часа два. Это вы насчет алиби, да?

— Да, и что было дальше?

— Латимер отвез меня домой, высадил, но по какой-то причине я не мог войти внутрь. Там шла очередная тошнотворная вечеринка, и я не мог смириться с этим. Я просто стоял на улице, но чем дольше я стоял, тем противнее мне становилось. Опротивело все, понимаете. Мне захотелось срочно убраться отсюда. В это время из дома вышла моя подруга, Мириам Годольфин, и я вспомнил, что у нее был маленький домик в Уэльсе. Я спросил у нее, могу ли я им воспользоваться. Она отвела меня к себе домой на ночь, дала сменную одежду, и рано утром я сел на поезд. С тех пор я находился в Уэльсе, и вот только что вернулся.

— Еще один вопрос. Мисс Фараон объяснила, почему она хотела встретиться с вами в японском ресторане?

— Нет, она...

Неожиданно выплеснувшаяся толпа разметала их по сторонам. Фин обнаружил, что его прижало в углу к женщине, одетой как богатая цыганка.

— Обожаю баттерфляй. Вы не видели Клариссу?

— Клариссу?

— Леди Клариссу Венал. Боюсь, она ускользнула наверх со своим психоаналитиком.

— И что в этом плохого?

— Понимаете, у него пунктик на счет психоаналитиков. А ее психоаналитик пытается вылечить ее от этого пунктика.

Фин заметил старшего инспектора Гейлорда, сигнализировавшего ему через всю комнату.

— Простите, кажется, я вижу своего злого гения.

Сбежать он не успел, Гейлорд уже прокладывал к нему путь.

— Фин, мне только что сообщили, что Хайд здесь.

— Это правда, шеф. Я только что с ним разговаривал.

— И вы позволили ему уйти? Господи... — Гейлорд махнул двум молодым людям, которые околачивались возле двери, и они ринулись блокировать выходы. Оба были переодеты почтовыми курьерами с завязанными вокруг шеи рукавами спортивных свитеров.

Цыганка была заинтригована.

— Я не ошиблась, предположив, что эти двое похожи на полицейских, — сказала она. — Кто еще мог бы пройти мимо Альбера Камю наших дней?

— Пошла вон! — рявкнул Гейлорд и повернулся к Фину:

— Что Хайд сказал вам?

— Предъявил мне свое железное алиби, что только добавляет хлопот со всеми вашими подозреваемыми, шеф. Он весь вечер просидел в японском ресторане «Танака», остальное время провел в Уэльсе и понятия не имел, что вы охотитесь за ним.

— Ерунда все это. Где смокинг, который он носил в тот вечер? И главное — я очень хотел бы знать, что он скажет по поводу пропавшей запонки.

— Я думаю, вы найдете эту одежду в квартире некой Мириам Годольфин.

Гейлорд записал имя.

— Это то, что он вам сказал? С удовольствием проверю это. — Он скривился в полуулыбке, добавив: — Видите ли, Фин, мы уже нашли одежду.

— Нашли? — Фин был явно ошарашен. — Но где?

— Здесь. В мусорном баке у входной двери. Это одна из причин, почему мы установили круглосуточное наблюдение за домом.

— Вы уверены? Потому что...

— Конечно, мы уверены. Прошлой ночью мы допросили девушку, живущую здесь, и сравнили ее показания с тем, что нам рассказал Латимер. Так вот, Латимер утверждает, что привез сюда Хайда около полуночи и высадил у дома. Девушка клянется, что в дом он не входил. Похоже, с этого места он начал исчезать. И первое, что делает беглец, — избавляется от изобличающей одежды. Я попросил парней обыскать все мусорные баки по внешней стороне, и что же они придумали?

— Сбор мусора?

— Смейтесь-смейтесь, Фин, пока не надоест. Они нашли полный комплект одежды: смокинг, брюки, старомодную накрахмаленную рубашку и запонки. Запонки в точности такие же, как та, которую мы обнаружили в кулаке жертвы, — и одной недоставало!

— Это определенно доказательство, — сказал Фин, — но...

— Подождите, это еще не все. Также мы нашли шляпу. Вам это говорит о чем-нибудь?

— Да, таинственный незнакомец миссис Гордон, которого она видела выходящим из дома мисс Фараон.

— Верно. Кроме того, мы нашли — и это определяющий момент — белый пластиковый пакет, в котором находился *гипсовый слепок со следа ноги*. — Гейлорд сложил руки. — Что вы на это скажете?

— Скажу, что вам в любом случае необходимо будет навестить Мириам Годольфин.

— Вы думаете, что мы нашли не то, что искали?

Фин покачал головой.

— Думаю, найденная вами одежда не подойдет мистеру Хайду. И ни к одному из

ваших подозреваемых, кстати, тоже. Как и слепок.

— Фин, вы *все еще* пытаетесь протащить свою теорию таинственного незнакомца? Поскольку у меня ничего нет, нате вам ради Христа, за что я должен сказать вам большое спасибо. Когда мы найдем Хайда, у нас будет достаточно улики, чтобы предъявить ему обвинение. Мы знаем, что он исчез в день убийства. Он был одет, как человек, которого видели тайно покидающим место преступления, и у нас есть доказательства в виде одежды, запонки и слепка со следа ноги. Он приехал в дом Латимеров, где мы обнаружили вероятное орудие убийства. На клюшке мы нашли следы крови. Мы знаем, что Хайд переоделся и куда-то сбежал. Чего еще нам нужно?

— Вам это может пригодиться, нашел сегодня днем. — Фин передал записку мисс Фараон. — Боюсь, эта записка ничем не отличается от прочих ее загадочных записок, но, думаю, что это улика.

Гейлорд пробежал глазами записку и спрятал ее подальше.

— Надеюсь, вы не откажете нам в любезности расшифровать ее в ближайшее время. А сейчас, прошу прощения, мне нужно работать.

Один из «курьеров» пришел доложить.

— Наверху его нет, сэр, но там целая оргия...

— Ничего, не обращай внимания. Входы перекрыли?

— Да, сэр, но у констебля Паркера возникли проблемы с бандой австралийцев. Возможно, Хайд ушел в суматохе.

— Это все, что нам нужно. Пошли.

Фин потащился вслед за ними к парадному выходу. Перед домом вытянулась шеренга полицейских машин, и он успел заметить пантомиму с лошадьё, устроившую рестлинг⁸⁴ в хвосте тюремной кареты. Старший инспектор Гейлорд посоветовался минуту с водителем панды⁸⁵, после чего мотнул головой.

— Тогда все в порядке. Сворачиваемся, ребята.

Фин настиг Гейлорда, когда тот садился в машину.

— В чем дело, шеф? Хайд?..

— Сбежал? Нет. Нам только что позвонили из местного полицейского участка. Джервейс Хайд пришел туда по собственной воле и предоставил информацию. — Офицер выглядел озадаченным. — Похоже, он блефует.

— Он не блефует. Хайд никогда не приносил окровавленную клюшку для гольфа в дом Латимера по той простой причине, что она уже была там.

— О, неужели?

— Послушайте. Я разговаривал со всеми, кто там был, и составил список, кто и приблизительно когда выходил в туалет, другими словами, проходил мимо того шкафа.

— Не сомневаюсь, это очень важно, Фин. Вышлите мне его как-нибудь по почте, ладно? А теперь, если вы уберете ногу со ступеньки моей машины...

— Но послушайте. Клюшка не могла прибыть раньше приезда Шейлы, правильно? Латимер в тот момент был в туалете. Мартин Хьюз шел следующим, за ним миссис Латимер, потом Портман. Но дело в том...

84. Здесь — шуточная борьба, возня на публику.

85. Патрульная полицейская машина, черная с широкой белой полосой (брит.)

— Не сегодня, Фин. Спокойной ночи. — Гейлорд кивнул в сторону дома. — Или, смотрите, можете вернуться в Содом и Гоморру, если есть желание. — Дверь захлопнулась, и машина старшего инспектора отъехала. Фин споткнулся о бордюр.

— Содом и Гоморра? Ну конечно! Эдом — еще один библейский город. Тогда ПС 59 10 может означать Псалом 59 стих 10. — Он бросился вверх по ступенькам и нырнул обратно в толпу в поисках Библии.

Глава семнадцатая

Фитч-Хаус был огромным, бестолковым сараем, частью тюдоровским, частью якобинским, с кучей запутанных пристроек. Поговаривают, что раньше в нем располагался женский монастырь, закрытый Генрихом VIII и переданный мелкому рыцарю с грязной репутацией по фамилии Фитч, своднику. Четыреста лет в нем жили Фитчи.

Достопочтенная Памела Фитч-Портман отвела своих гостей (троих Латимеров, мать и дочь Тавернер, Мартина Хьюза и Хайда) к зеленому участку, полого спускавшемуся к ручью недалеко от особняка. Она показала им местные достопримечательности, насытив свой рассказ историческими фигурами: дуб, на котором повесился граф Ченистон; железные солнечные часы, уродливый подарок принца-регента; каменная скамья, прозванная Седалищем Аббатиссы за...

Пронзительные, изысканные интонации миссис Портман всплыли, когда она вела их извилистой тропинкой к месту пикника. Минуту она стояла на небольшом холме, возвышаясь своим аристократическим профилем против синих небес Магритта⁷⁸, и, возможно, вдыхая ветер.

— Сегодня чудная погода. Всё правильно, рассаживайтесь, как кому нравится. Дерек и мистер Фин доставят еду прямо сюда.

Миссис Латимер взглянула на большой дом.

— Как вам удастся содержать все это хозяйство в чистоте?

— Как нам... о, я поняла. Вероятно, я должна была сказать, что мы больше не живем в Хаусе. Видите ли, обязательства по наследству, налоги и обслуживание не позволяют нам прочно осесть в любом случае. Поэтому мы переехали в домик привратника, — довольно уютный на самом деле, — а сам дом сдан. Правда, шейх был очень мил, позволив нам пользоваться территорией. Конечно, это не то же самое, но... хм, да. Что ж. Давайте рассаживаться. Еда прибудет прямо сюда.

Ворча, как дети, они расселись вокруг белой скатерти для пикника. Пустые тарелки и столовые приборы дразнили их своим блеском. Солнце начало припекать, и где-то кузнечик завел свою металлическую мелодию.

— Вот они. — Латимер указал на две фигуры, тащившиеся по соседнему холму. — Нет, ложная тревога. Это тот полицейский.

Старший инспектор Гейлорд и еще один полицейский пришли, чтобы занять свои места в нерабочей обстановке.

— Надеюсь, мы вас не потревожили, — сказал Гейлорд. — Подумать только, мы пришли послушать, что нам скажет мистер Фин!

Хайд лег на спину, прикрыв глаза от солнца.

— Я полагаю, у мистера Фина в планах «раскрыть имя убийцы». Я не вижу другой причины для столь маловразумительного сборища.

86. Магритт, Рене Франсуа Гилен (1898—1967) — бельгийский художник-сюрреалист.

— Я не знаю о его планах, — ответил Гейлорд. — Но мы надеемся, что он прояснит для нас пару моментов. Ага, вот и он, легок на помине.

Все проследили за его взглядом. Из-за фронтонов и труб Фитч-Хауса поднимался красно-желтый воздушный шар. Постепенно он рос, пока они не смогли разглядеть в гондоле Фина и Портмана, махавших им шляпами.

— Я должна извиниться за Дерек. Полеты на воздушном шаре — это единственное, по чему он сходит с ума, как ребенок. Мне так хочется, чтобы мистер Фин не подзадоривал его сегодня, — для взрослого Дерек во многих отношениях ведет себя довольно ответственно.

Шар снизился, едва не задев солнечные часы. Теккерей Фин, сногсшибательно смотревшийся в полосатом костюме цвета орхидеи и панаме, выскочил и помог его быстро привязать.

Латимер спросил:

— Фин, нельзя ли было обойтись без всей этой мелодрамы? Если вы просто хотели встретиться с нами, зачем?..

— Зачем превращать это в банкет? — Фин вытащил корзину для пикника из гондолы, покрутил своей тростью и сказал: — С другой стороны, почему бы и нет? Я не возражаю против того, чтобы устроить пикник с убийцей, если остальные не хотят. Сегодня замечательный день и... Подождите, сейчас вы увидите, что мы принесли.

Для полдника на траве Дерек Портман припас шампанское и эльзасское вино, крошечные сэндвичи с огурчиками, кусочки сладкой ветчины и сочного каплуна; чатни⁸⁷ и пикули, салат, свежее испеченный кобургский хлеб, а также пироги с джемом и кремовые булочки, ореховый торт-мороженое и глазированный вишневый торт; чай индийский, чай китайский и, конечно же, песочное печенье.

Следующие полчаса взрослые были заняты застольными беседами, одна Миа Тавернер продолжала упорно отказываться от еды, канюча фруктовый лед. И только когда Фин в наставительной манере из телевизионной рекламы объяснил ей, что цыпленок это «настоящее цыплячье объединение», она изящно сдалась и поела.

Наконец Фин сложил салфетку.

— Теперь что касается убийства. Думаю, для пищеварения полезно, если я буду приподнимать завесу тайны постепенно. Кроме того, мы, сыщики, ненавидим выкладывать все и сразу. Это шло бы вразрез с классической традицией, а случай, надо сказать, классический.

Сначала у нас идет убийство, которое почти похоже на естественную смерть, и на первый взгляд лишено мотива. Затем мы получаем набор из семи загадочных подсказок, каждая из которых связана с определенным цветом радуги. И это водило, казалось, наши подозрения по кругу, пока они не остановились на Фрэнке Дэнби.

И как только мы его подозреваем, естественно, он становится нашей второй жертвой. Его смерть кажется такой же бессмысленной, как и первая, и еще более сложной по исполнению. Рассмотрим:

Убийца майора Стоукса каким-то образом добрался до него в почти идеально запертом доме. Убийца Фрэнка Дэнби, в свою очередь, проник в дом, который был под наблюдением и выходы из которого охранялись. Более того, убийца не знал, что дом фактически был оцеплен!

87. Индийская приправа, которую готовят из фруктов или овощей с добавлением уксуса и специй; подается в виде соуса.

Подробнее остановимся на этом позже. По сути, мои собственные подозрения в то время были связаны с одним из семи Разгадчиков, — только и только его я считал способным на такую изобретательность, — мисс Доротеей Фараон. Она неизбежно становится третьей жертвой. Но в ее случае мы имеем вариацию на тему запертого или тщательно охраняемого дома — почти каждый подозреваемый, заслуживающий нашего расследования, был заперт в другом доме, находясь за милю от места преступления в момент его совершения!

Наконец, некий «таинственный человек» был замечен покидающим дом мисс Фараон примерно в то же время, — и с тех пор его никто не видел. И в этом отношении, дело, безусловно, является вершиной классики жанра, таким Парфеноном.

Фин достал свою пенковую трубку и сделал вид, что раскуривает ее. Тем временем он изучал лица: скучающие, выжидательные, на некоторых была тревога, один или два побелели от страха.

Он наблюдал за ними во время еды, отмечая характерные реакции даже в расслабленном состоянии, — за бокалом вина. Джервейс Хайд, лежа на боку в джинсовом костюме, сотворил из своей «высокой оценки» целое шоу, изучая вино на цвет, пробуя на вкус... но большими, жадными глотками. Дерек совершил те же манипуляции, но механически. Ему, похоже, было некомфортно сидеть на траве, не имея возможности принять эффектную позу без того чтобы не запачкать свои белые теннисные брюки. Он едва пригубил вино, затем отставил бокал в сторону, видимо, в расчете на тот момент, когда сценарий, как он думал, призовет его сделать новый глоток.

Памела Фитч-Портман, конечно, все делала без суеты. Будучи очаровательным и хорошо воспитанным существом, она отпускала замечания в манере аристократических женщин, в остальном же ничем не отличалась от массовки. Фину пришлось напрячься, чтобы разглядеть ее аккуратные черные волосы с седыми прострелами, тонкое лицо, обвисшее вокруг глаз, длинный вышитый «китайский» халат, высокий воротник которого почти скрывал ее зарождающийся зоб.

Леонард Латимер собрал вокруг себя огромное количество еды, используя вино в качестве заправки. Пища, казалось, была для него мучением, — маленькие глазки в толстых щеках метались по сторонам в поисках того, кто смотрит, как он ест. В перерывах он нервно крутил бокалом, угрожая отломить его ножку.

Вера Латимер перед тем, как что-то налить, внимательно изучила свой винный бокал и протерла его салфеткой. Ее дочь, промокнув губную помаду, пыталась держать пустой бокал в небрежно-изящной манере, пока успешно не пролила на себя то, что она назвала «шампанским». Шейла неохотно помогла ей прибраться.

Мартина Хьюза вино не заинтересовало. По его выпятившейся челюсти было ясно, что он не одобряет это расточительное застолье. Он собрал всю свинцовую фольгу с бутылок и засунул в боковой карман своей мешковатой коричневой куртки.

Шейла Тавернер, казалось, искренне наслаждалась вином и едой, довольно урча. Она покраснелась и почти ожила. Она, без сомнения, до сих пор чувствовала себя чужой в этой компании, поскольку продолжала заглядываться на одежду других женщин. Фин догадался, что она мысленно примеряет китайский халат миссис Портман и хорошо смотревшееся бело-голубое летнее платье Бренды на собственную блекло-розовую толстовку и синие джинсы. Но пока она пила вино, тяжелая угрюмость исчезла с ее пухлого лица. Ее черные волосы начали выбиваться из-под резинки, которая, перестав сдерживать их, сползла на затылок. И последнее — она сидела, наблюдая, как скачет и кувыркается на траве ее ребенок, наблюдая с удовольствием.

Успешный адвокат, несостоявшийся художник, домработница... Фин, посасывая свою пустую трубку, еще раз прошелся по галерее психологических портретов. Он не гордился этими портретами; все были поверхностными, некоторые из них неполными; и один, безусловно, врал. Он был убежден в двух вещах: убийцы не выдают себя мелкими бессознательными действиями, и убийца, несомненно, один из тех, кто находился сейчас перед ним.

— Классическое дело. Дело-Парфенон, — сказал он вслух. — Или так: классическое ли это дело, как благородные колонны Парфенона, или это классика в кавычках, как фасад банка в Канзас-Сити — дешевая, грубая *подделка*?

Латимер, который завязывал узлы по углам платка, поднял глаза.

— Имитация то есть? Знаете, у меня была схожая идея. Стоукс мог инсценировать свою смерть, а потом...

— О, я не имею в виду просто инсценировку одной или двух смертей. Я имею в виду полностью ложную картину, тщательно выстроенную вокруг трех реальных убийств. — Он подождал, когда импровизированная повязка накроет лысину Латимера, успевшую порозоветь на солнце, и продолжил. — Давайте возьмем, для примера, эти загадочные происшествия с цветочными ключами:

Зачем кому-то бросать апельсин в окно офиса Портмана? Зачем оставлять Латимеру адвокатский список из Желтых Страниц? Зачем Хайду молекулярная формула индиго? Из каких соображений нужно было пачкать могилу сэра Энтони голубой краской или красть фиалки из сада мисс Фараон? И, наконец, зачем бросать красное вещество в море перед домом Дэнби?

Я могу назвать две отличные причины. Одна из них просто завораживает. Нас ослепили ложными уликами в надежде, что мы пропустим одну из них. Честертон достаточно хорошо сказал: «Где умный человек прячет лист? В лесу». В одном из его рассказов негр прячется среди вымазанных сажой музыкантов. И вот, взяв честертонский лист из леса, спрашиваем:

«Где прячется Грин-зеленый?» И отвечаем: «В радуге».

После продолжительной паузы Хайд сказал:

— Я следую метафоре, а не буквальному значению. Вы имеете в виду, что этот человек, Грин, как-то скрывается?

— Прячется под фальшивыми цветами, мистер Хайд. Оранжевый, индиго и голубой оказались бессмысленными пустышками — теперь мы это знаем. Нас заставили поверить, что и сам Грин может быть миражом.

— Но Грин и *есть* мираж, разве не так? — сказал Портман. — Никто из нас ничего о нем не знает и никогда не видел его в лицо.

Гейлорд раздраженно прочистил горло.

— Хорошо, шеф, я иду дальше. Давайте начнем с перечисления того, что мы можем наверняка сказать о Грине. Вероятно, он выражал угрозы в адрес Стоукса. Скорее всего, он вломился в его дом и разбил посуду, и, скорее всего, именно он убил его кота. За последний месяц или около того Грин доставил довольно много неприятностей.

Но до недавнего времени Грин не был убийцей. Его угрозы и действия не ставили целью убийство, но брали на измор. Фактически, наведываясь к Стоуксу, он имел несколько шансов убить его, но упустил их. Возможно, он не собирался убивать Стоукса, пока...

— Пока Доротей не объявила о воссоединении, — сказал Латимер. — Это означает, что у него есть что-то общее с Разгадчиками. Я всегда об этом говорил.

— Да, Грин не мог допустить, чтобы Стоукс присутствовал на воссоединении. Кто-нибудь может сказать почему?

Бренда предположила:

— Чтобы он не рассказал остальным?

Мартин хмуро посмотрел на нее.

— Не говори глупостей, дорогая. Он ведь рассказал, не так ли? Рассказал по телефону тете Доротее. Да кому угодно мог рассказать. Должна быть какая-то другая причина.

— Была одна вещь, про которую Стоукс знал и мог рассказать остальным, — сказал Фин. — Но рассказать это он мог только на воссоединении, а не по телефону.

— И что же это, скажите на милость? — поинтересовался Портман.

Фин указал в него пальцем.

— Стоукс мог бы указать на лицо одного из присутствующих и воскликнуть: «Это лицо! Это лицо Грина!»

— Это не прокатит, Фин, — заметил Хайд. — Если кто-то из нас не хотел, чтобы его опознали, он мог просто проигнорировать встречу и все. Зачем совершать убийство? В этом нет никакой логики.

— Нет? — Мгновение Фин сосал пустую трубку. — Что, если я скажу вам, что был один человек, *который не мог проигнорировать воссоединение? Который не мог избежать встречи с майором Стоуксом?*

— Я бы сказал, что такого человека нет, — возразил Хайд, — Никого не должно было быть там, кроме самой Доротеи. И она могла в любой момент отменить воссоединение. В любом случае я думаю, что Грин — это мужчина.

Фин кивнул:

— Стоукс думал так же, но есть основание считать, что Грин не мог быть женщиной, выдававшей себя за мужчину.

— Все безумнее и безумнее, — вмешался Мартин. — Послушайте, меня не должно было быть там, и, кстати говоря, я не планировал быть даже близко к этому абсурдному воссоединению. И я не думаю, что вы можете пришить это Шейле.

Шейла сказала:

— Думаете, я должна была быть там? Это не так. На самом деле, мисс Фараон сказала, что собирается заказать обслуживание со стороны, чтобы со всем управиться.

Хайд причесал усы и лучезарно улыбнулся Фину.

— Так-то вот. Ваша логика сама себя победила.

— Возможно. Но дайте моей побежденной логике еще одну минуту. Давайте *предположим*, что кто-то из вас, используя фамилию Грин, как прикрытие, по роду своей деятельности вышел на майора Стоукса...

— Стойте, — оборвала его Бренда. — Вы говорили, что этот Грин был кем-то вроде шпиона или кем-то таким? Или нацистским военным преступником?

— Нет, преступником мирного времени весьма современного британского типа. Преступление может показаться достаточно мелким, но в то время наш преступник должен был защитить свою репутацию.

— Перестаньте ходить вокруг да около, — предложил Портман, — и просто скажите нам, кто преступник?

Фин выглядел удивленным.

— Я думал, вы догадались. Кто мог убить кота старого пенсионера, разбить его посуду и предложить ему деньги, чтобы уехал из города? Кто мог предложить такого рода «домогательство», как не домовладелец?

— Меня это оскорбляет. — Портман поправил галстук и выпрямился. — У меня есть недвижимость, и не существует закона, запрещающего мне сдавать ее в аренду.

— Но некоторые домовладельцы не особенно щепетильны в отношении закона, не так ли? В юридическом смысле все эти действия называются «домогательством», но по факту могут доходить до разбитой посуды или даже сломанных рук. Встречаются арендодатели, которые даже нанимают агентов, чтобы выполняли за них грязную работу.

— Но не убийство, — сказал Портман. Казалось, он заскучал.

— Обычно нет. Но теперь давайте предположим, что *вы* Грин. Вы продолжаете работать, усердно выколупывая стариков из их домов, чтобы затем загнать эти холупы по более высоким ценам, и вдруг вы обнаруживаете в одном из арендаторов своего старого товарища Стоукса. Перед вами дряхлый старик, который совсем не помнит вас. Вы, конечно, не испытываете смущения за издевательства над ним, так как всегда смертельно ненавидели его.

Затем вы узнаете о воссоединении, и шансы, что каким-то образом Стоукс раскроет ваше истинную личность, неизмеримо возрастают. Вы идете простым путем и убиваете его.

— Я, убиваю? — Портман хохотнул. — Зачем, ради всего святого?

— Вам есть, что терять. Честный респектабельный адвокат, разоблаченный как Грин. Вашей двойственности Джекилл-Хайд, — о, простите, мистер Хайд — вашему тщательно продуманному двуличию угрожает одинокий старик, которого достаточно легко убить.

— Эй, полегче! Ладно, как я решил эту проблему?

— Поскольку вы заведомо обыскали дом, вы знаете все о лекарствах майора: у него слабое сердце и слабый мочевой пузырь. По ночам примерно в одно и то же время он спускается в туалет — единственное помещение, в котором есть открытое окно.

— Вы говорили, что оно слишком маленькое, — напомнил ему Портман.

— Слишком маленькое для человека, но не для орудия убийства. Какое орудие проще всего использовать, чтобы вызвать сердечный приступ у больного старика?

— Я не знаю, удушение подушкой?

— Именно. Но подушка должна быть достаточно маленькой, чтобы пройти через небольшое окно, а по существу через вентиляционное отверстие. В то же время она должна быть достаточно большой, чтобы заполнить маленькое помещение, в котором находится человек. Орудие должно обхватить его и прижать к стене; в это время он борется, царапается, ломает ногти об него и... умирает.

— Маленькой, но большой, — насмешливо произнес Хайд. — Кажется, у нас еще один парадокс. — Затем он увидел, куда Фин настойчиво тыкал янтарным черенком своей трубки. — Воздушный шар! Будь я проклят, *воздушный шар!*

— Это отвечает всем критериям, — сказал Фин. — Сдуйте его, засуньте через отверстие внутрь и накачайте снова. К тому же он сделан из прочного пластика. Помните, у Стоукса были сломаны ногти, словно он что-то царапал, но под ногтями ничего не оказалось? Такого не могло случиться, царапай он кожу, ткань, дерево, краску или штукатурку, а вот с жестким материалом воздушного шара вполне.

Портман имел болезненный вид.

— Боже! Я так думаю... Думаю, мне нужно позвонить своему адвокату.

Во взгляде старшего инспектора Гейлорда сверкнула мягкая угроза.

— О, не торопитесь, сэр. Какой в этом смысл? В конце концов, у нас всего лишь дружеский междусобойчик, не так ли?

Через несколько минут Портман восстановил большую часть своей бравады.

— Фин, вы опасно балансируете на грани клеветы, вы это понимаете? Смерть Стоукса останется белым пятном — вы ничего не докажете. Вы описали это как идеальное преступление. Я скажу больше. — Он наклонился, чтобы покачать пальцем в сторону сыщика. — Это *и есть* идеальное преступление. Если бы я был Грином, я бы остановился на этом. Уходи, пока ты на коне.

Фин помрачнел.

— Оно идеальное, не так ли? Я могу доказать мотив достаточно легко, могу даже доказать возможность. Способ — вот чего я не могу доказать.

И когда мы подходим к убийству Фрэнка Дэнби, у меня начинаются проблемы. В его случае не наблюдается четкого мотива. Ни у одного из нас, кто был там в тот день, не было ни малейшей причины убивать Дэнби.

— Так, значит, Грин все-таки посторонний! — воскликнула Бренда.

— Так это выглядит. Давайте мысленно перенесемся в тот день. Цикл раздачи таинственных цветковых ключей-меток был почти завершен, и только Дэнби еще не получил свою «красную» метку. Мисс Фараон затащила нас туда, чтобы выяснить, почему.

Но поведение Дэнби оставалось еще большей загадкой. Он постоянно кидался на всех с оскорблениями, давая понять, чтобы мы катились к черту. Он даже не вскрыл конверт с приглашением мисс Фараон, впрочем, та же участь постигла и другую его корреспонденцию. Он держал злую собаку, словно кого-то или чего-то боялся. Соседка тоже это отметила. Она сказала, что Дэнби вел себя больше как «гангстер, скрывающийся от властей», чем как отставной офицер из службы безопасности. Почему?

Когда мы впервые увидели его, он смотрел на море в подзорную трубу, но ни одного объекта для такого наблюдения там не было. Позже, когда мы все выбежали посмотреть на красный пигмент в воде, он даже не приподнялся в кресле. И снова — почему?

— Он был уже мертв, — сказал Мартин.

— Сперва я тоже так подумал. Но это не соответствует словам тех, кто слышал, как он умирает.

Миссис Латимер напугала всех, впервые подав голос.

— Я знаю, почему он остался. Он собрался покончить с собой. Вполне логично, учитывая в каком жутком свинарнике он жил.

— Он был убит, — настаивал Фин. — Убит Грином. Рассмотрим каждый инцидент по порядку. Мы все выскочили и побежали вниз к пляжу. Последним, кто ушел, была либо мисс Фараон, либо мисс Латимер.

— Я была последней, — сказала Бренда. — Я прибежала обратно, чтобы вернуть нож. Меня все еще смущает это, но... Кажется, я положила его в корзину в центре комнаты.

— Это не имеет значения, — великодушно сказал Фин. — Дэнби был еще жив, когда вы ушли, как мы убедились. Дальше — вы, мистер Хайд, отошли ближе к дому, чтобы получше разглядеть пятно на воде. Вы пробыли там достаточно долго, могли проскользнуть внутрь и сделать свое дело.

— Но я не делал этого, мой дорогой Фин.

— Вероятно, нет. Потому что после того, как вы отправились обратно к пляжу, Шейла Тавернер вошла в дом через заднюю дверь и услышала звук убийства.

— Это она так говорит, — вмешался Портман.

— Да, она говорит, что искала свою дочь Мию. Она увидела открытую заднюю дверь, вошла внутрь и услышала звук убийства. И тут же выбежала. В то время она не знала, что Миа была там, пряталась под кухонным столом. Так что Миа тоже слышала предсмертные хрипы.

— Я могу поручиться за это, — сказал Гейлорд. — Сегодня утром Фин по моей просьбе поговорил с ребенком. Он пошевелил ушами, и она выложила ему всю историю. Пугающие подробности, должен добавить.

Фин резюмировал.

— Шейла выбежала на улицу, Миа выбежала за ней и догнала ее на дороге. И вместе они услышали, как вы, мистер Латимер, кричали, что Дэнби мертв.

Таковы факты, которые мы можем дополнить последними слова Дэнби: «Кто вы? Что вам надо?»

— Кхааааааа, — дополнила Миа, и Фин вздрогнул.

— Ух, спасибо, Миа. Слова подразумевают, что Дэнби не узнал своего убийцу. В то же время он только что познакомился со всеми нами. Итак, мы предполагаем, что Грин был, в данном случае, совершенно посторонним человеком, не из нашей группы.

Однако это создает еще одну проблему. В момент убийства за домом следили как спереди, так и сзади. Миа и Шейла находились на кухне. Латимер и Мартин, должно быть, были уже на пути к входной двери, и таким образом не могли не заметить, что кто-то выходит. Так что Грину, совершившему свой кровавый поступок, хватило времени только чтобы исчезнуть из гостиной — он мог пройти в спальню и выйти через боковое окно. Но этот путь охраняла собака. Позже, когда полицейский пришел забрать ее, она сработала как очень эффективная сигнализация — отчаянно залаяла на появление незнакомца в спальне. Почему мы не слышали такого лая, когда вошел Грин?

— Старая проблема Холмса, — заметил Латимер. — Ответ: Грин и собака знали друг друга.

— *Весьма* маловероятно, но допустим, что это правда. Грин проходит мимо собаки и подходит к окну спальни. Но подоконник этого окна покрыт толстым слоем пыли, и осмотр полиции установил, что он остался нетронутым. Выбраться из этого окна было невозможно.

Иначе говоря, Грин мог сбежать из этого дома, только став невидимым.

— Я не понимаю, — сказала Бренда. — Вы предполагаете?..

— Нет. Я предполагаю, что Грин как таинственный незнакомец никогда не существовал. Фрэнк Дэнби не убивал человек со стороны. *Это сделал один из нас.*

Это был кто-то из нашей группы, кого представили Дэнби несколькими минутами ранее. Но кого он не узнал.

— Маскировка! — воскликнул Хайд. — Мне начинает это нравиться!

Фин выглядел бессильным.

— Я дал вам все возможные намеки, а вы все еще не понимаете? Дэнби не вскрывает свои письма — почему? Ему неинтересно море, окрасившееся в красный цвет, — почему? По той же причине он держал часы без стекла и преждевременно ушел из охранного агентства:

Фрэнк Дэнби был частично или полностью слепым.

— Минуту, — сказал Мартин после небольшой паузы. — Все мы видели как он разглядывал море в подзорную трубу.

— Если мне не изменяет память, адмирала лорда Нельсона однажды видели с подзорной трубой у слепого глаза, — ответил Фин. — Естественно, ничего разглядеть он не мог. Инцидент с подзорной трубой должен был нам подсказать, не будь у нас ничего другого.

— Что вы имеете в виду? — спросила Бренда.

— Попробуйте при случае воспользоваться подзорной трубой в солнцезащитных очках. Или даже в простых очках. Вы ничего не увидите, если не приблизите инструмент непосредственно к самому глазу. Все равно смотреть было не на что — нам показали спектакль.

Когда такой гордый, неумолимый, физически крепкий человек, как Дэнби, слепнет, что вы хотите, чтобы он сделал? Купил жестяную кружку и аккордеон? Или забился в щель и зализывал раны? Слепота объясняет каждую черту его необъяснимого поведения. Его грубость, его затворничество, его нескрытую почту — он даже мебель в доме держал поближе к стенам.

Да, слепота объясняет все, и это самые простые объяснения. Более того, это объясняет своеобразную невидимость Грина.

Я уже говорил, что Мартин и мистер Латимер были «на пути к входной двери» в

момент совершения убийства. На самом деле, один из них уже вошел в дом и вонзил хлебный нож в горло Дэнби.

— Одну минуту, — сказал Латимер. — Я хочу...

— Признаться? Это было бы очень кстати.

Позже мнения всех сошлись в одном: миссис Латимер немного взбунтовалась, засветив молочником в голову Фина. Остальное было совсем непонятно: действительно ли она метила в него кипящим чайником? Кто держал ее: Портман или старший инспектор Гейлорд? И кто подхватил падающую в обморок миссис Портман, потому что ей грозило шлепнуться лицом в пирог с джемом? И кто помешал Хайду размозжить голову Латимера бутылкой шампанского? Не Шейла, поскольку она пыталась остановить Мию, энергично топтавшуюся на тарелке с кремовыми булочками. И не Бренда, потому что она с криком бросилась в объятия отца.

Однако точно известно, кто прекратил переполох, накрыв всех скатертью для пикника, кто поспешил потом к воздушному шару и сбросил причальный трос — Мартин Хьюз.

Глава восемнадцатая

Первое, что сказал Гейлорд, когда его голова высунулась из ткани, было:

— Фин, я считаю вас полностью ответственным. — Он вытер густые сливки с уха, порылся в кармане и достал миниатюрную рацию. Затем началась непонятная череда полицейских сообщений:

— Босанова — я Румба... Босанова — я Румба. Свяжитесь с Кекуок, Бегуэн и Болеро. Польке, Канкану и Хоки-коки занять свои позиции и приготовиться... Мы ищем желто-красный шар. Да не шарф, а шар — *воздушный шар*... Как у Жюля Верна. Откуда я знаю, какой у него номер? Я даже не знаю, есть ли у них номера... Правильно, да... Лучше позвони Полонезу и Шотландке, пусть поднимают вертолет, только ласково...

— Румба, время вашего сообщения 15.14... — ответила рация.

Танцевальные названия в инструкциях совсем не сочетались с возможным захватом летательного аппарата, на котором сбежал Мартин Хьюз. Ветер постепенно смещался, относя красно-желтый объект обратно к Фитч-Хаусу. В одного из верхних окон дома появилось приветливое бородатое лицо в бурнусе.

— Это шейх, — сказал Портман. Он снял шляпу и помахал ей, затем указал на воздушный шар.

Шейх исчез из окна. Через минуту он появился снова, прицеливаясь в небо из длинной арабской винтовки.

— Он не сделает этого! — сказал Гейлорд.

Шейх уже сделал. Когда эскорт полицейских машин (вероятно, Чарльстон и Фанданго) мчался вверх по подъездной дорожке к Фитч-Хаусу, воздушный шар начал медленно спускаться им навстречу.

— Я не хотел быть вовлеченным и не хотел, чтобы Мартин тоже был вовлечен, — объяснил Латимер. — Это все было таким кошмаром!

— Поэтому вы лгали, — сказал Фин.

— Я лгал наполовину. Я сказал, что *думал*, что мы с Мартином вместе вошли в дом Дэнби, но не был уверен.

— Я рад, что вы признались, я знал, что вы признаетесь. Теперь посмотрим, смогу ли я восстановить то, что произошло на самом деле. Шейла слышала шаги убийцы. Они не

были медленными, шлепающими шагами человека, туфли которого развязаны и наполовину сваливаются. Другими словами, они не были *вашими* шагами.

— Это верно. — Латимер сидел, прижимая к груди женщин своей жизни, по одной на каждую руку. — Произошло следующее: как только мы добрались до ступенек, одна из моих туфель свалилась. Я сел, чтобы вытряхнуть камешки, когда Мартин вошел внутрь. Он был там всего несколько секунд. Я... Я просто не мог поверить...

— Что я убил совершенно незнакомого человека? — спросил Мартин. — Это не так. — В компании Гейлорда и двух констеблей он возвращался к месту пикника. Четверка неуклюже присела в отдалении от остальных.

— Я ничего не сделал, — подчеркнул Мартин. — И мне не обязательно оставаться здесь.

— Вы угнали воздушный шар, — сказал Гейлорд. — Я предъявил вам обвинение, и вы останетесь там, куда я вас посадил. Я не хочу пропустить остаток лекции мистера Фина из-за вас, так что сидите спокойно.

Бренда вытерла слезы.

— Простите меня, мистер Фин, я просто не могу в это поверить. То, что Мартин запаниковал, еще не значит, что он ваш убийца.

— Меня немного озадачивает, — сказал Портман. — Мартин не воздухоплаватель, как мы только что видели. Чуть не врезался в дом. Как вы собираетесь доказать, что он убил старого Стоукса?

Фин помотал головой.

— Только не воздушным шаром. Мисс Латимер навела меня на мысль, когда рассказывала о поездке во Францию. «Мы никогда не распаковывали лодку», — сказала она. Может, речь шла о надувной резиновой лодке? Купленной в армейском запаснике?

— Да, — кивнула Бренда. — Откуда вы узнали?

— Я догадался. Эти авиационные спасательные надувные шлюпки из резервов идеальны в работе — небольшие, достаточно легко проходят через окно и быстро надуваются до полной кондиции. И часто они приходят с дополнительным оборудованием — например, с красной сигнальной краской. Для вас, Мартин, это очень характерно — не выбрасывать ничего, что может пригодиться впоследствии.

— Фин, вы сумасшедший. Я должен был убить Дэнби, человека, которого я совершенно не знал. Я должен был убить Стоукса, которого я никогда не встречал! Полагаю, в следующий раз я буду работать на Грина, этого красного шпиона, разделывателя котов или кем он там должен быть?

— Нет, вы не работали на Грина, вы и есть Грин. И, знаете, вы уже во второй раз, что кота разделали. До этого вы говорили, что... — Фин сверился со своим блокнотом, — что вы не верите, что один и тот же человек «разделал кота, затем каким-то образом убил Стоукса» и так далее. Странно. Потому что *только два живых человека знают, как нашел смерть кот Стоукса*. Я, потому что я нашел его труп. И *Грин*.

— Абсурд! Тетя Доротея знала, и все остальные тоже.

— Нет, Стоукс сказал ей только, что кот был убит. Она, естественно, подумала о яде, и это именно то, что она сказала другим. Я никогда не рассказывал никому из вас, как умер кот на самом деле.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, — сказал Мартин спокойно. — В любом случае я вряд ли могу быть привлечен к суду за случайно выбранную фразу или даже за владение резиновой шлюпкой. Придумайте что-нибудь получше, Фин.

— Отлично, тогда я начну с самого начала. Ваша строительная фирма специализируется на преобразовании старых особняков в многоквартирные дома. Не удивительно, что вы встретили несколько домовладельцев, желающих избавиться от своих

защищенных арендаторов и готовых заплатить каждому, кто сможет их выселить. Вы взялись за эту работу.

— Но он занимался благотворительностью, — попыталась возразить Бренда, — навещал стариков!

— Как лучше всего найти новых клиентов, вернее, новых жертв? Каждый новый защищенный арендатор, которого он находил, был потенциальным вознаграждением от благодарного домовладельца. — Он повернулся к Мартину. — К Стоуксу вы пришли, уже изрядно набив руку в этом деле: пользоваться только вымышленным именем, брать только наличными, чтобы полиция ни в чем вас не заподозрила, если кто-то пожалуется.

А потом разорвалась бомба. Стоукс не только знал вашу тетю Доротею, он вот-вот должен был встретиться с ней. Он уже пожаловался ей по телефону, рассказав о домогательствах Грина. Если бы он пошел на встречу, все бы выплыло наружу.

— Мы уже проходили это. Я не собирался быть на воссоединении, говорю вам! Как он мог меня там увидеть?

— Ему не нужно было видеть вас лично. Достаточно взглянуть на те милые фотографии, которыми мисс Фараон устала свой камин. Десятки фотографий Мартина. Она очень гордилась вами. Она хотела похвастаться своим преуспевающим племянником перед старыми друзьями. И каков был бы результат?

В лучшем случае вас бы исключили из завещания, в худшем — посадили бы в тюрьму. Зачем рисковать, когда можно легко убить Стоукса и сделать так, чтобы все выглядело, будто он умер своей смертью?

Только это не совсем сработало. Мисс Фараон заподозрила неладное и наняла меня. Вы сразу поняли, что лучший способ защитить свое наследство — заявить на него права. И с тех пор вы положили все свои силы на то, чтобы ваша тетя Доротея умерла.

— Чудовищно, — сказал Мартин. — Вы и вправду полагаете, что я убил больного пенсионера, слепого мужчину, а потом женщину, которая вырастила меня как собственного ребенка?

— Согласен, чудовищно, но я знаю, что сделали это именно вы. Первое, что вам нужно было сделать, это организовать небольшие инциденты с цветочными ключами, чтобы отвлечь внимание от фамилии Грин. И когда вы украли фиалки из сада вашей тети, вы оставили заметный ложный след. Любой мог достать где-нибудь старый башмак и сделать то же самое.

— Какой в этом смысл? — спросил Мартин.

— Смысл — подтолкнуть вашу тетю к тому, чтобы она сама, шаг за шагом, пришла к своей смерти. Вы знали, что она поступит именно так, как поступила: возьмет этот казавшийся перспективным след и пойдет по нему, куда бы он ни привел.

Сначала он привел в Доусон, Суссекс. Теперь, когда я думаю об этой поездке, я вспоминаю три момента: мисс Фараон организовала ее. Она пригласила всех Разгадчиков. И она предложила нам разуться и прогуляться босиком. Если оглянуться назад, причина очевидна: она привезла с собой этот гипсовый слепок следа, чтобы приложить его к подошвам всех туфель. Полагаю, он лежал в корзине, вокруг которой она все время суетилась.

Портман щелкнул пальцами.

— Ну конечно! Когда все мы были на пляже, и Латимер уже вошел в воду, она попросила Мартина сбегать за чем-то... а потом сказала, что не надо. Такое вполне могло быть.

Фин кивнул.

— Пляж был слишком людным. Она хотела провести свое маленькое расследование тайком, пока ее жертва не избавилась от инкриминирующих туфель.

Но потом произошло еще одно убийство, и секретность стала невозможной. И вот *что*, Мартин, я считаю по-настоящему чудовищным. У вас были причины убить Стоукса и свою тетьку, отвратительные, но все же причины. Но вы убили Дэнби хладнокровно, просто потому что — я даже не знаю, как это назвать — потому что хотели, чтобы все выглядело как система. Проткнули его так же, как проткнули желтую страницу — без чувств и сожаления.

Мартин расплакался.

— Хладнокровно? Ты, хладнокровный ублюдок, сидишь здесь и говоришь...

— Говорю правду! — Судорога гнева исказила мягкие черты лица Фина. — Вы можете плакать, но я хочу, чтобы ваши слезы были искренними.

Хайд понял, что самое время задать вопрос.

— О какой «системе» вы говорите, Фин? Мне не совсем понятно.

Фин глубоко вздохнул.

— Ну, мы все наблюдали, как цветковые ключи выстроились в систему — каждый ключ указывал на кого-то из Семерки Разгадчиков. Мартин увидел шанс использовать тот же принцип для убийств. Серия, понимаете? После А и В мы ждали С... и С стала мисс Фараон.

— Но он чертовски рисковал, не так ли?

— Больше, чем он думал. Он не мог знать, что Шейла и Миа всё слышали. Если бы дом был пуст, мы бы никогда не узнали, кто и когда убил Дэнби. Это была азартная игра, и он банально проиграл. Но не раньше убийства С.

— Он не мог убить Доротею в одиночку, — сказал Портман. — Никто не мог. А что насчет этого сообщника... этого «таинственного незнакомца», которого видели выходящим из дома?

— Да, сообщник, самый верный, самый преданный, исполненный глубочайшего доверия. Я имею в виду, конечно, мисс Доротею Фараон.

Фин вынул бумагу, которую он нашел в столе мисс Фараон, и пустил ее по кругу.

— Когда мисс Фараон писала это, она думала, что разрабатывает стратегию собственных расследований. На самом деле, она разрабатывала план собственного убийства. Вначале обратите внимание на особые ссылки после каждого имени: *пляж*, встреча с кем-то в «я. р.», — теперь мы знаем, что это *японский ресторан*, — и, наконец, *сауна*. Обратите внимание на общее во всех этих пунктах. *Все это места, где снимают обувь*.

Я говорил вам, что она была одержима этим следом. Она любыми средствами хотела раздобыть обувь ее коллег Разгадчиков. Даже заголовок для своего плана придумала подходящий «ПОСЛЕДки», шутливо обыграв заметки по следу.

Сложнее всего, на первый взгляд, с «последком» Леонарда Латимера. Цитирую: «Идея «Эдома» (ПС 59 10), использовать записку для М., алисины дверь».

— Записку для М.? Это, должно быть, та самая задачка для Мартина, которую никто из нас не мог решить, — сказал Латимер. — Но остального я не понимаю.

— Поймете. Так или иначе, какой смысл в этой записке? Мисс Фараон могла позвонить Мартину или передать записку в другой раз. Зачем она просит Шейлу проделать такой длинный путь, чтобы отвезти ее?

— Ответ на самом деле прост. Шейла не столько везла записку, сколько пассажира.

— Что? — спросил Портман. — Как это понимать?

Фин повернулся к Шейле.

— Вспомните, когда вы в последний раз видели мисс Фараон, она вдруг попросила, чтобы вы сделали ей какао и оставили его у двери в спальню?

— Да, она готовилась лечь...

— По-видимому. Но мы говорим сейчас не о взбалмошной старушенции. Мы говорим о мастере головоломки, сыщике-любителе. У нее не было намерения отправиться в постель с выдуманной головной болью так же, как и пить какао. У нее было свидание с Джервейсом Хайдом в японском ресторане. Правильно, мистер Хайд?

— Да. Она предупредила, что может немного опоздать.

— Потому что хотела кое-куда заехать. Шейла в последний раз вы видели ее в ночной рубашке, но под рубашкой у нее были надеты брюки и крахмальная сорочка от *ее старого костюма*.

Хайд прыснул от смеха, но быстро подавил его.

— Да, это в ее духе. Пыталась шокировать меня, потому что утверждала, что я непрошибаемый. Но вы упомянули, что это был ее *старый* костюм? Со времен Разгадчиков?

— Она гордилась, — сказал Фин, — что все еще может пользоваться своим старым гардеробом. В общем, как только Шейла спустилась на кухню, мисс Фараон скинула ночную рубашку, надела пиджак и убрала свои женские волосы под единственную мужскую шляпу, которая у нее была. Это старая шляпа Мартина, которую он купил ей для работы в саду. Какого размера была эта шляпа, Мартин?

Мартин перестал кричать и рыдать и сейчас просто выглядел бледным, видимо, от страха.

— Какого размера? Никогда не замечал.

— О, вы всё очень точно замечали. Вы внимательнейшим образом отнеслись к этому исключительно маленькому размеру шляпы, как мы позже увидим. — Секунду Фин смотрел на Мартина в упор, затем продолжил: — Она оделась и выскользнула из дома с хозяйственным пакетом, в котором лежал ее драгоценный слепок. Она спряталась на заднем сидении машины, и Шейла спокойно отвезла ее в дом Латимеров.

Когда Шейла вошла внутрь, мисс Фараон обогнула дом и направилась к маленькой боковой дверце — отдельному входу для кота Латимеров. В ее записях она значилась как «алисина дверь». Там, в ночных тенях, мисс Фараон, со своим гипсовым слепком, принялась ждать.

Остальное зависело от ее «агента» в доме. Я уже говорил, что *содержание* записки, которую доставила Шейла, не имело значения. С таким же успехом можно было привезти чистый лист бумаги. Важен был сам факт появления Шейлы с запиской. Это сработало как сигнал.

Помощник мисс Фараон должен был извиниться, пройти коридором до кошачьей двери и...

— Подождите. — Портман повернулся к миссис Латимер. — Я все еще хочу знать, что миссис Латимер делала тогда в коридоре. Она вытерла кровь с этой клюшки? Была ли она замешана в этом деле или?..

— *Она?* — Миссис Латимер оцетинилась. — Вам не следует говорить обо мне так, будто меня здесь нет. Я расскажу вам, что я делала. Я увидела кровь на полу, и подумала, что это, должно быть, кот притащил дохлую птицу или еще кого-то. Я взяла мокрую тряпку и вытерла пятно, а потом случайно заметила, что дверь шкафа приоткрыта. Я испугалась — животное могло что угодно спрятать там. Поэтому открыла ее и посмотрела. И это все.

— Вы не трогали клюшки? — упавшим голосом спросил Портман.

— Я их даже не заметила. Я смотрела вниз, на полу среди обуви.

— Среди *обуви*. — Фин выдержал паузу для эффекта. — Я как раз собирался сказать, что задачей «агента» мисс Фараон было передать обувь мистера Латимера через кошачью дверь, чтобы она могла сравнить ее со слепком.

Но вышло все иначе. Помощник вынул не обувь, он вынул клюшку для гольфа. Он сказал что-то вроде: «У меня возникли некоторые проблемы. Можно попросить вас ненадолго заглянуть сюда?» Какой бы умной она ни была, мисс Фараон безоговорочно доверяла своему помощнику, поэтому она просунула голову в кошачью дверь. Он ударил ее клюшкой по голове, — нет ничего проще, он мог даже выбрать правильную *позицию*, ради бога, — и задушил ее ее же собственным галстуком-бабочкой. Через минуту-другую все было кончено. Клюшкой он протолкнул ее голову назад в кошачью дверь, затем вытер клюшку, убрал ее в шкаф и вернулся к триктраку.

Он допустил небольшие ошибки, но они не имели решающего значения. С его стороны было неосторожностью не заметить пятнышко крови на полу у кошачьей двери, но откуда ему было знать, что его так быстро обнаружит орлиный глаз миссис Латимер? По большому счету, это была очень профессиональная работа — как раз этого мы ждем от человека, у которого есть небольшой опыт.

Мартин сделал последнее слабое усилие.

— Вы закончили со своей маленькой шарадой? Потому что даже если допустить, что все сказанное вами — правда, вы не установили, что я — помощник.

В улыбке Фина не было ничего смешного.

— Не закончил. Вы продержались до одиннадцати, чтобы ваше алиби не вызывало сомнений, потом попрощались, подобрали снаружи тело и отвезли его в дом мисс Фараон, открыв дверь ее ключом. Вы отнесли тело наверх и переодели обратно в ночную рубашку. Запонка, которую она сорвала со своей сорочки и зажала мертвой хваткой... вы ничего не могли с этим поделать. Костюм и остальные вещи вы перевязали с гипсовым слепком и отправили в мусорный бак у дома Хайда. И «шарада», как вы выразились, получила полное завершение.

И шарадой было именно это — тщательно прописанный, отрежиссированный спектакль, чтобы ввести в заблуждение доверчивых. При всем ее гениальном уме для игр в слова и решения логических головоломок мисс Фараон была наивна в реальном мире. Она искренне считала, что, имея в распоряжении только кусок гипса и надежного помощника, она может отправиться на поиски убийцы и найти его. А вы, убийца, помогали ей — шаг за шагом, только шаги были ложными.

Вы усомнились в двух вещах: в правильности моих объяснений и в моей способности доказать, что вы, Мартин Хьюз, являлись помощником-убийцей.

Объяснения правильные. Мы можем проверить это, попробовав объяснить факты как-нибудь по-другому. Можно ли как-нибудь еще объяснить «таинственного незнакомца»? Запонку с рубашки? Следы удушения на шее трупа, которые в точности повторяют контуры жесткого воротничка ее старого костюма? Можно ли как-нибудь по-другому, с точки зрения судебной медицины, объяснить тот факт, что тело переместили спустя несколько часов после смерти? А бессмысленную записку, доставленную Шейлой?

Следующее, что требует объяснения: клюшка для гольфа, послужившая орудием в этом преступлении, была найдена в шкафу Латимера на следующий день. Только два человека могли принести ее туда *из другого места*: мистер Латимер и мистер Хайд. Но во время убийства мистер Латимер находился дома, а мистер Хайд — в японском ресторане, и оба — в окружении свидетелей. Никто из них не мог убить мисс Фараон нигде за пределами дома Латимеров.

Но предположим, что это сделал неизвестный сообщник, а клюшка тайно перекочевала из рук мистера Латимера или мистера Хайда в шкаф. Тогда мы должны признать, что либо мистер Латимер имел намерения обвинить себя, — что клюшка почти и сделала, — либо человек не додумался до простой мысли: выбросить орудие в мусорный бак, что сделало бы это преступление совершенно неразрешимым.

Наконец, мы должны объяснить «последки» мисс Фараон. Очевидно, они есть следствие ее планов по сверке обуви со слепком. — Фин зачитал бумагу: «Леонарда — идея «Эдома» (ПС 59 10), использовать записку для М., алисины дверь». Я уже объяснил

«записку для М.» и «алисину двери». Остается объяснить «Эдом» и что значит «ПС 59 10». Я считаю, что это может относиться только к Псалму 59 стих 10: «Обувь брошу мою на Эдом»⁸⁸.

Хайд застонал от каламбура⁸⁹, а потом стушевался.

— Полагаю, я ответил на ваше первое сомнение, Мартин, — сказал Фин, — Теперь переходим ко второму: были ли вы тем помощником, который убил ее?

Это пункт, где безукоризненное алиби может превратиться в обвинительное заключение. Пока мы думали, что убийство произошло в доме мисс Фараон, все в доме Латимеров были вне подозрений. Но теперь, когда мы знаем, где и как она умерла, вся группа разом переместилась в категорию подозреваемых.

Помощник не мог быть тем, кого мисс Фараон подозревала в убийстве. Это исключает Портмана, Латимера и миссис Латимер. А так как мисс Фараон допускала, что Бренда *могла* убить Дэнби, это исключает и ее тоже. Миссис Портман, Гарв и Эллиотты были ей незнакомы, поэтому они отпадают. Остаетесь вы, Мартин.

Помощник должен быть тем, кому мисс Фараон полностью доверяет. Кто знал все о технике изготовления слепков со следов и, возможно, помог бы сделать такой слепок. И, самое главное, кто мог дать практический совет по его использованию. Но в первую очередь он должен быть тем, кто знал, что голова мисс Фараон достаточно мала, чтобы пролезть через кошачью дверь, кто знал размер ее шляп, поскольку купил ей шляпу. Снова Мартин.

Наконец, помощник-убийца должен был выйти в коридор *после* того, как Шейла «подала сигнал», прибыв с запиской, но *до* того, как миссис Латимер заметила пятно крови на полу. Однако все согласятся с тем, что единственным человеком, кто выходил в коридор в интересующий нас промежуток времени, был Мартин Хьюз. Еще вопросы есть?

Когда Мартина увели, повисла тишина. Полицейский констебль спустился с холма и позвал мистера Фина.

— Да, что случилось?

— Вас спрашивает мистер Ходж, сэр. Он здесь, говорит, что никак не мог дозвониться до вас, мол, ему есть что сообщить насчет находки. Он нашел какую-то резиновую лодку в канале. Говорит, вы обещали ему вознаграждение.

— Но как он узнал, что я здесь?

— Он подал на вас в розыск. Ему показалось, что вы ведете с ним какую-то грязную игру.

Фин улыбнулся.

— Передайте ему, что я с удовольствием заплачу, но пусть сначала представит полиции свои доказательства. — Он встал, потянулся и посмотрел вокруг. Джервейс Хайд сидел очень тихо.

— Бросьте печальиться, — посоветовал Фин. — Я уверен, она бы это не одобрила. — Печаль затуманивает видение.

— А?

Фин ткнул тростью в сторону дома.

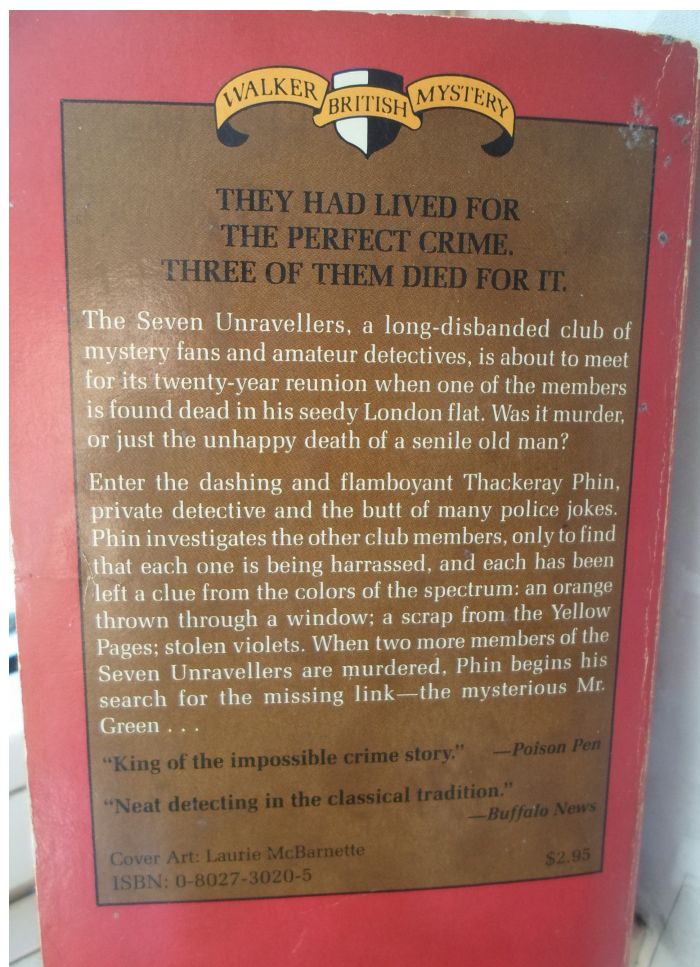
— Вы можете пропустить интересный сюрреалистический пейзаж. Взгляните туда!

88. Перевод Кулакова. В английском оригинале ссылка дается на *Псалом 60 стих 8*.

89. Английская игра слов. Обыгрываются слова «casting» (*слепок*) и «cast» (в значении библейского *брошу*). То есть каламбур в том, что слово «брошу» Хайд переигрывает на слово «слепок», и получается как бы *обувь к слепку моему...* и далее по тексту.

Полицейский в шлеме, — на самом деле это был толстый сержант, — очертя голову несся через английский парк, преследуя наполовину сдувшийся красно-желтый воздушный шар. Ветер тащил его прочь, и шейх, в полном белом облачении, пытался противодействовать этому с другого направления. Внезапно к погоне присоединился старик. чья борода развевалась на ветру, а лодочный багор никак не мог зацепить беглеца. Наконец, ускользнув от всех, шар проплыл парком и уперся в кустарник. Кустарник был пострижен в форме слона.

К о н е ц

Они жили ради идеального преступления. Из-за этого трое из них погибли.

Семерка Разгадчиков, неформальный клуб любителей детективных тайн и детективов-любителей, распущенный много лет назад, накануне своего воссоединения получает неприятный сюрприз — одного из старейших членов находят мертвым в лондонских трущобах. Убийство или просто несчастный случай со смертельным исходом?

На сцене появляется энергичный и колоритный Теккерей Фин, частный детектив и мишень для многочисленных полицейских колкостей. Занимаясь расследованием внутри клуба, Фин обнаруживает, что каждый из членов получил своеобразную «цветовую» метку: оранжевый апельсин, брошенный в окно; вырванный листок из Желтых Страниц; украденные фиалки... Когда из Семерки Разгадчиков убивают еще двоих, Фин начинает поиск недостающего звена — таинственного мистера Грина...

«Король историй о невозможных преступлениях» — *Poison Pen*.

«Отличный детектив в классическом духе» — *Buffalo News*.

